

ПРОСТОР

**Литературно-художественный
ежемесячный журнал**

ИЗДАЕТСЯ С 1933 ГОДА

Учредители: ОО «Союз писателей Казахстана»
и Центр «Каламгер-медиа»

Председатель Совета редакторов
Нурлан ОРАЗАЛИН

ПОЭЗИЯ

Тамара ШАБАРЕНИНА. Весна пришла на плоскодонках	3
Клим ПЕРВУШИН «...Колокол в небе звенит...»	55
Радуга над Иртышом: Сергей МУЗАЛЕВСКИЙ. Игорь МИНАКОВ. Виктор СЕМЕРЬЯНОВ. Жанаталап НУРЖЕНОВ. Иван САРАФАНОВ. Любовь ГАВРИКОВА. Юрий МОСТОВОЙ. Татьяна ОКОЛЬНИЧЬЯ. Леонид КОЛЬЦОВ. Ольга ГРИГОРЬЕВА. Владимир КУПРИН. Лина ЛАТЫШЕВА. Жасулан САДЫКОВ. Нуртин ЮСУПОВ. Иван КАНДЫБАЕВ. Михаил БЕЗУГЛОВ.	76
Андрей ГОРПИНИЧ. Взмах крыла	94

ПРОЗА

Медеу САРСЕКЕ. Необузданный историк	7
Шакир А-МИЛ. Смерть почтарки	87

КУЛЬТУРА

Владимир БОНДАРЕНКО. Хранитель бессмертия	57
---	----

В МИРЕ ФАНТАСТИКИ

Виктор ИНЮШИН. Инопланетный синдром человека и казахстанская фантастика	97
Виктор МОСОЛОВ. «Оно»	101
Бауыржан МНАЖАТ-ДИН. Кобыз прорицателя.	108
Орынбай ЖАНАЙДАРОВ. «Вскрытие инопланетянина».	116

ПАМЯТЬ

Ануар Алимжанов: ответственность писателя (к 80-летию со дня рождения)	143
---	-----

Ануар АЛИМЖАНОВ. Полигон должен быть закрыт!
Чтоб не остаться под атомным пеплом 152

КРИТИКА

Халим САДЫКОВ. В контексте содружества литератур 181

ФАВОРСКИЙ СВЕТ

Наталья ВАЛУЙСКАЯ. Вера наполняет сердце человека любовью ... 160

АФОРИЗМЫ

Валерий ДЖАНАЕВ. Мысли и откровения 187

УЛЫБКА ПЕГАСА

Мурат УВАЛИЕВ. Тайский вояж казахстанца.

Светлана НАЗАРОВА. Эпиграммы 191

Исполнительный директор

Жанарбек АШИМЖАН

Главный редактор Валерий МИХАЙЛОВ

Заместитель главного редактора

О.К. Жанайдаров

Отдел поэзии

Н.М. Чернова

Отдел прозы

К.К. Гайворонский

Отдел критики, культуры

Л.К. Шашкова

Отдел очерка, публицистики

Н.А. Валуйская

Художественно-технический отдел

С.Н. Макаренко

Web-редактор

Л.Б. Мананникова

Корректор

О.И. Горун

Оператор

С.С. Кезбаева

Дежурный редактор

О.К. Жанайдаров

Адрес редакции: 050000, Алматы, проспект Абылай хана, 105, 1-й этаж
Телефоны: отделы – 8 (727) 272-87-74, секретариат – 8 (727) 272-86-06

Материалы, публикуемые в журнале, отражают только точку зрения автора. Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать рукописи.

Рукописи в редакцию журнала сдаются в электронном виде и распечатанные на бумаге.

Журнал прошел перерегистрацию в Комитете информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан и получил удостоверение № 7349-Ж, от 4 июня 2006 года.

Наш электронный адрес: <http://prostor.ucoz.ru>

<http://www.prstr.narod.ru> e-mail: prstr@mail.ru

Журнал “Простор” в розницу можно купить в редакции журнала.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. листов 12,0. Уч.-изд. л. 16,8.

Тираж 1266 экз. Заказ № 361. Набрано и сверстано в КЦ журнала “Простор”.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии АО “Алматы-Болашак”.

Алматы, ул. Муканова, 223^Б. Тел.: 378-36-46.

Алматы © “Простор”, № 4, 2010. При перепечатке ссылка на «Простор» обязательна.

ISSN 0131-5587

Малара Шабаренина

ВЕСНА ПРИШЛА НА ПЛОСКОДОНКАХ

ПРИТЧА ПРО ФОРПОСТ

Жил да был форпост
 Бородинск.
 Он святой Яик охранял.
 Он руками рыбу ловил,
 В праздники
 фуражку ломал.

Если лезла степь
 на рожон,
 Он орал прицельное «Пли!»
 Конницы тревожных
 времен
 Пролетали в серой
 пыли.
 Евразийский сумрачный
 тракт
 Отдыхал на постоялом
 дворе.
 Постоялый двор гостю рад.
 Угощенья —
 на серебре.

Воронье, карие — тпру!
 Постояльцы шли ко двору.
 Здесь кивал почтарь — почтарю
 И менял зарю на зарю.
 Ось земная раскалена,
 Тарантас спешит
 на форпост.
 В миг — пожалте-с, два скакуна!
 Вот и весь дорожный вопрос.

Воздух от гоньбы
 не остыл...
 Господин в крылатке стоял.
 Он ни чай, ни водку не пил.
 Только лошадей поменял.

Глянул гостю вслед
 коневой:
 «Эх, путя его далека!»
 Трав пожухлых рвался
 конвой,
 Полной рысью шли
 облака.

Полной рысью шел горизонт,
 Где порос быльем бастион,
 Где оглобли артбатарей,
 Кости крепостей-бунтарей.

Видел ли казак-коневой,
 Видел ли Яик
 горевой,
 Что там гость увидел,
 узрил,
 Что своей крылаткой
 накрыл?

* * *

По спирали время
 взвилось.
 И ушла из села
 благодать,
 Так уж на Руси
 повелось —
 Молча деревням
 умирать.

Вот и взял и умер
 форпост
 Без свечей
 и горьких речей,
 Был форпост,
 а стал он — погост —
 Нету ни замков,
 ни ключей.

Умер Бородинск,
но живет:
Стал в ученых книгах
аннал,
Потому как у его,
у ворот
Господин в крылатке стоял...

ЛЮБОВЬ

Наталье Кожевниковой

Чтоб без меня
суетился цветной карнавал,
Чтоб жила себе тихо,
читая стихи красноталу,
Город к окраине
цепью меня приковал.
Да не подумал:
все цепи сбегают к Уралу!
Вольный,
он волю вовек раздавал
Всем, чьи будары
к его берегам прибивало.
«Нес он простор,
как девятый бушующий вал:
Здесь никогда
никому его не было мало!»

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

*Создателем первого духового оркестра
в Уральске был Алябьев. Слова к его песне
«Вечерний звон» написал искалеченный
войной гусар Иван Козлов.
(из краеведческих публикаций)*

Органном соло
бурый яр дохнул:
Урал Горыныч
заручил добычу:
И гранный город
бурку распахнул,
Отзывчивый зараз
на ключ скрипичный.

Двуколка привезла
«Вечерний звон»
На трон муниципального
оркестра
И выцветшей крылатки
лонжерон,

И вольный нрав
опального маэстро.

МАРИНКИН ЯР

Памяти Б.Б.Пышкина

Яр высится лобастый,
красноглинный –
Маринкин яр,
Маринкин яр,
Маринкин!
Как пашкой скошен
берега оскал.
Верблюжьими колючками сухими
Пустыня
выцарапывает имя
Той, чья мольба
здесь слышится и ныне,
Чьи вежи ветр
с набега разбросал.

* * *

К ноздре ноздря
летят к Яику кони,
Уносят самозванку от погони.
Хранит ее за мзду
донской клинок.
Околдовал
полячку трон Московии:
К нему она –
хоть вплавь по морю крови!..
Вот подрастет
царевич-воронок
Лжедмитриич...
Но слышно на Яике,
Как пьет с Москвою
Новгород Великий
За истинно державный постулат:
Сумняше иноземные опеки,
Отныне вместе
присно и вовеки:
«Прикажет царь –
бояре порешат».
Что порешат
боярины удалы?
Из-за полячки не минуть опалы.
Глядят на Дон
донские казаки.
Яицкий берег

им подсказку кажет
И белы руки
самозванке вяжет:
Крутая воля у крутой реки.

* * *

Буравят хищно
перстни и персты
Ту землю,
что хотели взять обманно.

Здесь злые слезы
обронила панна
И застолбила ими полверсты...

Маринкин яр!
Как бьет в него волна!
Он вечно отступает перед нею!
Да, вольница залетная

вольна,
Но вольница Яицкая
вольнее!

Он здесь остался,
чужеземки дух:
Обходит берег

пеший или конный:
Чужие имена земли исконной
Тревожат сердце
и пугают слух...

Шагни –
взметнется тьмою острых жал,
По черепицам разнесет суглинки,
Дохнет из-под земли
утробный жар:

Маринкин яр,
Маринкин яр,
Маринкин!

ВЕСНА В ЗАТОНЕ

Весна пришла
на плоскодонках.

Баржа качает
рыжий бок.

Весна – малярша
из Затона –

Пейзаж грунтует,
как Ван Гог!

Такая творческая сила
Весь лед разбила

на ладьи.

Береза почки приоткрыла,
Как девка губы
для любви...

БАЛЛАДА О СОЛДАТЕ

Спешит с войны солдат
С великой мировой,
Колеса говорят:
Дом-ой, дом-ой, домой!

Качается вагон,
Вагон – «Армагеддон».
Зениткой солнце бьет
С восточной полосы.
Душа кисеты рвет,
А гармонист – басы.

А гармонист поет,
А песня, будто лед.
А в песне – бугорок
Да поле без дорог.
Но солнце бьет и бьет
С восточной полосы,
И время настаёт
Подкручивать усы.

В России горя – воз.
Но водки – больше слез.
Скрипит вокзальный скат.
Горит кирза огнем!

...Еще не знал солдат,
Что песня-то о нем.

МОНАСТЫРЬ

Не выйдут грома из полона,
В скирдах не очнется трава.
Деркула угрюмое лоно,
Святой монастырь Покрова.

В нем пахнет смолой и елицей –
По денежке скинулся мир.
Брус к брусу, доска – к половице
И весь монастырский мундир.

Кисть выбелит мрак запустенья,
Стропила уйдут на дрова,
И первое богослуженье
Замшелые вынет слова.

Вздохнут тяжело пепелища,
Откроется книга Псалтырь,
И нищий забудет, что нищий,
И сирый забудет, что сир...

Вскользнут зажженные свечи,
Встрепещут живые огни.
И древние плачи и речи
Озвучат насущные дни.

УХОДЯ В ПОДНЕБЕСЬЕ

Все спешишь, а дорога крута:
Холодеют ладони.
Нагоняют, как кони, лета:
Не уйти от погони!
Я бы вздернула этих коней!
Я бы бросилась им под копыта!
Защитила б на тысячу дней.
Неужели любовь – не защита?
Не защита шептать у огня
Про Иисусе Воскресе...
Все равно оставляешь меня,
Уходя в Поднебесье...

ПЛАЧ

Спели в звень-косу
Хоры смертные:
Белый день несут
С черной метиной.
Топит в зыбь весло
Речка пенная,
Чтоб забыть его,
Незабвенного.
И твое «прощай» на святом одре,
И моя печаль
На Свистун-горе.
А Свистун-гора
Все посвистывает,
Вечер-утра перелистывает...

ЭТЮД

Глядят два оконца
Светлее тоски.
Летит через солнце
Мосток в три доски.
К подолу Вселенной
Щекою примяк
Совсем несмышленный
Еще березняк...

СЕСТРЕ

Как откроешь Евангелие
ты, золотая.
Стань беззлобным растением –
охлади...
Наши павшие ангелы
нас не спасают,
Наши павшие ангелы –
детские дни.
Жизнь – остаточный час,
не огромнее суток –
Будто вещь в позолоте –
на донце лимит...
Золотая, поплачь,
если темный рассудок
Через трещину в гроте
на солнце глядит...

г. Уральск

Медеу Сарсеке

НЕОБУЗДАНЫЙ ИСТОРИК

(главы из романа)

Продолжение. Начало в № 3

АРЕСТ И СЛЕДСТВИЕ. СУД. ПРИГОВОР

В тот день в Новотроицкое Ермухан вернулся поздно, когда уже в небе высыпали звезды. К ужину его ждала семья Ахметжана. «Ну как, Ереке, обошлось?» – спросил Ахметжан, как бы мимоходом. И тут гостя прорвало.

– Кому-то вверху мое учительство в этих местах стало поперек горла. Кажется, мне в скором времени придется менять местожительство...

– Что вы, учебный год только начался, откажитесь!

– Видимо, спрашивать об этом меня не будут... – Ермухан заставил себя силой улыбнуться. – Дорогие мои Ахметжан и милая Хадиша, обоими вами я доволен, спасибо за вашу доброту и участие. В тяжелые для меня дни вы приняли меня как родного брата. Этого никогда не забуду!.. Любите ваше дитя – маленькую Дану, пусть сопутствует ей счастье, за нею пусть родятся и мальчики!

Ахметжан заерзал на месте, желая как-то успокоить гостя, но тот дал ему знак – не перебивать.

– Я вам безгранично доверяю, и поэтому у меня к вам обоим настоятельная просьба... – Ермухан чуть помедлил. – В моей комнате на столе лежит толстый сверток, перевязанный бечевкой, – это последний экземпляр моей монографии. Прошу тебя, Ахметжан, сегодня же перенести ее из твоего дома в надежное место! Имейте в виду, что с нею связана моя единственная надежда на возвращение в науку.

– Ой, Ереке! Неужели дело дошло до этого?

– У меня нет ничего дороже этой рукописи... – Голос Ермухана задрожал. – Не мешкайте, действуйте!..

Где-то через час, вероятно, почувствовав, что гость его все еще не спит, а ворочается с боку на бок, Ахметжан, чуть приоткрыв дверь, сообщил:

– Ереке, спите спокойно. Все шито-крыто.

5 сентября ранним утром к дому Ахметжана подъехала автомашина, получившая в народе зловещее название «черный ворон», из закрытого кузова вышли трое мужчин. Одним из них был тот майор – уполномоченный министерства безопасности по городу Чу. Они показали учителю Ермухану Бекмаханову ордер, подписанный прокурором республики А. Набатовым, на его арест. Пригласив хозяина дома и его соседа, произвели обыск, перерыли все, вплоть до дровяного сарая. Однако ничего предосудительного не нашли. В конце концов молодой следователь, русский, руководивший обыском, подошел к сидевшему безучастно в своей комнате историку и, срываясь на крик, строго спросил:

- Где твоя рукопись?
- Осталась в Москве, если у вас хватит власти, спросите у инструктора Центрального Комитета Шикина!.. – ответил историк.
- А где остальные экземпляры?
- Остальные сжег, чтобы они не достались моим противникам, чтобы они не использовали мой труд, так что вы с обыском опоздали...

Халима Бекмухамедова, «Двадцать лет вместе»:

«5 сентября и у нас в доме был обыск. Я вернулась в 10 часов с вечерней работы, дверь открыта, какой-то незнакомый казах показал документ на обыск. Я догадалась, что-то случилось с Ермуханом. На мой вопрос, что с Ермуханом, они ничего не ответили. Двое мужчин и одна женщина тщательно перелистывали книги из библиотеки Ермухана, откладывали рукописный материал. Чувствую, что они тщательно ищут рукописные труды и письма коллег. А я рукописи спрятала в ящик, где лежало грязное бельё. Сидя в растерянности, видимо, часто смотрела в ту сторону. Оказывается, женщина из группы обыска следила за мной. В один момент она подошла к этому ящику и вытащила оттуда большую стопку рукописей** . Найдя их, она почестно-то очень обрадовалась. А я сидела и плакала, корила себя за свою оплошность. Мои малыши не спали, чувствуя какую-то тревогу, бежали из комнаты в комнату, передавая уже проверенные книги то мне, то бабушке. Дети тоже поняли, что случилось чрезвычайное происшествие. Под утро, где-то в 5 часов, незваные гости закончили обыск, опечатали кабинет Ермухана. Когда я подписывала протокол о проведенном обыске, только запомнила одну фамилию – Бучин. Позже я узнала, что он вел следствие по делу Ермухана».*

* * *

Нам известно, что слежкой за Бекмахановым и подслушиванием его разговоров занимались 14 человек, можно сказать, их «уши» были повсюду. Меня, в первую очередь, удивило не количество «добровольных» соглядатаев КГБ, согласившихся следить за известным ученым, а их состав: в основном это были его коллеги по науке – ученые-историки, преподаватели исторического факультета КазГУ, аспиранты, студенты, даже государственные служащие... Их доносы настолько мелки и мерзки, что было тошно их читать, тем более здесь воспроизводить...

Допрос арестованного историка вели следователи по особо важным делам Министерства госбезопасности: старший лейтенант Бучин и Соловьев (звание последнего неизвестно). По свидетельству арестанта, был еще и третий следователь, казах. Это был настоящий садист, не человек, а зверь, – так позднее о нем отзывался сам Ермухан Бекмаханов. (Известно, что карательные органы применяли разнообразные методы дознания: например,

* По рассказу Халимы Адамбековны, все письма друзей, присланные из Москвы, Ермухан в то лето отвез в горы и сжег там. Видимо, среди них были письма, содержавшие сведения, которые могли повредить его друзьям.

** Судя по тому, как тщательно следователи искали новую монографию историка, они не хотели допустить выхода этого труда в свет. Почему? Потому что этот труд полностью реабилитировал бы Е. Б. Бекмаханова, и тогда рассыпались бы все их обвинения. Именно потому следователи, конфисковав три экземпляра этого труда, не зафиксировали это в протоколе. Вот еще нелюбопытный факт: инспектор ЦК ВКП (б), получив из рук самого историка один экземпляр рукописи, не счел нужным предъявить его соответствующим инстанциям. Если бы он так сделал, то вопиющий и несправедливый вывод о националистической направленности прежней монографии, сделанный шикинской комиссией, отпал бы сам собой и оказался бы обыкновенной клеветой... Но это не было сделано. Мало того, как оказалось впоследствии, все экземпляры его монографии, изъятые из его алматинской квартиры, а также тот, что получил инспектор ЦК ВКП (б), пропали без следа. Думается, они были сразу же уничтожены...

один следователь был мягок и участлив, он зачастую вел с арестантом доверительную беседу, постоянно подталкивая своего подопечного к компромиссу; другой был груб и жесток; а третий – садист, он выбивал признание кулаками, пытками... Обычно обвиняемый не выдерживал такой смены следователей и через месяц-другой ломался, подписывал любую липу, которую подсовывали следователи.)

Допрос Бекмаханова следователи начали с выяснения его происхождения: «У тебя в имени и фамилии есть слова «хан» и «бек», что это значит? – спросил Бучин. – Значит, ты приходишь от казахской аристократии?» «Гражданин следователь, об этом надо спросить у моего отца, умершего, когда мне было всего шесть лет. Ясно, что я не мог сам себя так назвать...» – ответил историк на первый вопрос. «Бекмаханов, запомни, ты от нас такими отрицаниями не отделаешься. В 1915 году, когда ты появился на свет, у казахов вовсе не было свидетельств о рождении. А вот ты с малых лет, как говорят сведущие люди, любил слова «хан» и «бек», поэтому сам приписал себе эти аристократические титулы, чтобы стоять над своими товарищами...» – нес несурязицу следователь. «Это не так, – возразил Ермухан. – Не возводите напраслину!» Неуступчивость историка рассердила следователя, и он, нисколько не смущаясь, ударил беспоощного арестанта кулаком по лицу. Из носа Ермухана пошла кровь. «Ты мне не указывай, вопросы задаю только я, а твоя обязанность – отвечать на них!» – кричал неистовый следователь, снова приближаясь к подследственному. «Вы же образованный человек, почему распускаете руки? Если вы таким путем будете добиваться у меня признания, прямо скажу: я не буду отвечать на ваши вопросы...» – заметил арестованный, вытирая кровь со своего лица. «Это еще посмотрим, когда ты пару недель посидишь в нашем карцере, сволочь!..» Ермухан покачал головой и примирительно ответил: «Понятно, гражданин следователь, вы подумайте и сопоставьте факты: в школу я пошел в 1925 году, а выборы ханов в казахской степи были запрещены в 1822 году указом российского царя. Значит, слова «хан» и «ханская власть» вышли из употребления казахов сто лет тому назад. Да и мог ли себя вообразить ханом ребенок, который из-за бедноты своей до десяти лет не смог попасть в школу? По вашей настойчивости я уже понял, куда вы клоните. Вы хотите заставить меня признать, будто бы я мечтал о восстановлении ханской власти с детских лет. Нет, еще раз нет, хоть сто раз твердите, но это обвинение ко мне не пристанет». «Твое упрямство, Бекмаханов, погубит тебя, лучше признавайся сразу. Ты и твои аулчане считали ханскую власть ниспосланной казахам с неба, и ты неслучайно со школьной скамьи заучивал поэмы-дастаны об этих ханах и их батырах!» – не унимался следователь. А у Ермухана Бекмаханова, должно быть, лопнуло терпение, и он выпалил: «Если вы настаиваете на своем, приглашайте свидетелей, пусть они докажут мне, что я питал особенную любовь к ханам. Учтите, я историк. Я привык любое событие рассматривать и обосновывать конкретными доказательствами...» Похоже, что у старшего лейтенанта были неглубокие познания не только по истории, но и вообще по основам общественных наук, но зато у него хватало самодовольства. Поэтому он с остервенением несколько дней подряд мучил попавшего ему в руки ученого-историка: «Ты, негодяй, у меня еще заговоришь, когда я приглашу твоих дружков детства, они запросто припрут тебя к стенке! Так что думай, как быть тебе при их появлении...»

Очевидно, историк не знал, что, ведя однообразные, ничего не значащие, глупые и изнурительные допросы, следователь стремился подорвать волю подследственного к сопротивлению. Между прочим, это был обычный метод, выработанный карательной системой за долгие годы истязаний безза-

питных узников и выбивания у них нужных признаний. Следовательно, и к Бекмаханову применялся тот же прием. Допросы историка были начаты 5 сентября и окончены 15 ноября 1952 года. Значит, 2,5 месяца следователи, меняясь в течение суток по несколько раз, выбивали у него признания в несовершеннолетних преступлениях. (Естественно, мы не можем голословно утверждать, что каратели применяли пытки, так как их зверства не отражались в протоколах. Но зато мы знаем из рассказов очевидцев, в том числе Х. А. Бекмухамедовой, наблюдавших его в дни судебного заседания, что он выглядел осунувшимся, каким-то пришибленным человеком, временами терялся в ответах, часто уточнял вопросы, задаваемое ему судом или прокурором, да и на лице видны были отеки, следы ран... Словом, прежнего бойкого человека-трибуна, прекрасного оратора и задиристого честолюбца уже не было, будто бы его подменили смиренным, боязливым, трусливо озирающимся по сторонам двойником. Только временами он поглядывал в сторону зала, и тогда знакомые замечали прежнюю искорку в его помутневших глазах.)

Ниже приводим перечень вопросов, почерпнутых нами из протоколов допросов. Ответы на них подследственного были твердыми и постоянно отрицательными. Часть из них прозвучала во время судебного заседания...

– когда была организована ваша националистическая группа, от кого исходила идея противостояния;

– почему импонируют тебе вожди Алашского движения, кто толкал тебя на их путь;

– от кого ты получил первоначальное задание на подробное описание истории восстания, возглавляемого Кенесары, на его чрезмерное восхваление как национального героя; мы знаем твоего советчика, но лучше будет, если ты сам назовешь имя этого возмутителя общества;

– кто состоял в вашей националистической группе;

– почему особый интерес к тебе проявлял президент АН Казахской ССР и хотел, чтобы ты скорее стал доктором наук, мы знаем, что он оплатил расходы на банкет в Москве, организованный в честь успешной защиты твоей диссертации; о чем разговаривали с Сатпаевым, какие задания он давал тебе;

– оказывается, когда ты писал свою докторскую диссертацию, Ауэзов часто приглашал тебя в филиал Академии наук, о чем вы говорили; правда ли, что он тебя постоянно настраивал на возвеличивание Кенесары, строил к тебе своего друга Жиренчина, почему ты этот факт не признаешь...

– ты лично агитировал Сулейменова, Шоинбаева, Нурханова, Тольбекова и еще ряд лиц, чтобы они стали членами вашей националистической группы? Мы сведем тебя с ними...

Если вдуматься в смысл этих каверзных по смыслу вопросов, то станет ясно, что все они преследовали одну цель: во что бы то ни стало доказать, что в Казахстане вольготно действовала большая группа ярых националистов, противостоящая советскому государству, расшатывала его устои, вносила существенный разлад в братский союз народов СССР... А историк Бекмаханов, как активный член подпольной организации, в течение многих лет стремился вовлечь в нее недостаточно идейно и морально устойчивых граждан, особенно из среды ученых и литераторов, мало того, своими трудами он поддерживал в их среде антисоветские настроения.

Следствие по такому громкому политическому делу обычно шло 5-6 месяцев, порой и еще дольше, чтобы втянуть в группу обвиняемых множество сообщников. Однако расследование «преступления» Ермухана Бекма-

ханова завершили быстро, менее чем за три месяца, а прокурор республики утвердил обвинительное заключение без промедления, буквально на следующий день, 16 ноября. Все шло ускоренными темпами. Причин такого ускорения несколько: во-первых, Е. Б. Бекмаханов был главной фигурой в политической кампании 1951-1953 годов; во-вторых, он признал свою вину, правда, отнеся ее к категории «научного заблуждения»; в-третьих, во время следствия случилось неожиданное препятствие, чего власть никак не предполагала: несколько радиостанций Европы регулярно стали передавать сообщение о заключении в тюрьму известного казахского историка за выпуск в свет сугубо научной книги и, забегая вперед, предсказывали, что он вскоре будет осужден на много лет и будет отправлен в Сибирь... И эти нелцеприятные, по содержанию довольно точные сообщения породили в народе и за рубежом множество слухов и кривотолков. Именно они привели в замешательство главных организаторов этого процесса, и они, испугавшись, поторопили судебные органы скорее закончить с ним...

Халима Бекмухамедова, из воспоминаний «Вместе двадцать лет»:

«2 декабря 1952 года был суд. Я всегда была настороже и каким-то чудом узнала об этом. Стояли морозные дни. Я тепло оделась и рано утром отправилась к зданию Верховного суда Казахской ССР (оно тогда находилось на пересечении улиц Гоголя и 8-е Марта). Я сидела в коридоре, мимо меня проходили, не здороваясь, Мамутов, Жумин, Чижов, Шоинбаев, Кузнецов, Тулекеева и еще кто-то.

Ермухана привели под конвоем четверых солдат. Он хотел было приблизиться ко мне, и я бросилась к нему, но нас разняли.

Ермухан, вероятно, очень волновался, опасаясь, что я могу высказать какое-то недовольство, поэтому он позднее попросил охранника-казаха, чтобы он предложил мне молчать. Я передала через него Ермухану, что я сижу спокойно, молчу. Пусть он не беспокоится. Ермухан отказался от адвоката: «Я сам смогу себя защитить», – сказал он. Но все равно ему назначили адвоката Кожабегенова, явно человека КГБ».

Итак, 2 декабря 1952 года начался суд над историком Е. Б. Бекмахановым.

Курапов, государственный обвинитель: «...Своевременная, по-большевистски острая статья газеты «Правда» помогла выявить действовавшую у нас в течение долгих лет буржуазно-националистическую группу. Стало известно, что ей были чужды наш образ жизни, социалистическое государственное устройство, в котором организующей, руководящей и направляющей силой является Коммунистическая партия. Своими действиями они подрывали морально-политическое единство советского народа, наносили непоправимый вред социалистическому строительству. Активные члены этой группы Сулейменов, Исмаилов, Мухамеджанов (ошибка, по-видимому, он имел в виду К. Мухамедханова – доцента, известного абаевода Семипалатинского пединститута. – М. С.) уже осуждены по статье 58-10, пункт 2 и лишены свободы на 25 лет. Подстрекателями и вдохновителями этой группы вредителей-националистов являлись их «вожди» М. Ауэзов, С. Муканов, К. Жумалиев и другие, в ближайшее время за свои тяжкие преступления, я думаю, они получат по заслугам.

Сегодня коллегия Верховного суда Казахской ССР рассматривает дело Ермухана Бекмахановича Бекмаханова, особо опасные преступления которого доказаны многочисленными фактами и показаниями свидетелей, за что

он исключен из рядов Компартии, а также лишен ученых степеней... Бекмаханов в своих научных трудах в течение длительного времени преднамеренно широко пропагандировал потомка хана Аблая – Кенесары Касымова... представляя его борцом за свободу и независимость казахского народа. Таким образом, Бекмаханов, грубо извратив исторические факты, придав им националистическую окраску, в течение десяти лет сбивал с толку научную интеллигенцию, специально создавая путаницу в истории Казахстана. По сути это была провокация, направленная на разжигание розни между казахским и русским народами. Его неоднократно по-товарищески предупреждали устно и печатно, но он все благие пожелания упрямо отвергал. С целью переубедить его и заставить отказаться от ошибочных взглядов в свое время были организованы научные дискуссии, притом неоднократно, однако с помощью своих приверженцев-коллег он всегда ухитрялся отстоять свою открыто враждебную нашему обществу теорию. В настоящее время все его единомышленники разоблачены, все до единого строго наказаны, большинство из них исключены из рядов Компартии, отстранены от научной работы. Против некоторых возбуждены уголовные дела.

Во время следствия Бекмаханов свои политические ошибки полностью признал...

Пользуясь предоставленными мне полномочиями государственного обвинителя, с целью пресечения в дальнейшем преступных действий Бекмаханова, направленных на разложение социалистического общества изнутри, я прошу коллегия Верховного суда Казахской ССР вынести ему приговор по статье 58-10, пункту 2 Уголовного кодекса».

Бекмаханов, обвиняемый: «Признаю себя виновным в том, что переоценил и представил в ложном аспекте реакционно-феодалное движение Кенесары Касымова. Но, должен заметить, многие русские историки, например, Вяткин, Тимофеев, Федоров, в своих научных трудах, опубликованных до 1940 года, значит, до моего исследования, называли это движение народно-освободительным. Известный казахский писатель, поэт и литературовед Сабит Муканов еще в 1926 году в своей поэме «На джайляу» посвятил целую оду Кенесары Касымову, другой классик советской литературы Мухтар Ауэзов в 30-е годы написал драму «Хан Кене». Что касается меня, то никто из старших мне не сказал, что я на неверном, гибельном пути. Я категорически заявляю, что таких разговоров никогда не было!.. Если перечислять всех, кто считал Кенесары героем, то можно назвать десятки литераторов и историков, да еще добавить к ним всех деятелей государства и Компартии, могу составить список, уверяю членов коллегии, что в нем наберется более сотни имен...»

Мамутов: «Обвиняемый Бекмаханов, не бросайте тень на весь народ, говорите о своих преступлениях!..»

Бекмаханов: «Моя вина заключается в том, что в отличие от других я только более основательно исследовал движение, возглавленное Кенесары. И, что странно, пока моя книга о нем не увидела свет, это было в 1947 году, никто мне не сказал, что мои выводы сомнительны, скороспелы, а труд мой направлен против политики государства... Следовательно устроил мне очную ставку с историками Беком Сулейменовым и Тлеукажи Шоинбаевым. Сулейменов при встрече утверждал: «Я предупреждал тебя, что ты на скользком пути, но ты проявил упрямство и не прислушался к моим словам...» Я возразил ему и сейчас заявляю: никогда не было такого разговора. Шоинбаев тоже говорил, что он по-товарищески предостерегал меня – это ложь. Тлеукажы Жанаевич в мой кабинет заходил только скандалить. Разве можно в такой обстановке обсуждать научные проблемы? А что касается свидетельского показания против меня историка Шахматова, то оно сделано с перепугу пос-

ле выступления газеты «Правда». В действительности же, когда он читал мою книгу, то льстил мне, мол, я смелый исследователь, герой нашего времени. В кабинете же следователя он наговорил на меня всякую ерунду...»

Курапов, из заключительного слова обвинителя: «Преступление обвиняемого в ходе судебного заседания полностью доказано. Против Советского государства он действовал не один, вокруг себя организовал большую группу... Поэтому прошу коллегия суда вынести строгий приговор, применив к Бекмаханову наказание по статье 58-10, пункт 2, Уголовного кодекса, с конфискацией в пользу государства принадлежащего ему имущества».

ПРИГОВОР

именем Казахской Советской Социалистической Республики

4 декабря, 1952 г., город Алма-Ата.

«Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР в составе: председательствующего, члена Верховного суда Казахской ССР А. Мамутова, народных заседателей Д. Джунусовой и Р. Жулина, с участием прокурора А. Курапова и адвоката Кожабергенова, при секретаре Н. Степановой, рассмотрев со 2-го по 4-е декабря в закрытом судебном заседании уголовное дело по обвинению Бекмаханова Ермухана, 1915 года рождения, уроженца аула № 10 Баянаульского района Павлодарской области, казаха, гражданина СССР, из семьи крестьянина-бедняка, бывшего члена ВКП(б), исключенного за националистические взгляды, имеющего высшее образование, работавшего до ареста преподавателем Новотроицкой средней школы Чуйского района Джамбулской области и обвиняемого по ст. 58-10, часть 11 УК РСФСР, коллегия ПРИГОВОРИЛА: Бекмаханова Ермухана по ст. 58-10, часть 2 УК с санкцией ст. 58-2 подвергнуть 25 (двадцати пяти) годам заключения в исправительно-трудовом лагере, с поражением в избирательных правах сроком на 5 лет и с конфискацией лично принадлежащего ему имущества. Считать его отбывающим наказание с 5/IX-1952 г., т. е. со дня заключения под стражу. Вещественные доказательства хранить при деле. Приговор окончательный, в кассационном порядке обжалованию не подлежит».

Пункт 2 статьи 58 предусматривал пресечение враждебных действий, ставивших целью отторжение союзной республики от Советского Союза. Обычно осужденные по этому пункту расстреливались, приговор исполнялся в течение 3-х дней. В 50-х годах наказание в виде расстрела по этому пункту было временно отменено...

Ясно, жестокий приговор был вынесен с полного одобрения ЦК КП(б) Казахстана. Все же непонятно, как блюстители закона могли пойти на то, чтобы осудить фактически невинного человека, притом без права обжалования. И это сделал советский суд, осуществлявший по Конституции якобы правосудие на основе подлинно демократических принципов, подчиняясь только закону.

Итак, произошло то, чего с первых дней преследования добивались недруги Бекмаханова. Звезда, только недавно взошедшая на небосклоне казахской исторической науки, закатилась. Судьба замечательного историка решилась всего-навсего за три дня. И он, под дулами винтовок тупых и равнодушных ко всему охранников отправился в далекие края, откуда, как правило, из тысяч возвращались только единицы. В ту пору ему исполнилось всего 37 лет. Его недоуменный вопрос: «За что, в чем моя вина?» — остался без ответа. И действительно, за что, за какое преступление он осужден находиться в заточении четверть века? Из речи прокурора, показаний десяти свидетелей, приглашенных на процесс, также и судебного приговора мы об этом толком так и не узнали. Все то, что произошло на суде, не

поддается разуму, не укладывается в голове, напоминает средневековый суд над человеком, впавшим в ересь по наущению дьявола. Тогда считалось, что он находится во власти богов прошлого, служит им, причиняя людям вред, насылая на них порчу, всякие беды и несчастья, и потому кара, постигавшая его, была беспощадной. Об этом исчерпывающе написано в классическом инквизиторском труде «Молот ведьм».

Вслед за Бекмахановым казахстанские инквизиторы взялись и за других ученых-гуманитариев, спешно изолируя их от общества, и эти меры, как ни странно, назывались, по признанию прокурора А. Курапова, «воспитанием советской интеллигенции в духе коммунистических идеалов».

Халима Бекмухамедова, «Двадцать лет вместе»:

«4 декабрыме разрешили присутствовать при оглашении приговора. Ермухан смотрел на меня со слезами на глазах. Услышав приговор, он совсем расплакался. Как тут сдержаться, когда вынесен жестокий, несправедливый приговор, не оставивший и проблеска надежды на будущее, лишивший всего, что было дорого. Конвойные, не дав нам возможности попрощаться, его сразу забрали...»

«Не помню, как я добралась до дома, всю дорогу плакала. Дома нельзя было показывать слезы, нельзя было расстраивать маму, тетю и детей. Хотелось бежать из Алма-Аты, спасти Ермухана, чем-то помочь ему, облегчить его участь. Не дождавшись увольнения, я сама подала заявление об уходе из Женского пединститута, но пока вела занятия в строительном техникуме и работала воспитателем в интернате № 12. Боялась, когда вызывал меня завуч, мне казалось, что он скажет: «Вы жена врага народа, мы должны уволить вас». Многие сторонились меня, остерегались разговаривать, да и я сама не хотела причинять людям неприятности. Конечно, были и порядочные люди, которые сочувствовали. Директор интерната № 12 Анна Александровна Бурлова поддерживала меня, не показывала виду, что она все знает. Чувствовалось, что и у нее были сложности, похожие на мои. До конца, пока я сама не уволилась, она с уважением относилась ко мне, хвалила, ставила меня в пример другим воспитателям...»

«ПУТЬ РАЗУМА ДЛИННЕЕ ЗЛОДЕЯНИЯ»

Приговоренный судом к длительному сроку заключения, он как бы погружался в кошмарный сон. Его окружали решетки, он то и дело слышал лязгание оружия, скрип сдвигаемых и раскрывающихся ворот, грубые выкрики конвоиров, лай овчарок. Особую жуть нагонял этап, когда поезд долго-долго вез обреченного на бесконечные муки зека, ему казалось, в никуда... А в конце концов он лишь из одной камеры попадал в другую и оказывался отрезанным от всего мира.

Прошло три месяца после вынесения приговора. Ермухан не знал, где он, не мог сообщить семье, что жив и еще ходит по земле... Он не знал, как чувствуют себя пятеро маленьких детей, оставшихся в двух его семьях (старшей, Наиле, уже исполнилось двенадцать лет, Нурия осенью только пошла в школу, у остальных троих еще молоко на губах не обсохло, самому младшему сыну Сермухану – два года). От Амины он не ждал никакой помощи. Нутром чувствовал, что Халима непрерывно бегаёт по всем инстанциям, чтобы передать что-либо и узнать, куда его увезли. Но, увы, связи с близкими, да и с обыденным миром, как ножом, обрезали...

Однако свет не без добрых людей. Через долгих три месяца Халима однажды в своем почтовом ящике обнаружила небольшое письмецо. Оно

было написано 26 февраля 1953 года, значит, через два с половиной месяца после суда, на конверте был верно указан их домашний адрес (судя по письму, его писал не русский и не очень грамотный, но очень добрый человек): *«Сдрасте, незнакомые люди. Во-первых, сообщаю вам о том, что я был вместе с вашим мужем в Петропавловске. Так что он покамест жив и здоров. Конечно, не так здоров, но зносно. Он просит помощь деньгами, хоть руб. 100 на курево, остальное покамест так себе, а когда отправят в лагерь, на работу, тогда он сообщит. Пока все, ваш незнакомый...»* Из этих отрывочных, кое-как составленных слов Халима поняла, что этот добродушный гонец, выйдя на свободу, выполнил просьбу мужа, сообщил все-таки какие-то сведения о нем, и она наконец-то узнала, где он находится и ждет отправки в лагерь...

Слава Аллаху! Наконец-то она нашла Ермухана, которого искала по всем тюрьмам Алма-Аты, Джамбула и Талды-Кургана... Измученной бесконечными поисками мужа женщине и эта весточка была подарком судьбы. Не мешкая, Халима отправила в пересыльную тюрьму казахстанского Петропавловска письмо и немного денег.

В ожидании ответа прошел еще один месяц.

«Милая Галочка! Очень скучаю и беспокоюсь о вас. Если дойдет мое письмо, то постарайся ответить. Вот уже два месяца, как нахожусь в петропавловской пересыльной тюрьме. Думаю, что в ближайшее время направят в один из лагерей. Полагаю, что по состоянию здоровья могу оказаться в одном из инвалидных лагерей. Разумеется, бездействовать не собираюсь и найду себе работу. Если будет возможность, то телеграфом переведите немного денег. Крепко поцелуйте за меня Ермушку и Сермушку. Своими делами займусь по прибытии в лагерь.

*Целую и обнимаю вас. Ваш Ермухан. 25 февраля 1953 г.
Мой адрес: г. Петропавловск, л/п, почтовый ящик – 48».*

Письмо-открытка, отправленное из тюрьмы-пересылки, к домочадцам Ермухана пришло в конце марта (это было после четырехмесячного томительного ожидания). О том, что каждая весточка из тюрьмы проходит через цензуру, Ермухан и Халима были наслышаны. Поэтому, когда они писали друг другу письма*, всегда учитывали, что их будут внимательно читать чужие. Они старались как можно меньше говорить о посторонних вещах. О себе писали общими словами, что чувствуют себя неплохо, так как знали, если скажем, упомянут о ценах на продукты или нехватке чего-то, то такое письмо контролеры сразу уничтожат. Приходилось быть конспираторами, обходиться намеками... («Через год-два привыкнете и будете понимать друг друга с полуслова...» – учил Халиму знакомый писатель Хамза Есенжанов, человек, прошедший тюремную науку.) А Ермухан из-за наглухо закрытых стен старался не огорчать Халиму: «Настроение хорошее... – успокаивал он ее. – Если отправишь фото свое и детей, будет еще лучше. Получили ли мое письмо или нет, я не знаю. Напоминаю** тебе, что уже появляется возможность в последующем чаще обмениваться письмами... Переведенные мне деньги до

* В письмах из тюрьмы (далее мы приведем часть из них полностью, а некоторые – в отрывках) Е. Б. Бекмаханов по понятным соображениям не мог сообщить о всех физических страданиях, унижениях, плохом питании и других лишениях, которые он с трудом переносил, находясь в сырой и промозглой камере. Между тем, там уже дала знать о себе старая болезнь легких, и он часто попадал в лазарет, подолгу не мог выходить на работу...

** Карательная система Советского Союза весной 1953 года объявила некоторые облегчения, например, были сняты строгие ограничения на переписку с семьей, разрешены продуктовые посылки, денежные переводы, покупки продуктов в лагерных магазинах...

сих пор не получил. Если надумаете послать посылку, то не забудьте положить в нее масло, сахар и немного денег...»

Перемены в местах заключения не означали, что установившийся в течение тридцати лет бездушный по своей природе и жестокий порядок в тюрьмах и лагерях ГУЛАГа смягчился и стал гуманным. Нет, конечно, узники темниц по-прежнему не могли рассчитывать на милость и сострадание, на простое человеческое обращение. Жизнь сидельцев камер всецело зависела от грубых и безжалостных надсмотрщиков, они могли раздеть, обобрать находившегося в полной их власти заключенного, избить до потери пульса. Одним из самых изуверских способов подавления воли к сопротивлению особенно упрямых политических заключенных было помещение их в «пресс-хаты», вместе с отъявленными убийцами и неисправимыми рецидивистами. Как правило, везде и всюду они являлись настоящими «хозяевами» пересыльных тюрем и лагерей и могли с любым сокамерником сделать все что угодно. А начальство тюремных учреждений смотрело на их вольности сквозь пальцы, позволяя учинять любые надругательства над ближними. Эти выродки фактически поддерживали внутренний порядок в тюрьмах. По их понятиям и неписаным законам жили заключенные всех тюрем Советского Союза. Наиболее строптивых ждали карцер с его сыростью и холодом и туберкулезом в перспективе, перевод на 100 граммов хлеба и кружку мутной воды в день, побои и унижения. Того, кто особенно досаждал вертухаям, могли втихаря придушить в каком-нибудь темном углу. Могли зарезать ночью прямо на нарах. Обычно такие преступления, совершенные в тюрьмах, никогда не раскрывались. Семье умершего отправлялось лживое сообщение, что имярек умер от сердечного приступа или случайного отравления...

Поезд, к которому был подцеплен вагон-зак*, вышел из Алма-Аты в середине декабря. В него ночью, при свете прожекторов, под злобный лай собак загнали несколько десятков осужденных. Состав тащился еле-еле, подолгу останавливаясь на разъездах, а на больших станциях стоял неделями. В маленькое, зарешеченное окошко трудно было определить, где находится поезд. Горячего питания не было. В сутки один или два раза конвоиры раздавали холодную мучную болтушку. Продрогшие донельзя арестанты могли только мечтать о кружке кипяточка. Располагались они кто на голых досках, а кто и на обледенелом полу, где гуляли сквозняки. Ермухан сразу же подхватил воспаление легких, чтобы как-то согреться, он подолгу лежал, свернувшись калачиком, закрывшись всем, что имел при себе. Но все равно мерз. Когда становилось совсем невмоготу, он спрыгивал с верхних нар, где было его место, и начинал делать приседания, это помогало отогреть ноги и руки. Однако на многое не хватало сил. Да и откуда им было взяться при таком голодном пайке...

Как вспоминал позднее сам Ереке, суток через двадцать их вагон наконец-то добрался до Петропавловска. Ермухан от недоедания и болезни до того ослаб, что не мог самостоятельно выйти из вагона, его вынесли оттуда на руках. Исхудавшего, потерявшего почти одну треть веса больного зека сразу поместили в тюремный лазарет. Там он пролежал более трех недель, постепенно спала температура, уменьшился кашель, лечение помогло, да и питание там было лучше. Словом, чуть поправившись, он сам стал проситься на выписку. Камера, по-тюремному хата, после всех дорожных мучений показалась теперь ему не такой страшной. Понемногу он стал привыкать

* Специально укрепленный вагон для заключенных.

к тюремному быту. Помогать ему из-за колбочки было некому, однако на присланные Халимой деньги он мог купить консервы, маргарин, чай, дешевые сигареты. Во время бессонных ночей, под стук железнодорожных колес и теперь в камере он размышлял: если он будет ударно работать, то год будет засчитываться за два, и он выйдет на свободу где-то в 50 лет. Для мужчины это еще не старость. В среде ученых он встречал людей, достигших 80 лет, которые, несмотря на преклонный возраст, прыгивали на ходу на подножку трамвая. А Джамбул вовсе дожил почти до 100 лет и не знал усталости. Сила его была в домбре, как говорил он, а сила домбры заключалась в песне, сила же песни – в правдивом слове, которое любит народ. Значит, главное – иметь высокую цель, и тогда годы не скоро согнут спину...

На следующий день после выписки из лазарета он вместе со всеми поднялся с нар в шесть часов утра, получил положенную кашу и только принялся за завтрак, как услышал окрик: «А ну-ка, интеллигентик, поднимись!» Интеллигентов в бараке было много, и Ермухан не принял этот окрик на свой счет. Подумал, что его это не касается, но вдруг почувствовал вцепившиеся в шею, словно железные клещи, чьи-то пальцы. Из последних сил повернувшись назад, он прохрипел: «Уберите руки, что я вам сделал?» «Оказывается, у этого паршивца есть язык?» – проговорил кто-то за его спиной, сопроводив эти слова отборным матом.

«Эй ты, интеллигентик, – зычно проревел нападавший, – с этой минуты будешь служить мне. А эта каша – моя!» – и указал на его миску. Ермухан увидел перед собой черного верзилу, он уже догадался, что попал в лапы отпетого рецидивиста, судя по виду, из кавказцев. Все же Ермухан не хотел ему сдаваться. Он уже слышал, если спасуешь один раз, будешь потом все время ползать перед ним на карачках. «Мне только этого не хватало...» – подумал про себя и чуть отодвинулся от уголовника с чашкой в руке, но верзила со всего размаха пнул по чашке – она улетела в дальний угол и шлепнулась о каменный пол. Все завтракавшие зеки устремили свои взгляды на них. Ермухан с надеждой смотрел по сторонам. Ясно, ждал помощи, но вмешиваться в такие разборки считалось западло. Среди зеков были и казахи, но все они до единого мигом потупили вниз головы, усиленно заработав ложками. У бедного Ермухана потемнело в глазах, ему показалось, что он теряет рассудок, он был готов зубами вцепиться в горло этого мордоворота и перегрызть сонную артерию. Но, увы, еще раз взглянув на него, понял, что его не одолеет. Стиснув зубы, он подобрал с пола чашку и ложку и направился к выходу. Слава богу, тот чернявый громила не стал его догонять...

Ермухан целый день ходил голодным. Он был записан в группу, которая работала вне стен тюрьмы, далеко от города. Арестантов ежедневно под конвоем водили туда на рытье траншеи для закладки кабеля. Орудиями труда были кайло да лопата. Промерзшая, твердая, как камень, земля звенела под ударами железа, но поддавалась слабо. К вечеру землекопы не чуяли от усталости ни рук, ни ног, однако редко кому удавалось выполнить норму – вырубить три кубометра грунта. На обед их не водили. И, конечно, никому не было дела до болезненного на вид арестанта, оставшегося без завтрака. Как и все, кто был сюда снаряжен, он должен был всю вкалывать. Хотелось есть, а еще больше пить. Во рту все пересохло, Ермухан мечтал хотя бы о глотке воды. Никто вокруг, между тем, не замечал его мучений. А он двигался уже на последнем дыхании, едва ворочая лопатой, часто в изнеможении садился на дно траншеи, отдыхал, привалившись спиной к ее холодной стене. Наконец, видя, что с ним что-то неладно, рывший траншею позади него сказал тихо: «Эй, джигит, если ты не выполнишь норму, то лишишься и ужина. Вон бригадир не сводит с тебя глаз...» Ермухан

вяло обернулся к нему, не в силах вымолвить даже слово. «Ты, бедолага, хотя бы показывай бригадиру, что работаешь, а я помогу тебе рыть, и впереди нас идет парень – он тоже поможет...» – сказал сосед. И действительно, они вдвоем поднажали с обеих сторон, оба оказались крепкими, привычными к тяжелой работе людьми. Один их них, как ножом, срезал тяжелые пласты чернозема, а другой с уханьем выкидывал их на поверхность. Так за короткое время они помогли ему немного подтянуться. Ермухан тоже не сидел, как чучело, по мере сил ворочал лопатой куски земли. «Ты, джигит, оказывается, на самом деле интеллигент, нет у тебя никакой сноровки в такой работе, напрасно ты записался в нашу группу, вижу, долго не протянешь, зря угробишь себя... – заметил вполголоса старший. – А тот не зря к тебе присосался. Если не будешь выполнять его требования, он может тебя искалечить, а то и прикончить. Во всех лагерях и тюрьмах-пересылках верховодят блатари, здесь «закон – тайга»... Ты на нас не рассчитывай, каждому своя голова дороже, никто из-за тебя рисковать не будет, вот такое дело, браток!..» «Придется тебе быть его шестеркой. Мы ему скажем, что ты согласен... Если Бог так велит, что поделаешь...» – добавил рядом стоящий. «Эй, сородичи мои, это же позор – зад целовать какому-то подонку: не быть этому!.. Как вернусь, доложу обо всем надзирателю...» – возмутился Ермухан. «Хе-хе, бедняга, оказывается, ты совсем простак. Если заложить его, тебе хана», – заметил второй напарник, и оба спутника, многозначительно переглянувшись, мол, надо уйти от греха подальше, сразу отошли от него.

Их поспешный уход заставил Ермухана задуматься. Он понял, что зашел в тупик. Произошло невероятное: он – свободный человек, росший на просторах безбрежной степи, оказался в тюрьме один на один с дикой жестокостью! Он – ученый, бросивший вызов государственной системе, должен теперь подчиниться воле какого-то выродка-рецидивиста и исполнять все его прихоти. Видимо, его заказали сверху, чтобы окончательно сломить и унижить. Подавить волю, дух, чтобы не осталось сил на сопротивление. Доктор наук должен был забыть, кто он есть, и превратиться в забитого, жалкого доходягу, готового пресмыкаться ради чашки супа и пайки хлеба...

Тюремное начальство и блатари с особым презрением относились к интеллигентам и находили садистское удовольствие в глумлении над ними, демонстрируя этим свое превосходство и безраздельную власть. Как противостоять этому насилию – Ермухан не знал... Вернувшись с непосильной изнурительной работы, он кое-как умылся, взял чашку и ложку и направился в столовую. По пути перед ним неожиданно возник смуглый широкоплечий казах:

– Ассалаумагалейкум, агатай, как младший по возрасту, я хотел бы узнать, кто вы? – спросил джигит.

– Уагалейкум, браток! Вряд ли знаешь меня, я – Ермухан, уроженец Баянаула...

– Значит, я верно угадал: вы историк Бекмаханов?..

– Ты не ошибся, браток, я тот самый... А теперь назови себя!..

– Меня вы не знаете, и пока в этом нет необходимости. Я человек, заблудившийся на жизненных путях-дорогах... А родом я с Учарала, районцентра Алакульского района Талды-Курганской области. Мой брат учился у вас на историка, он забывал даже про еду и чай, когда рассказывал о вас...

– Ладно, мил-человек, назови имя своего брата! Свое тоже...

– Ой, агатай, давайте пока закончим на этом наш разговор! Ведь известно: сытый голодному – не товарищ. Пойдемте в столовую, я хочу вас вначале покормить. Тогда и узнаете, кто я такой.

Джигит с Учарала взял его под руку, и они вместе направились в столовую.

Незнакомый джигит, шагая вприпрыжку, провел его мимо окошка раздачи пищи, посадил за стол. Потом стал озираться по сторонам, словно кого-то искал, наконец, увидев утреннего обидчика Ермухана, указательным пальцем поманил его к себе. Тот немедля подошел к нему вальяжной развалистой походкой. Земляк Ермухана без лишних слов врезал ему то ли по носу, то ли в скулу, молниеносно взмахнув правой рукой, – и наводивший страх на Ермухана верзил растянулся неподвижной тушей на полу. Заключенные испуганно загомонили между собой: «Смотрите, как Акула добил черномазого урку!» Наконец тот кое-как оклемался, с оханьем поднялся с пола и поплелся к выходу.

– Эй, мерзавец, подойди сюда! – приказал земляк Ереке. И хотя он произнес это еле слышно, блатарь вернулся и приблизился к столу.

– Дурак, теперь ты понял, на кого наехал? Этот человек – мой кровный брат с моей родины... – Коренастый джигит, исподлобья оглядев сидящих за столом, поднял вверх крепко сжатый кулак. – Кто огорчит этого человека, zapomнит, будет иметь дело со мной. Акула два раза не повторяет одно и то же, вы знаете!..

– Я ошибся, Акула... – промямлил укрощенный великан.

– Становись на колени и проси прощения у моего брата!

Все, кто находился в тот момент в столовой, стали свидетелями удивительного зрелища: будто лохматый верблюд-производитель, здоровяк опустился на колени перед Ереке и пробубнил, прижав руки к груди: «Простите, мил человек! У меня вышла осечка». Ермухан, ходивший целый день потеряннным, угнетенным, теперь уже не держал на него зла. Посмотрев на рецидивиста, он сжалился над несчастным:

– Ладно, вставай! Будем считать, что я простил, уже все забыл!..

– Ты, паршивец, возьми чашку у этого человека, принеси ему еду! Вечернюю свою порцию тоже поставь перед ним. Теперь ты будешь у него шавкой.

У бодливого быка, говорят, рога сбивают. С этого дня чернявый стал ниже травы, тише воды, короче, превратился в тень Ермухана, во всем ему потакал. Через неделю-другую Ермухан посчитал его услужение постыдным для себя и решил от него отказаться. «Руки, ноги у меня целы, так что обойдусь без лакеев», – объявил он своему покровителю. Но тот ответил: «Уважаемый Ереке, если я допущу слабину, то моему авторитету будет нанесен урон. Блатные своих решений не меняют... Поэтому молча принимайте его услуги. Ничего с ним не случится... Кстати, еще один совет: вам не надо напрашиваться на тяжелую работу, если продолжите выходить с бригадой еще десяток дней, то однажды останетесь в той траншее, которую копаете. Послушайте меня: проситесь на легкую работу, я вам помогу».

Пришлось подчиниться. Через некоторое время тюремное начальство, учитывая образование Ермухана Бекмаханова, назначило его библиотекарем. После этого его положение стало терпимым, в письмах, отправленных домой, появились бодрые нотки, уверенность в неизбежном возвращении к вольной жизни, науке. А нарушитель его спокойствия вскоре был отправлен этапом в лагерь...

(Этот случай, похожий на детектив, не придуман мною. О нем напомнили карагандинские профессора-историки Дуйсетай Шаймуханов и Абеке Жумасултанов. Они оба видели человека, избавившего Ереке от унижений. Когда они учились в КазГУ в аспирантуре, Е. Бекмаханов, бывший их научным руководителем, показывал им того человека, рассказывал про него.

Эту же историю я услышал во время встречи с Дуйсетаем-аксакалом в

1999 году в доме его детей, жаль только, что за давностью лет он забыл имя благородного защитника. А. Жумасултанов в своих воспоминаниях об Бекмаханове, напечатанных в газете «Орталық Қазақстан» Карагандинской области 30 августа 1991 года, назвал только имя того джигита – Ерден. По рассказам других лиц, знакомых историка, Ереке через годы помог этому человеку обрести свободу и семейный очаг.)

2

Халима Бекмухамедова, «Двадцать лет вместе»:

«Больше я не могла жить в Алма-Ате, не могла работать под страхом увольнения. Собрав необходимые вещи, я поехала в Москву, чтобы выполнить свой долг – обратиться в Генеральную прокуратуру с просьбой о защите своего супруга и пересмотре его дела.

В Москве я встретила с другом Ермухана – Исааком Израэльевичем Будовницем. Он помог написать жалобу Генеральному прокурору, посоветовал встретиться с Анной Михайловной Панкратовой, чтобы она прочитала нашу жалобу, внесла нужные поправки.

Я позвонила Анне Михайловне, она назначила время встречи. Я пришла к ней домой, она приветливо встретила меня, выразила свое сочувствие, сказала, что Ермухан незаслуженно пострадал, при первой же возможности она поможет ему реабилитироваться.

Анна Михайловна предложила мне деньги, сказав, что они пригодятся мне на поездки. Посоветовала поехать в Одессу, где живет ее сестра. Я отказалась от денег и от предложения поехать в Одессу.

Заявление о пересмотре дела Бекмаханова я сдала в секретариат Генеральной прокуратуры СССР и поехала в Тбилиси на поиски работы. Это были мартовские дни 1953 года. По радио ежечасно передавалась информация о состоянии здоровья И. В. Сталина. Я видела, как скорбел грузинский народ, когда умер вождь народов Советского Союза...

В Министерстве просвещения Грузии мне предложили работу в отдаленной сельской школе. Я отказалась и поехала в Баку, где также предложили работу в селе. Подумав, я решила вернуться в братский Узбекистан, где жили мои родственники и друзья по университету. Мои друзья сказали, что есть вакансия преподавателя русского языка в Ташкентском текстильном институте. Я быстро направилась к заведующему кафедрой, он согласился принять на работу, если получит согласие начальства. На следующий день зав. кафедрой изменил свое решение, объяснив тем, что я – жена врага народа. Звонок из МВД сработал, здесь уже знали, кто я, хотя наш брак не был зарегистрирован, так как первая жена Амина категорически заявляла, что, пока она жива, Ермухан никогда не получит развода. Мои мальчики носили мою фамилию – Ермухан Бекмухамедов, Сермухан Бекмухамедов. До 1954 года я считалась матерью-одиночкой, но на это никто не хотел обращать внимания.*

* В один из ненастных дней Е. Бекмаханова вызвали в тюремную контору. Там перед ним положили решение алматинского суда о расторжении брака с Аминой Губеевой, принятое по ее заявлению. «Как же так решили, не спросив моего согласия?» – удивился заключенный, оперуполномоченный, по-тюремному кум, тут же пояснил: «Если жена отказывается от осужденного мужа по политическим мотивам, то его согласие не обязательно, она имеет право переписать детей на свою фамилию, есть такой удобный пункт закона, – и ехидно добавил: – «Так что, поздравляю, вы полный холостяк!» «Ну что ж, Амина поступила правильно, мое имя, как врага народа, отрицательно скажется в будущем на судьбе моих девочек...» – Подумав немного, Ермухан поставил свою подпись, означавшую, что он ознакомлен с решением суда. Это была последняя капля, которая должна была его доконать и показать, что карательная система была права, лишив его всего, что он имел, так как он теперь ничто, в нем не нуждаются не только общество, но и его семья, даже собственные дети...

Ташкент – большой город, где много учебных заведений. Моя подруга, Ханбекян Рона, работала в школе и Женском педучилище. У нее была большая учебная нагрузка, ей трудно было совмещать две работы, поэтому она рекомендовала меня в Женское педагогическое училище. Побеседовав со мной, дирекция взяла меня на работу. Вероятно, средние учебные заведения не так строго контролировались органами безопасности, как вузы. Я быстро включилась в учебный процесс, вела практический курс русского языка и методику его преподавания в двух отделениях, в национальных группах, где готовили учителей русского языка для начальной узбекской школы, и в русских группах, готовящих учителей русского языка для русской школы. Мне нравилась моя работа, с удовольствием вела свои занятия. А по воскресеньям отдыхала, почти молчала, оберегая голосовые связки. Жила вначале у моей тети Галии, а потом переехала к подруге Роне: моя работа была близко от ее дома...

...Унылый звон рельсы возвестил подъем. Пять часов утра. В состоянии полусна заключенные выстраиваются на развод. Наступил очередной из бесконечной вереницы тюремных дней. Продрогшие зеки вертят головами по сторонам. От остального мира их отделяет высокий забор, по верху его вьется колючая спираль, по которой пропущен ток высокого напряжения. На вышках – солдаты внутренних войск с автоматами наготове. Они не спускают глаз с заключенных, если кто-нибудь приблизится хоть на один шаг к запретной черте, будут стрелять без предупреждения. После переключки и завтрака заключенные распределяются по рабочим бригадам, а к вечеру возвращаются в опостылившие, грязные и холодные, зловонные бараки. Бараки битком набиты сотнями осужденных. И в одном из них среди подневольной безликой массы по роковому стечению обстоятельств оказался Ермухан. Все это казалось сном, ведь, кажется, только вчера он был баловнем общества, им восторгались, ему льстили: «О Ереке, спасибо тебе, своими рассказами о прошлом, научными статьями ты производишь переворот в умах». Всюду он был желанным гостем, его щедро угощали лучшими блюдами и самыми изысканными винами, отвозили домой после обильных застолий на персональных автомашинах. Всего этого лишился он в один момент, теперь каждый шаг его ограничен ненавистным забором, строгим режимом дня, даже естественные надобности он вынужден отправлять в парашу у порога. В ужасные, бессонные полуночные часы от горького чувства бессилия и обреченности он готов был завывать от тоски.

Но и там, в этих тесных бараках, где людей держали и охраняли, как диких зверей, протекала своя жизнь. И у каждого заключенного был свой мир, созданный внутри этого ограниченного, убогого пространства. Что касается нашего героя, скажем без всякого стеснения, он жил ожиданием писем из дома. Это ожидание помогало ему коротать бесконечно долгие дни, недели и месяцы...

А его суженая Халима, долго помыкавшись без него, наконец пристроилась в Ташкенте, где прошли ее молодые годы. Ей было всего 27 лет, когда она лишилась единственной опоры и осталась с двумя детьми на руках. Позже, когда стал известен его адрес, она писала ему каждую неделю. Вдобавок к этому отправляла посылки с продуктами и деньгами. Она делала ради него все, что могла. А для него ее любовь была единственным лучиком света в том темном царстве, в которое он попал.

С 26 марта по 13 декабря 1953 года, то есть за восемь с половиной месяцев, Халима Адамбековна отправила мужу 25 писем, в этот же промежу-

ток времени Ермухан Бекмаханов послал ей 28 писем (очевидно, часть его посланий не дошла до адресата). У меня на руках – ксерокопии всех 53 писем (все они написаны на русском языке, иначе их не пропустили бы тюремные цензоры). Ниже с разрешения Х. А. Бекмухамедовой мы приводим некоторые из них полностью, иные – в отрывках.

«Дорогой, родной Ермухан!

Наконец дождалась от вас письма, вернее, получила телеграмму с адресом. Беспokoилась, что не спишемся. Теперь мы друг от друга не так далеко, можно будет съездить...

Да, на свете есть не только злые люди, но много порядочных, честных. И все же предостерегаю, мой дорогой, будьте разборчивы, не всегда доверяйтесь. Будьте выносливым, терпеливым, чистым, живите по совести. Не может быть, чтобы когда-нибудь, в конце концов, не разобрались. Докажите, что вы настоящий советский человек. Наше правительство способно справедливо все оценить. Проверит вас и вернет свободу. Ермухан, любимый, пишите, обращайтесь, расскажите о себе, пусть заинтересуются вашим делом. Нужно вам самому писать и писать, не выжидайте.

На работу устроилась. Дети и старухи в Алма-Ате. С квартирой пока утряслось. Туда вы пишите, письма шлите только мне. Дети здоровы. Ермушка мне пишет. Сермуша-конь всюю катается на велосипеде, поправился, вырос.*

*С конца апреля аккуратно ежемесячно буду переводить 100 рублей, будет возможность – больше. Со временем и Анна** вам поможет, сейчас ей трудно. О нас не беспокойтесь, Ермухан, старайтесь думать о себе, берегите здоровье. Пишите в Ташкент, Глазпочтаamt, до востребования. Целую. Ваша Халима. 26.03.1953 г.»*

«Милая Галочка!

Очень скучал и грустил и вот сегодня, наконец, получил от вас радостную весточку – письмо и телеграмму из Москвы. Хорошо поступила, отправив жалобу в соответствующие органы по моему делу. Будем ждать, может быть, сделают какое-либо облегчение. Недавно переведен из пересылки в лагерь. В ближайшее время думаю написать обстоятельное письмо в ЦК... Днями напишу письмо в МВД КазССР и буду настоятельно просить о присылке моих рукописей. Здесь есть возможность окончательно их отредактировать. После долгой отлучки жадно бросаюсь на газеты и книжные новинки. Свободные часы целиком посвящаю чтению художественной литературы.

...Человек способен перенести любую трудность. Об этом сужу по себе. Я безмерно страдал и тяжело пережил свое несчастье, но если представится возможность заняться своим любимым делом, то готов снова отдаться ему без остатка. Трудности только закаляют человека. Я глубоко верю в твою способность и энергию, и мое временное отсутствие не должно отразиться на материальном положении семьи. Чувствую себя хорошо. Здесь стало легче в окружении людей, в работе. У каждого свои радости – тот получил пись-

* После ареста Е. Бекмаханова его квартира была передана М. Штенгарду, работавшему юристом в управлении делами АН Казахской ССР. Однако у него не хватило смелости выставить на улицу несчастную семью Е. Бекмаханова, в которой было пять душ – две старухи (Айша и Хадиша), двое маленьких детей с Халимой, он сказал им: «Одну комнату займу я с матерью, а во второй живите вы. Когда хозяин квартиры благополучно вернется, тогда уж подумаем, как быть дальше...» Так две семьи в тесноте и бытовых неудобствах прожили несколько лет, проявляя взаимную терпимость.

** Тут Халима Адамбековна поступает весьма осторожно, не полностью называя своего московского покровителя А. М. Панкратову, чтобы не навредить ей.

мо, другой посылку, третий свидание – все это помогает забыться, выстоять. Кроме того, люди на производстве проявляют себя и поощряются.

...Если не затруднит, то из Ташкента к весне пришли простую тюбетейку, ремень, эмалированную кружку. Галочка! Очень скучаю по моим крошккам-сыновьям – Ермушке и Сермушке, как их здоровье? Наверно, без отца и матери скучают. Не забудь прислать свои и их фотокарточки...

Целую и крепко обнимаю. Любящий тебя Ермухан. 22 марта 1953 года».

Петропавловск, п/я – 48, Ермухану. – Ташкент, от Халимы.

«Дорогой, родной мой! Молодец, настоящий коммунист! Сколько выдержки, оптимизма! Да, нужно до конца быть верным и последовательным коммунистом.

Дорогой, получила ваше письмо. Конечно, без слез не могу его читать. Порой бывает такое состояние, что трудно передать. Только стали жить – так нелепо пришлось расстаться. Будем верить и надеяться на светлое будущее, хотя пока еще и просвета не видно. Получила ответ на жалобу на имя Генерального прокурора, подтверждает, что решение правильное, из ЦК еще ничего не было. Теперь написала в Президиум Верховного Совета.

...Когда слушала указ об амнистии, сердце обливалось кровью – вас он не коснулся. Успокаивала себя тем, что нельзя терять надежды! Это нелегко, ведь и сработой у меня непрочно. Я, изливая пережитое, не хочу навеять на вас грусть. Из писем знаю, что дети здоровы, мама работает сдельно (дай Бог ей долгие годы). Она стала нервной, издерганной. И поэтому прошу: не пишите им.

При первой возможности организую посылку (масло, галоши, тюбетейку).

Крепитесь, мужайтесь! Всегда мысленно с вами. Ваша Халима. 2. 04. 1953 года».

Жизнь – это миг между прошлым и будущим – поется в песне. Течение времени необратимо. Оно идет только в одном направлении – вперед. И никто не может остановить это движение. Все боится времени, даже египетские пирамиды – говорили мудрецы древности. И. В. Сталин и его грозное олицетворение ГУЛАГ казались вечными. Архипелаг ГУЛАГ, по данным писателя А. И. Солженицына, по занимаемой им территории был равен нескольким государствам Европы, скажем, Франции или Германии, может быть, даже вместе взятым. Посудите сами: начиная с обширной казахской степи, лагеря раскинулись до краев вечной мерзлоты на севере, до берегов Тихого океана – на востоке, где и сейчас еще хрустят под ногами кости сгинувших там зеков, бивших при 50-градусном колымском морозе золотые шурфы. Однако всему есть свой срок. 5 марта 1953 года умер казавшийся бессмертным И. В. Сталин. Об этом возвестили репродукторы по всем лагерям. Могучий голос Левитана всколыхнул выстроившиеся повсюду бесчисленные шеренги заключенных, и каждый из них проговорил про себя: «Слава богу!» Зеки воспряли духом. И политические, и закоренелые урки ждали освобождения.

Между прочим, они не обманулись в своих надеждах: указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии не заставил себя долго ждать. Однако в первую очередь он коснулся тех, кто был осужден за опоздание на работу на полчаса, за хищения казенного имущества, мелких воров. Чуть позже вышли на свободу и те, кто совершил тяжкие преступления – убийства, грабежи, насилия. Все они были признаны искупившими свою вину и вставшими на путь исправления в трудовых лагерях; что примечательно, выйдя на свободу, они сразу же принялись за прежний свой промысел... А вот осужденные по пресловутой 58-й статье под весеннюю и летнюю амни-

стию 1953 года не попали. Но они, как и все, с нетерпением ждали пересмотра дел. Одним из них был Ермухан Бекмаханов.

«...Недавно был опубликован Указ об амнистии. Этот великодушный акт Советского правительства вызвал всеобщую радость! Это событие у таких, как я, несчастных, зажгло огонь надежды. Конечно, органы суда в первую очередь помилуют тех, кто осознал свои ошибки...

Мне кажется, что я в этих местах буду еще некоторое время. Положение на самом деле несколько улучшилось. Сейчас стою на учете у врача. Вообще, по-моему, особое внимание обращается на тех, у кого не в порядке легкое. Несмотря на это, с наступлением весны хочу проситься на работу. Деньги еще не получил. Возможно, чтобы поправить мое здоровье, вообще, нужны жиры, а с другими продуктами можно подождать. По этой причине, Галочка, если у тебя есть средства, то попробуй послать небольшую посылку: свиное сало, если туда положишь деньги, то быстрее получу... Снова обратился в МВД с просьбой вернуть рукопись. Если не вернут, то решил написать в Москву жалобу... 3 апреля 1953 года».

Ташкент, от Халимы, 7 мая 1953 года – Петропавловск, Ермухану.

«...Праздники провела в кругу друзей. Передо мной всюду был ваш образ и как мы были вместе в прошлый годный май. Вот вы днем приехали из Чу, а вечером мы уже были у Махсуда. Утром вы проводили меня на демонстрацию, а днем вместе принимали гостей, утром следующего дня мы с Ермушей и Сермушей пошли в парк им. Горького, где встретились с Биашевым и вместе с ним пошли в гости к его знакомым, в домик на территории зоопарка. А вот май 53-го в разлуке, и в какой... Обидная судьба, остается только терпеливо ждать голоса справедливости.

Нужно, мне кажется, написать Юрию Андреевичу* и рассказать о вашей научной ошибке, вылившейся в большое политическое дело.

Ермухан, родной, верьте и не теряйте надежды. Сохраните себя, берегите здоровье. Целую и крепко обнимаю – ваша Халима».

Петропавловск, п/я – 48, от Ермухана – Ташкент, Халиме, 3 мая 1953 года.

«...Праздник прошел с обычными для этого края дождями и ветрами. Но зато располагал к чтению. С увлечением прочел Лермонтова...

Как идет дело с диссертацией? Я глубоко верю в твои творческие способности. Только побольше дерзаний, смелости и настойчивости в работе. На днях отправил обстоятельное письмо на имя Маленкова и думаю, что меня должны реабилитировать. Ясно одно – долго сидеть не буду. Наконец должны во всем разобраться, а я буду решительно отстаивать свое законное право на свободу... Рукопись еще не прислали, буду настойчиво добиваться. По-прежнему не перестаю скучать и любить тебя, за что ругать не станешь... Привет Роне...

Любящий тебя твой Ермухан».

«Дорогой Ермухан! Каждый раз ваши письма наполняют мое сердце гордостью за вас. Бесконечно рада, что вы не нытик, а настоящий советский человек. Числа 15-16 апреля послала вам посылочку: 2 кг свиного сала, 500 граммов топленого масла, 2 кг орехов и немного кураги. Следующую посылку pošлю 10 мая, опять жиры.

* Заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), сын члена Политбюро А. А. Жданова, зять И. В. Сталина. Н. С. Хрущев с приходом в ЦК преобразовал бывшее Управление пропаганды в отдел, прежнего начальника управления, скрытого организатора громких политических преследований Г. Ф. Александрова перевел сначала на Украину, потом назначил послом за границу...

Дорогой, любимый мой, напишите: бросили курить или продолжаете? При вашем здоровье курить – самоубийство! Деньги не смейте переводить: работаю, зарплаты хватит, чтобы помочь и вам, и детям. Они сыты и здоровы, за них не беспокойтесь. Пока они в Алма-Ате, дальше – посмотрим. Сегодня послала им праздничную посылку: обувь, книжки, сухофрукты, рис.

Настроение у меня неплохое, в труде забываешь горе. Галия и друзья относятся заботливо, не дают почувствовать одиночества. Новостей никаких. пишу коротко. «Экономические проблемы социализма в СССР» вышлю на днях. С посылкой деньги отправлять не буду – пропадут. Перешлю почтой.

Крепко обнимаю и целую. Любящая вас Халима. 20 апреля 1953 года».

«Дорогая Галочка! Наконец беспокойство и тревожные мысли сменились радостным ликованием. Получил долгожданное письмо. Рад твоему настроению. Мой наказ – никогда не унывай. В труде и надежде на счастливое завтра – залог нашей встречи. Чем больше читаю и думаю над прожитым, тем больше у меня уверенности, что в будущем меня ждет большая, полезная для Родины работа. Поэтому не думаю, что в пору творческих исканий я надолго останусь в изоляции. Жданову есть смысл написать, он же ведь в курсе всей этой заварухи. Пока ниоткуда не получил ответов на свои письма. Сама понимаешь, с моими делами спешишь или торопишь не лезья. Есть более серьезные дела на международной арене, от политической разрядки зависит многое. От сохранения обстановки мирного созидательного труда зависит благоприятный исход моего дела. Думаю, его пересмотрят, в этом я не сомневаюсь. Тем более, за Кенесары я не должен быть наказан. На моей стороне законы советского правосудия. В 6-м номере журнала «Коммунист» напечатана статья Анны Михайловны, в которой дана объективная оценка этому вопросу.

Галочка! Напиши подробно о детях, где живут, сыты, одеты ли? Быстро пролетит лето, серьезно надо думать о зиме и о работе. Не сумеешь ли на несколько дней съездить домой и повидать детей? Они были бы рады и счастливы.

Я здоров. Моя цель – до конца и решительно отстаивать свое право на свободу. Надолго я здесь не задержусь – это понятно. В конце концов, все должны конкретно разобраться, кто друг, а кто враг. Козлом отпущения не хочу быть.

Очень скучаю по детям и тебе. Не забудь фото детей и свое новое.

Горячо любящий твой Ермухан. 17 мая 1953 года».

«...В Ташкенте мне не нравится: пыльно, грязно. Скучаю по дому, детям. Они, как сообщают, здоровы и резвы, живут в прежней квартире, пока их не беспокоят. Думаю, перевозить их сюда пока нет смысла, а там видно будет.

Диссертация моя на точке замерзания, пока о ней не думаю, сейчас главное – закрепиться на работе, а там можно ее и продолжить. Бываю в публичной библиотеке, в свободное время читаю и читаю. Домой прихожу только спать. Труд тов. Сталина обязательно вышлю, ждите.

Дорогой мой, родной, берегите себя, во возможности подольше и основательнее лечитесь, постарайтесь бросить курить. Старайтесь не изводить себя тоской по нас, никогда не теряйте надежды на нашу скорую встречу. Москва должна помочь разобраться.

Скоро пришлю новое фото, и вы увидите меня с новой прической. Рона соблазнила меня остричь косы-хвостики, не ругайтесь.

Дорогой, родной Ермухан, мужайтесь, терпеливо ждите светлого дня.

Целую. Любящая ваша Халима. 13 мая 1953 года».

«Милая Галочка! Большое спасибо за посылку. Дорожу твоим вниманием

и заботой. Я несколько был озадачен, когда в посылке обнаружил бутылку с булькающей жидкостью. Неужели, думаю, это что-то из забытых напитков? Но когда попробовал на вкус, то сразу рассеялись мои иллюзии, как фата-моргана мираж перед жаждущим в пустыне. Как видишь, Галочка, масло, превращенное в жидкое состояние, благополучно добралось до меня. Теперь употреблю его по назначению. Восхищен чудной узбекской тубетейкой. В этих краях на такие вещи смотрят как на восточную экзотику. На дворе май. Деревья за запреткой начали распускать почки, появились первые весенние побеги. Весеннее обновление природы волнует кровь, придает оптимизма. Думаю, скоро я стану вольным, как птица.

Галочка! Пока с посылкой воздержись. Сала у меня на месяц и больше хватит. Я ведь экономный человек. К тому же у меня компаньонов нет. Казахи-старики от меня отвернулись, когда узнали, что неугомонная жена дважды прислала в посылке свиное сало. Бог с ними, но зато мне хорошо. Пускай живут старыми предрассудками. А для меня свиное сало – деликатес, бальзам, элексир здоровья... Когда у тебя будет возможность, вышли немного сухих фруктов и сахара...

Ради Бога, напиши подробно о тебе. Как питаешься? Из-за помощи своим нахлебникам не отказываешь ли себе в самом необходимом? Прежде всего береги себя и нормально питайся. Хочу тебя видеть всегда такой, какой была раньше, молодой и жизнерадостной. Я почти не изменился. Только седина немного подводит. Но это не беда. Всегда перед глазами мелькают милые озорники – Ермуша и Сермуша. Мне представляются они теперь взрослыми людьми, понимающими и здраво рассуждающими гражданами. Ермуша уже совсем взрослый, скоро ему в школу.

Глубоко верю в свою беспредельную любовь к тебе, и это придает мне душевное спокойствие и моральную стойкость.

Вечно любящий тебя твой Ермухан. 23 мая 1953 года.

Закончилась весна, наступило жаркое лето. Но вестей об амнистии, которых политические осужденные ждали днем и ночью, все не было. Ермухан находился в петропавловской пересыльной тюрьме, по-прежнему маясь в переполненном бараке, задыхаясь от духоты и не находя спасения от назойливой мошкары. Он считал дни и недели, гадая, когда же отзовется на его жалобы Москва...

Из письма Халимы Адамбековны от 4 июня:

«Дорогой мой Ермухан! Дни проходят за днями, никаких изменений нет. А как бы хотелось получить от вас телеграмму: «Еду, встречай!» Не может быть, чтобы этого не случилось, правда должна восторжествовать! Как бы мы стали жить! Никогда, ни при каких обстоятельствах не сердились бы, ни на что бы не жаловались, спокойно работали и воспитывали своих мальчиков. Мне бы хотелось, чтобы это было в небольшом городке, работали бы в школе, общались с небольшим кругом людей, любили бы друг друга, берегли и ценили. Неужели не удастся жить нормально? Не может, не должно быть!

Ермухан, родной, перевела телеграфом 100 рублей, следом вышлю посылку. Обо мне не беспокойтесь: я ни в чем себе не отказываю, питаюсь нормально. Галия относится ко мне заботливо. Правда, работать приходится много, но меня это устраивает, на работе легче. Дети здоровы, с квартирой пока нормально, мама работает.

Обязательно жду письма, где вы сообщите, что прислушались к моему совету и окончательно бросили курить. Еще сообщите, передали вам труд Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»? И еще я ремень прислала.

Крепко обнимаю и целую. Ваша Халима.

Из письма Е. Бекмаханова от 13 июня 1953 года:

«...Галочка! Я до сих пор с перебоями курил. Отныне даю тебе твердое слово прекратить курение. Прощаться с волей было куда тяжелее, и то привыкаешь. А бросить курить у меня хватит смелости.

Очень рад за тебя и за детей. Надо стараться, чтобы дети не испытывали нужды. Когда я выйду на свободу, то, Галочка, тебе обязательно представлю годовой отдых. Теперь сама жизнь научит всему. Любить и ценить близкого человека, а у меня их не так много – это ты одна. В наших краях наступают жаркие дни. Сандалии были бы кстати. Я хотел перешить свою душегрейку, если будет возможность, то вышили в следующий раз около 2 метров простого черного материала, а мне здесь его раскроют. Перевод 100 руб. поступил 6/VI, но пока не получил. Деньги и письмо можно было вложить в посылку, я скорее получил бы. Но ничего.

Очень и очень скучаю по Ермушке и Сермушке и по тебе. Но успокаиваю себя тем, что в ближайшем будущем опять буду с вами. Наша разлука позабудется, как кошмарный сон. Передай своим мой сердечный привет и пожелание наилучшей жизни. Люди умные должны понимать, что все это временное явление».

«Дорогой мой Ермухан!

Не надо обо мне беспокоиться. Я здорова, тружусь не покладая рук, хочется подзаработать и сделать приобретения для зимы. Это даже хорошо, что начинаешь трудовое утро и не замечаешь, как кончается день. Пока мы здоровы, будем растить детей культурными, образованными, преданными Родине и своему народу. Вам не надо так тревожиться о них. Берегите себя и всячески добивайтесь законного права на свободу.

Ирина* получила ваше письмо и записку передала. Не теряйте надежды, верьте и терпеливо ждите положительного исхода. Никогда не думаю, чтобы вас забыли и так оставили. Сообщите о получении денег телеграфом. Ждите посылку и подробно перечислите потом, что было в ней, дошли ли консервы (тушеное мясо), ремень и, главное, труд Сталина.

Крепко обнимаю, целую. Любящая вас Халима. 10 июня 1953 года».

«Милая Галочка! Странная весна в этих краях. Вот уже июнь скоро на исходе, а дыхание весны не чувствуется. Дожди и ветры – вечные спутники здешней весенне-летней поры. Но зато климат, мне кажется, здесь здоровый. Втянулся в работу. Долголетний изнеженный образ жизни чуть ли не превратил меня в хилого человека. А теперь при физической нагрузке смотрю – мускулы налились, сделались упругими. Все это говорит о пользе физического труда для людей любой профессии. Чувствую себя хорошо. Перевод получил сегодня и благодарю за внимание и заботу. Деньги были нужны. Отдал пиджак на ремонт в мастерскую, и за это надо платить. Словом, на мне теперь будет новый пиджак.

Галочка! В предыдущем письме сообщал о прекращении курения. Вот уже вторая неделя идет, а не курю. Временами тяжело, хочется курить. В наших специфических условиях курение – душевспасительное средство. Я сдержу свое слово и начну курить, как переступлю порог тюрьмы и выйду на свободу. Галочка! Все, что послали в посылке, дошло до меня полностью: сухари, консервы (2 банки), ремень, тубетейка и др. Пока ответа нет на мои письма. Днями отправлю письмо в ЦК КПСС и письмо Ю. Жданову...

* Жена историка И. У. Будовница, друга Е. Б. Бекмаханова. Очевидно, здесь речь идет о записке Е. Бекмаханова А. М. Панкратовой. В ней он напоминал о своей просьбе поспособствовать в пересмотре судебного дела. Это своего рода конспирация, так как он не мог прямо обращаться к ней, учитывая ее членство в ЦК КПСС.

Очень рад за тебя. Ты ведь единственная кормилица семьи. Я глубоко верю, что эту миссию с честью будешь выполнять до моего освобождения. Скучаю по Ермушке и Сермушке, и интересно – как они обходятся без тебя?

Крепко целую, любящий Ермухан. 23 июня 1953 года».

Из письма Х. А. Бекмухамедовой мужу в июне (дата не проставлена):

«Вот вы говорите, что надо продолжать исследовательскую работу. А когда, если весь день проходит в суете, в бегах с одного места работы на другое. К тому же, после всего случившегося я вообще разочаровалась в научной работе. Скромному педагогу жить спокойнее. Науку делают, как выясняется, не только гении, но и пройдохи. А вот быть хорошим педагогом – дело великое!..

Будет возможность, числа 25-го пошлю посылку, возможно, в первых числах июля. Дети здоровы, старушки тоже. Недавно им написала, чтобы тетя приехала с детьми ко мне. Еще не получила согласия, но, думаю, приедут.

Целую. Любящая вас Халима».

Из летних писем Ермухана Бекмаханова 1953 года:

28 июня: «Сейчас переключился на более сложную работу. Думаю, что на здоровье не отразится. Дни летят удивительно быстро. Свободное время провожу за чтением литературы... В последнее время очень часто вижу тебя во сне. Иной раз в домашней обстановке, часто со знакомыми в ресторанах. Приподнятое настроение. Галочка, ты теперь моя спутница не только в жизни, но и даже во сне. Все, что нами пережито, быстро забудется, когда встретимся и заживем счастливо...»

5 июля: «...За работой время проходит быстро и незаметно. Если освоюсь, то можно немного заработать. Чувствую себя хорошо. Недавно второй раз просвечивали легкие на рентгене. Врачи находят меня совершенно здоровым (есть только старые очаги). Если врачи говорят правду, то это к лучшему во всех отношениях. Перевод получил, пока на мелкие расходы имею деньги, от предыдущей посылки около 1,5 кг сала осталось.

...Как только бросил курить, у меня развился сильный аппетит. Сейчас куда лучше выгляжу, чем в Чу. Можно надеяться, я больше к куреву не вернусь... Если будет возможность, бандеролью пришли хотя бы последние 2-3 номера журнала «Вопросы истории». В остальной литературе нет никакой нужды. Имею возможность читать любую литературу по своему выбору...»

7 июля: «...Письмо и фото детей доставили мне большую радость. Каждый день смотрю на них и никак не налюбуюсь. Милые личики и знакомые костюмы. Ермушка повзрослел и выглядит хорошо, а Сермуша стал красивым, и я полагаю, что он будет серьезным и вдумчивым мальчиком. Галочка, проявляй максимум внимания к детям. На твоих глазах они незаметно вырастут и будут твоими заботливыми помощниками. У нас больше никого нет».

13 июля: «...На днях сообщили об отправке нас в лагерь. Когда этап – станет известно 14-15 июля. Откровенно говоря, не хотелось бы сейчас трогаться, но никуда не денешься, придется ехать в какой-то неведомый край. Во всяком случае, теперь не вижу в этом ничего страшного. По прибытии на место сообщу адрес. Посылку, наверное, не успею получить...

1953 год насыщен событиями. Порадовал меня факт разоблачения презренного врага Берия. Обильно пролитые слезы безвинных людей, их жен и матерей не пропали даром. Пусть он испытает на себе все, что творил над другими.

Рад, что скоро встретишься с детьми. Обязательно напиши о всех переменах, происшедших в их внешности, разговорах и детских увлечениях. Я глубоко верю, что мне удастся принять участие в их воспитании. И наша заветная мечта – отдать их на учебу в столичные вузы – сбудется. И мы с тобой не раз их будем встречать и провожать. Очень тронут твоими заботами о семье, но только надо беречь здоровье. Пока воздержись от писем...»

16 июля: «Милая, любимая Галочка! Пишу перед отправкой на этап. Куда нас забросит судьба, неизвестно. Совершенно не беспокойся, лично меня это теперь не пугает. В конце концов, неплохо посмотреть на неведомые края. Может быть, месяц или два не сумею сообщить о новом местопребывании. Однако не надо беспокоиться. Если не будет писем, считай, что я в пути. Крепко-накрепко поцелуй наших детей. Надеюсь, что встреча с ними доставит тебе большую радость.

Крепко целую. Всегда неизменно любящий Ермухан».

«Дорогой мой Ермухан!

Сегодня нашему мальчику Сермухану 3 года. Вспомнила день его рождения. Мы отдыхали на даче Совета Министров, а вы принимали экзамены (государственные) в КазГУ и жили в городе. Когда меня привезли в горбольницу, Адыраим сообщил вам о моем состоянии. Помню, как вы буквально прилетели ко мне и передали записку, много конфет, фруктов. Да, невозвратное время! Каждый раз задаю себе вопрос: неужели все кончено и нет правды? Ермухан, родной мой, видимо, честному человеку всегда приходится терпеть от ничтожеств, подхалимов-шкурников. Но вы молодец! Ничто вас не сломило. У вас безжалостно отняли партбилет, а вы душой настоящий советский человек, коммунист!

Ничего, будем терпеливо ждать, разберутся! А пока берегите себя, трудитесь. В труде легче будет преодолеть этот крутой поворот в жизни. Думайте: где-то есть человек, который страдает вместе с вами и ждет. Вам будет легче, и все не будет представляться таким безнадежным. Для меня единственное утешение – работа, тружусь с вдохновением.

Целую. Ваша Халима. 19 июня 1953 года».

Положение Ермухана в петропавловской пересыльной тюрьме было сносным, самое главное, не прерывалась ниточка связи с семьей. В заключении, как и на воле, хорошо тем, у кого есть деньги. У Ермухана, благодаря Халиме, они имелись, часто приходили и посылки. Здесь он неожиданно приобрел друга – Ердена, на крепкое плечо которого всегда мог опереться. И администрация тюрьмы, видимо, учла, как ему, известному ученому, приходится тяжело переживать свое падение, и проявляла обычное человеческое сострадание. Шла ему навстречу, выполняя кое-какие его просьбы, особенно связанные с лечением. Спасибо, что нашлись добрые люди! В пересыльной тюрьме осужденные подолгу, как правило, не засиживались. Время от времени тысячи заключенных, которым был назначен длительный срок лишения свободы, садили в вагон-заки и отправляли в разные лагеря. И вот Ермухан попал в очередной эшелон. На крышах вагонов – пулеметы, на тормозных площадках холодно блестят стволы автоматов охранников. «Куда нас везут?» – пытаются узнать зеки у конвоиров. «Молчать, не положено говорить», – пресекают их. Поезд идет день и ночь, неделями...

«Дорогая Галочка! Благополучно добрался до нового места. По сравнению с

прежним оно устраивает меня во всех отношениях. Пока не определили никуда, но обещали дать подходящую работу по состоянию здоровья. Думаю, кое-что удастся заработать на прожиточный минимум. А самое главное – срок пребывания здесь будет с каждым годом резко сокращаться. Разумеется, только при хорошей работе... Чувствую себя хорошо. Впредь посылки не надо посылать. Если будут деньги, то здесь можно купить все, что захочется. На первых порах придется испытать некоторую нужду в деньгах, но ничего. Скоро и я обзаведусь кое-какими средствами. Письма можешь писать неограниченно и от меня будешь получать регулярно. Очень скучаю по тебе и детям. Подробно напиши о Сермуше и Ермуше, как живете. Как с алматинской квартирой и работой? Подробности напишу в следующем письме, нетерпеливо жду весточку.

Горячо любящий твой Ермухан, 16 августа 1953 года.

Иркутская область, г. Бодайбо, почтовый ящик – 200/2».

«Дорогой, родной мой Ермухан!

Почти два месяца от вас не было писем. Ежедневно ходила на почту, ждала их. Наконец-то пришло долгожданное письмо. Ничего, где бы ни находиться, главное – быть здоровым и трудоспособным. Меня успокаивает одна мысль, что вы есть и где-то бьется ваше честное сердце. Судьба! От нее никуда не уйдешь... Может, она еще готовит вам счастливое будущее. Вспоминаю прекрасные слова Абая: «Унизилась душа моя, Что за жизнь без тебя?! Совсем иссякли силы. Что не испытает человек, если это предначертано Богом?»

Дорогой мой, мужайтесь, старайтесь подавить в себе чувство безысходности, которое сушит человека, терпеливо переносите все тягости вашей жизни. Как бы вы не подорвали свое здоровье, меня это беспокоит. Показывайтесь чаще врачам, обращайтесь к ним за советом и помощью, если есть такая возможность, просите посильную работу. Интересно, какие условия зачетов?..

15-20 сентября отправляю домой детей, которые все это время были со мной. Они хорошо отдохнули, поправились, загорели, вдоволь поели узбекских фруктов. Ермуша очень подвижный, озорной мальчик. Младший – весь в вас. Когда смотрю на него, вспоминаю милые, родные черты: красиво очерченные губы, маленькие пухлые руки. Я представляю, как вам нелегко читать эти строки, представляю ваши глаза, полные слез. Я сама пишу и горько плачу. Не надо, не расстраивайтесь, нужно крепиться. Будем много переживать, сами сократим свою жизнь. Дорогой мой, берегите себя, читайте, трудитесь, так легче.

Я все думала к вам съездить, но теперь вы забрались так далеко... Но ничего – и в Иркутск добраться можно.

Пока живу в Ташкенте, с работой хорошо. Дети с мамой в Алма-Ате. Моя Рона собирается переезжать: вышла замуж за московского инженера-архитектора. Мне будет плохо без такой прекрасной подруги, сумевшей облегчить мою жизнь. Вот и все новости.

Родной мой, надеюсь, вы окончательно бросили курение, чтобы сохранить для нас лишний десяток лет.

Целую, обнимаю, любящая вас Халима. 5 сентября 1953 года (страшный день в нашей жизни – день вашего ареста)».

Из письма Е. Бекмаханова от 25 августа:

«...Здесь лето как лето, но зато зима очень суровая. Сухой мороз очень полезен для моего здоровья, и поэтому он меня не очень беспокоит. Я долго испытывал физическую слабость. Оказывается, в наших условиях и эту трудность можно преодолеть. Сейчас работаю и начинаю приобретать навыки в самых непривычных для меня профессиях.

Пока ответа на свои письменные жалобы не получил. Независимо от этого я решил сокращать свой астрономический срок честной работой (зачеты). Если не удастся доказать свою честность и добиться законного права на свободу, то рассчитываю на помилование. Этого всеми средствами буду добиваться, а ты посоветуйся с товарищами, не мешало бы еще раз обратиться в президиум с ходатайством. Остаюсь честным советским человеком, как бы некоторые ишкурники ни радовались и ни наслаждались паразитической жизнью, я считаю себя намного честнее их. В Петропавловске регулярно читаю казахстанские газеты и журналы и был в курсе событий. Если обзаведусь деньгами, думаю выписать «Казправду». Кажим* был отправлен тяжело больным и, наверное, не выздоровеет, вдобавок ко всем несчастьям его красотка от него отказалась. Удивительная вещь: я за это время поумнел и набрался жизненного опыта; и некоторые не представляют, что значит быть вдали от родной семьи и как дорога для человека ее моральная поддержка; и не понять никому, что значит пережить свое несчастье в далеких, чужих краях...»

«Дорогой мой Ермухан!

Очень долго идут письма из Сибири. Ежедневно захожу на почту, но их нет. Вспоминаю, как мы первый год жили в разлуке, жили письмами. Вы тогда редко писали, а после моих просьб – чаще. От этого и крепнущих надежд было легче. Тогда мы и предположить не могли, как жестоко расправится с нами судьба. Но ведь если есть правда, когда-то же она заговорит! Поберегите себя, чтобы видеть своих детей, радоваться их радостям! Оба они умные мальчики. Меня они очень любят, хоть и видят мало. Они проживут со мною до 1 октября, они сыты, одеты, ни в чем нужды не испытывают. После работы я с ними, и от этого общения испытываю огромное удовольствие. Много времени забирает подготовка к урокам, но зато сколько радости от результатов!..

Дорогой мой, трудитесь. Оберегайте себя! В свободную минуту не грустите о нас. Читайте, книги рассеют ваши печали.

Крепко обнимаю, целую. Любящая ваша Халима. 15 сентября 1953 года».

«... Дети еще при мне, но уже собираются в Алма-Ату. Я задержала их здесь, чтобы дать маме время на ремонт квартиры. Она сейчас белит, красит. Сегодня с мальчиками были на Комсомольском озере, катались на детской железной дороге, были в комнате смеха. Получили колоссальное удовольствие. Смотрю на Сермушку и вижу вас. Как будто бы вас без конца его обнимаю, целую.

На работе нагрузка большая, но тружусь с большим удовольствием. Возвращаюсь обычно поздно, и сразу, едва поев, – спать. С утра все то же. Так идут дни за днями. Но все же изредка бываю в кино и театре... Надеюсь, мы это восполним, еще побываем и в театрах Союза. Надеждами только и живу!

Целую крепко, любящая Халима. 21 сентября 1953 года».

«Милая, родная Галочка! Вчера только исполнился год моей скитальческой жизни. Год мне кажется вечностью. Но когда перебираешь в памяти

* Доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН Казахской ССР Кажим Жумалиев, когда политические преследования, начатые в 1951 году, достигли своего апогея, он был принудительно переведен в Караганду. В городе угольщиков замечательный литературовед в течение нескольких месяцев не мог найти себе работу по профессии, занимался разной поденщиной. Затем его взяли рядовым преподавателем в местный пединститут. Однако во время последней чистки, в марте 1953 года, его заключили в тюрьму, обвинен по пресловутой 58-й статье УК и осужден на 25 лет. В отделении Долинка Карлага работал скотником, а через некоторое время оттуда был отправлен в петропавловскую пересылку, а затем – в Бодайбо.

события минувших лет, то сразу все начинает оживать снова. Несмотря на то что последние годы я чувствовал себя усталым и временами бывало тяжело, я всегда с нетерпением ждал твоего возвращения домой с вечерней работы. О моих многочисленных командировках уже говорить нечего. Каждая новая встреча после разлуки доставляла мне большую радость. Помнишь, я всегда говорил тебе, что я переживаю вторую молодость и любовь. А ты, может быть, не всегда этому могла придавать значение... Сколько было у нас светлых дней, и сколько с тобой было пережито неприятного. Я очень жалею, что последние 3-4 года совершенно зря пропали для меня в бесплодных и никому не нужных рассуждениях. Слишком я был безжалостным к себе, придавал значение бесконечно глупым затеям и шумихам. Пройдут годы, улягутся страсти, успокоятся горячие головы, и люди трезво оценят наше прошлое. Но я уверен, что все эти шумихи не стоят ломаного гроша. Все это можно было сделать без жертв. Недавно прочел книгу Уилсона «Жизнь во мгле», издания 1952 года, перевод с английского. Автор не наш человек и ярый защитник чужого строя, но есть там интересные моменты для нашего читателя. Мне понравились образы Сатина и Ерика. Если представится возможность, то прочти. Во мне никаких изменений не произошло. Выгляжу так же, как и года два-три назад. Седых волос стало больше, но это только украшает мужчину. Стараясь питаться нормально, думаю, что буду в состоянии обеспечить себя нормальным питанием. Здесь суровая зима (60 градусов), пока устроился неплохо. Если сможешь, то по почте пришли кое-какие теплые вещи (в предыдущем письме сказано). Какие бы расстояния не отделяли нас, мы всегда будем вместе. Я просто удивляюсь живучести человека и его умению приспособиваться к любым невзгодам. Часто думаю над своей судьбой, прихожу к твердому убеждению, что долго сидеть не буду. Это не иллюзорные надежды, мои думы основаны на реальных фактах. Сама знаешь, сколько за этот только год наше правительство сделало для народа облегчений, имеющих важное значение на современном этапе. Ответа на мои жалобы не поступило. Теперь думаю направить просьбу о помиловании в Верховный Совет, и тебе не мешало бы написать обстоятельное туда письмо. Если чистый срок сократили бы, то здесь с зачетами можно было бы скорее отделаться (это я рассчитываю, если, на худой конец, не будет для нашего брата просвета)...

... Крепко целую и обнимаю. Любящий вас Ермухан. 3 сентября 1953 года».

«Дорогой мой Ермухан!

Наконец получила письмо. Уже думала, что вас двинули куда-нибудь дальше. Рада, что вы здоровы и бодры, для меня это очень важно. Мне хочется жить и еще больше работать, когда я знаю, что вы здоровы и трудитесь. Дети хорошо отдохнули, посмотрели все достопримечательности Ташкента, были в оперном и кукольном театрах, цирке. А теперь уехали домой. Дети наши развитые, многим интересуются, не сразу и ответишь на их вопросы. Хотят знать, откуда появился человек, что такое метеориты? Старший хочет быть капитаном, младший – моряком. Потому и подарила им матросские бушлаты и бескозырки, купила им летние костюмы и ткань на рубашки. Были рады они и безрукавки. Тетя с мамой получили отрезки на платья. Постаралась я доставить им удовольствие в эти месяцы, когда они у меня гостили. Могли бы и еще оставаться, но мне надо ехать на хлопок...

Работа вполне меня удовлетворяет и бодрит, Галия исключительно работлива, питаюсь нормально. И потому обо мне не беспокойтесь и не тоскуйте. Пока я здорова, вас никогда не оставлю.

Интересно, дошел ли перевод на 100 рублей от 4 сентября? Пишите чаще. Жду писем. Целую. Ваша любящая Халима. 12 октября 1953 года».

В письмах опального историка из мест заключения нет ни одного вопроса о житье-бытье друзей-товарищей, сослуживцев, руководителей республики. К ним он не обращается с просьбами. Все жалобы направляет только в Москву. Ясно, все это неслучайно. Он не мог забыть глубокой обиды, нанесенной ими и сидевшей, как заноза, в сердце. Вновь и вновь он прокручивал в памяти все, что предшествовало его заключению. Вспоминал о предательстве и клевете, о трусости и лицемерии. О том, как отдали его на заклатие МГБ люди, занимающие высокие посты, у которых и поныне в кармане – партийные билеты. Когда-то он принимал за чистую монету их напыщенные речи с трибун о любви к Родине, героизме, высокой морали, о чести и совести. Все на поверку оказалось декорацией к спектаклю, который с ним разыграли. Все, кто держал власть, думали только о сохранении своего положения. Проявили трусость, что не к лицу руководителям. Кто взялся вести за собой народ, должен быть смелым и не прятаться в кусты в час испытания.

Назло беспринципным чиновникам Ермухан решил бороться до конца, чтобы вырваться на волю, ибо знал, что ему с его здоровьем долго не выдержать шестидесятиградусные морозы Восточной Сибири. К тому же он видел, что некоторые политические заключенные, в том числе крупные российские ученые, находили разные пути освобождения и уже покидали лагерь. Почему же и ему не попробовать? Ведь ему нечего терять, кроме своих цепей. Поразмыслив так, преодолев горечь нанесенной ему обиды, он решил напомнить ЦК Казахстана, что жив и надеется на его помощь. Тем более в его деле впервые появился просвет...

«Секретарю ЦК КП Казахстана Ж. Шаяхметову.

Отбываю свой срок в далеких сибирских сугробах. Остается еще 23 года с лишним до конца срока. Какие бы тяжелые страдания я ни испытывал и как бы жестоко ни был наказан, я до конца остаюсь честным гражданином своего отечества. Время – великая проверка всех моральных и духовных качеств человека, оно меняет его. Если когда-либо представится возможность вернуться к своей профессии, то честные люди убедятся в этом.

Весь следственный материал от начала до конца состоит из рецензий на мою книгу «Казахстан в 20-40 годы XIX века» и «Историю Казахской ССР» первого и второго издания. О методах следствия нельзя вспоминать без отвращения. Методы запугивания и обмана сопутствовали на протяжении всего следствия. Отдельных честных людей следователи не смогли склонить на свою сторону, хотя всеми средствами пытались этого добиться. Глубоко верю в справедливость советского правосудия и терпеливо жду положительного решения моего вопроса. За это время написал единственную жалобу на имя Маленкова. На днях получил ответ из Верховуда СССР, в котором сообщается, что затребовано мое дело для пересмотра. Обращаюсь к вам с просьбой помочь в объективном решении моей судьбы. Я на ваших глазах вырос, и вы хорошо знаете мое прошлое и настоящее. В чьих интересах из меня искусственно создавать врага? Я признал свои ошибки и на справедливую партийную критику ответил делом – написал монографию «Присоединение Казахстана к России в XIX веке» (объем 30 печ. листов), одобренную Панкратовой, Дружининым, Кучкиным и другими учеными АН СССР. Монография специально была просмотрена экспертной комиссией МГБ КазССР, которая не обнаружила никаких извращений и серьезных ошибок (Закключение комиссии приобщено к моему делу).

Суровое наказание научило меня многому. Поумнел. Думаю, что теперь из меня вышел бы неплохой историк.

Еще раз прошу помочь мне добиться свободы и на деле искупить свою вину перед партией и Родиной честным трудом.

Е. Бекмаханов, 4 октября 1953 года.

Адрес: Иркутская обл., г. Бодайбо, прииск «Артем», п/я – 200/6».

Это заявление было направлено в ЦК (обратите внимание на дату отправления!) в надежде на то, что курс, взятый в последнее время Центральным Комитетом КПСС и правительством СССР, наверняка изменил позицию руководителей Казахстана. Но, увы, историк опять ошибся в своих предположениях, его жалоба снова осталась без ответа. Почему же? Нам и сегодня непонятно молчание Жумабая Шаяхметова. Читателям уже известно, что свою причастность к этой политической кампании, отстранению К. И. Сатпаева и других от научных обязанностей он оправдывал принуждением кремлевских чиновников. А теперь после марта 1953 года политическая ситуация в стране изменилась в лучшую сторону. Президиум, также и секретариат Центрального Комитета КПСС постепенно отходили от жесткой линии руководства времен И. Сталина. Это только незрячие могли не видеть. А Ж. Шаяхметов, как зрелый политический деятель, всегда дававший отчет своим поступкам и отлично ориентирующийся в кремлевских тусовках, должен был сделать из этих послаблений соответствующие выводы, догадаться и понять, что настало другое время, и отозваться на крик души хорошо известного ему историка из глубины холодной Сибири. Он вполне мог, взяв за основу заявление Ермухана Бекмаханова, направить в ЦК КПСС официальное ходатайство бюро ЦК КП Казахстана о пересмотре дел не только опального историка, но и других ученых, несправедливо осужденных и отбывающих наказания в ГУЛАГе. Этим действием он развязал бы сложный узел, скоропалительно и опрометчиво завязанный два года тому назад. Если бы он так поступил, то вся казахская общественность горячо одобрила бы этот поистине мужественный и человечный шаг. И это вопреки всем слухам и разным толкам спасло бы его подмоченную репутацию, заодно и весь партийный аппарат ЦК от будущего суда истории. Но, увы! Этого не случилось.

Жумабай Шаяхметов и все его подручные предпочли не вмешиваться в судьбу осужденного «опасного преступника», сделали вид, что никакого заявления от Бекмаханова не было. Кстати, это еще раз показывает, что партийное руководство Казахстана действительно оторвалось от жизни, было страшно далеко от народных чаяний. Проявило близорукость. Оценить по-другому его действия невозможно...

Что оставалось замордованному, метавшемуся как зверь в клетке, но все еще неистовому историку? Горя желанием скорее увидеть своих малышей, молодую жену, Ермухан искал всяческие пути, чтобы приблизить встречу с ними. Потому он напросился на разнарядку на золотой прииск, где день засчитывался за два. Благо, охотников туда было мало. Его послали на шахту «Артем», где добывалась золотоносная руда.

«На «золоте» рабочий день был летом четырнадцать часов. Летом не бывало никаких выходных дней, «списочный состав» каждой забойной бригады менялся в течение золотого сезона несколько раз. «Людские отходы» извергались – палками, прикладами, тычками, голодом, холодом – из забоя – в больницу, под сопку, в инвалидные лагеря. На смену им бросали новичков из-за моря, с «этапа» без всяких ограничений. Выполнение плана по золоту обеспечивалось любой ценой. Попасты на золото значило попасты в могилу, – писал русский писатель Варлам Шаламов* в своих документальных «Колым-

ских рассказах» – самой правдивой и страшной книге о сталинских лагерях. – Полежать в больнице, даже умереть на чистой постели, а не в бараке, не в забое, не под сапогами бригадиров, конвоиров и нарядчиков, – мечта всякого зэка. Самым, пожалуй, страшным, беспощадным был холод. Ведь актировали (то есть освобождали от работы) только в мороз ниже 55 градусов. Ловили вот этот 56-й градус Цельсия, который определяли по плевку, стывшему на лету, по шуму мороза, ибо мороз имеет язык, который называется якутски «шепот звезд». Этот шепот звезд нами был усвоен быстро и жестоко. Первое же отморожение: пальцы, руки, нос, уши, лицо, все, что прихватит малейшим движением воздуха. И можно было отказаться работать...»

Ермухан Бекмаханов не смог выдержать и этот «падающий» режим больше месяца и, как только почувствовал ухудшение здоровья, перешел на более легкую работу в самом лагере...

После перевода его в город Бодайбо Иркутской области переписка с Ташкентом затруднилась. Каждое письмо шло почти месяц. Посылки обходились теперь дороже. Например, за 8-килограммовую посылку, отправляемую воздушным путем, необходимо было заплатить 130-140 рублей. Однажды у Халимы Адамбековны не хватило денег для отправки очередной посылки, и она вынуждена была вместо нее перевести в Бодайбо 100 рублей...

«Милая Галочка! После долгого ожидания и беспокойства получил сразу два письма. Весть о вашем благополучии сразу рассеяла грусть и волнение, и сердце наполнилось радостью. Раньше как-то не замечал, как томительно ждать письма от родного, близкого и любимого человека. И вот теперь в этом убедился, не получив от вас ни строчки за последние три месяца. Я живу ради вас и любимых детей, и для меня не существует другой жизни. Много раз перечитываю твое письмо, и в каждой строке столько запоминающегося и столько теплоты, что невольно навертываются слезы на глаза. Будучи в тюрьме, читал произведения армянского поэта Додоханяна, и мне запомнились строки:

*Расскажу, сколько бед
Я терплю много лет,
Потому я в слезах,
Что полжизни уж нет.*

Я лично не жалуясь. К моему удивлению, я оказался намного практичнее, чем предполагал. Если бы не пошатнувшееся здоровье, то любую работу мог освоить и приносить посильную пользу. С моей болезнью здесь считаются. Теперешняя работа меня вполне устраивает. Работаю в кругу медиков. Со временем можно приобрести в этой области дополнительную специальность. Повседневная работа и в перерыве – чтение художественной литературы целиком поглощают время. Я перестаю думать о неволе...

Питаюсь хорошо, выгляжу совершенно молодым. А суровая зима дальнего Севера исключительно благоприятно сказывается на моих легких. На деньги можно купить все: масло, ветчину, сахар, белый хлеб и другое. Мой скромный заработок будет подспорьем для меня, а для вас ежемесячно 100 рублей переводить будет трудновато. Поэтому, Галочка, с переводами будьте осторожны...

Напиши через Ирину Анне Михайловне, и пусть знает, что на мое заявление не последовало ответа...

⁴ В. Шаламов после ареста в 1937 году попал на колымский золотой прииск «Партизан». Лагерный режим на таком же прииске вблизи городка Бодайбо мало чем отличался от колымского. Но в 1953 году там заключенным делались некоторые послабшки. Например, работали они уже по 12 часов в сутки и отдыхали каждое воскресенье...

Крепко целую и обнимаю, горячо любящий Ермухан. 24 сентября 1953 г. ».

«Дорогой Ермухан! Пишу с уборки хлопка, где работаю учетчицей. Подсчет собранного занимает так много времени, что нет ни минуты, чтобы написать вам. На счастье, сегодня день дождливый, сидим дома. Вот и села за письмо. Посмотрел бы на меня: в платке, телогрейке – типичная колхозница. Но зато колхоз в Чиназе – миллионер. У него огромная территория, а все окружающее и дом, где я живу, напоминают Чу. По вечерам звучит по радио татарская музыка. Помните, вы ведь так любили ее, мы не пропускали ни одного концерта татарских артистов. Меня эти звуки волнуют, все вспоминаю, не могу уснуть, а усну, вижу кошмары.

Дорогой мой, на днях поеду в город и, получив зарплату, отправлю вам посылкой ушанку и теплые носки. Из письма Галии, звонившей в Алма-Ату, знаю, что у детей все в порядке, они даже говорили с Галией по телефону. Я хоть и спокойна за них, но очень скучаю, особенно после того, как они два месяца прожили со мной рядом. Только надо быть за них спокойными: мама в них души не чает, а тетя так опекает и бережет.

Завершаю письмо уже в городе, куда нас отпустили на две недели. Тороплюсь по почте, где, наверное, меня уже давно ждут ваши письма. Дорогой мой, не горюйте: ведь дети наши не брошены на произвол, живут и воспитываются в нормальных условиях. Когда увидите, будете или гордитьсяя.

Крепко целую, ваша любимая Халима. 1 ноября 1953 г. ».

Из писем Е. Бекмаханова из Бодайбо в Ташкент, написанных в октябре: 4 октября 1953 года: «...За истекшие два месяца имею зачеты. При благоприятных обстоятельствах зачеты будут идти своим чередом. Рассчитывать на одни зачеты трудно, однако польза от них будет. Завтра подаю на помилование, если благосклонно отнесутся к моим делам, можно надеяться на благополучный исход.

Галочка! Почему-то мало пишешь о Ермуше и Сермуше. Скоро Ермуша будет школьником. У него уже будут свои интересы, свои радости и печали. Надеюсь, что скоро будем вместе с детьми. А родительское внимание и ласка для них очень много значат...

Галочка! Если представится возможность, вышлю небольшую посылку с сухими фруктами, тетради, марки и конверты. Я просил бы бандеролью выслать несколько свежих номеров журнала «Вопросы истории»... Любовь к тебе и скуку я не в состоянии передать в одном письме. Вдали от вас живу вашей жизнью и думами, и это вселяет в меня уверенность в нашу счастливую встречу...»

19 октября 1953 года: «Милая Галочка! Сегодня суббота. Чувствую себя немного свободнее от повседневной суеты. Услышал, наш долгожданный почтальон раздает почту. Сразу пошел к нему, но, увы, мне и моему товарищу Беке (речь идет об историке Бекежане Сулейменове. – М. С.) из ваших краев ничего нет. Обидно, но ничего не поделаешь, так чертовски долго стали идти письма. На днях отправил тебе письмо, не знаю, скоро ли дойдет. В тяжеле минуты вынужден братья за ручку и писать... Сегодня отправляю вторую по счету жалобу на имя Хрущева, последует ли ответ или нет, трудно сказать. К некоторым моим коллегам проявили большое снисхождение. Им сократили сроки до 70%, а статья и сроки такие же, как у меня. Правда, у них жены боевые, успели побывать на приеме у К. Е. Ворошилова, Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Буду терпеливо ждать ответа на свои жалобы... Зима начала вступать в свои законные права...»

Наверное, это тоже ирония судьбы: Ермухан в Бодайбо встретил своего коллегу Бекежана Сулейменова, который был старше его на три года. В прошлой жизни тот был человеком волевым и самоуверенным. Но, по все-му виду, голод и холод, тюремные камеры, арестантские вагоны, барачные неудобства окончательно сломали его. Худой, ко всему безразличный, он напоминал живого мертвеца. Ермухан даже не сразу узнал своего старшего коллегу, так он, Бек Сулейменов, изменился за пятнадцать месяцев заключения. Его взяли в июле 1952 года. За это время он постарел по крайней мере лет на пятнадцать. Казалось, стал даже ниже ростом. Во всем облике Бека Сулейменова прежними остались только густые брови и пронзительный, злой взгляд. При встрече его глаза на миг загорелись от радости, но тут же потухли, будто что-то его смутило.

– Апыр-ай, Беке, что с вами? – Ермухан бросился к старому знакомому, на миг забыв прошлые ссоры, готовый его обнять, но коллега отчужденно отстранился.

– Вижу, что ты прибыл с последним этапом, а давно сидишь?

– Из четвертной пока отсидел только один год, Беке. Срок мой начат с сентября.

– Значит, мы – вчерашние идейные враги – теперь на равных... – усмехнулся Бек Сулейменов, глубоко вздохнув и обнажив редкие зубы. – Получается, что я освобожусь лишь на два месяца раньше тебя... Ладно, рассказывай о своих домашних, получаешь ли какие-либо вести?..

– Младшая жена Халима шлет мне ежемесячно по четыре, иногда и по пять писем, аккуратно переводит деньги, вдобавок еще не забывает отправлять посылки. В этом я счастлив безмерно, чем и живу!.. – поделился Ермухан своими новостями. – А что случилось с вами, почему вы так сильно изменились? Не болеете ли?

– Здоров, не жалуясь. А писем мне писать некому... Беда у меня, Ермухан, оттого я такой потерянный, день и ночь гложет меня червь бессилия. Из двадцати пяти лет мне, наверное, и пяти не отсидеть, скорее всего загнусь здесь... Рассказывать обо всем придется слишком долго, тяжело... – так резко прервав мимолетную встречу, старший коллега отошел прочь.

Это тоже было непохоже на прежде словоохотливого Бека Сулейменова. Раньше он любил лясы точить. Не зря алматинские сплетники толковали, что он, де, получил свой срок из-за того, что слишком много болтал, не очень-то оглядываясь по сторонам, короче, за свой длинный язык. Кое в чем они были правы, но обвинение, предъявленное ему, было гораздо серьезнее*.

Между Ермуханом и Беком кошка, как говорят, пробежала давно. Их конфликт, длившийся несколько лет, начался со времени защиты Ермуханом докторской диссертации и достиг кульминации в момент выхода его монографии в свет. Притом атака начинал старший коллега. Кстати, оба историка, по мнению многих их сослуживцев, стояли один другого: оба были талантливы, обладали обширными знаниями, прекрасно владели казахским и русским языками и по своей образованности стояли на голову выше своих

* Из постановления судебной коллегии Верховного суда Казахской ССР от 17 июля 1952 года: «Негативное отношение к советской власти Б. Сулейменова выражалось его двурушническими действиями. Если в 1948 году он характеризовал феодально-монархическое восстание Кенесары Касымова как националистическое, то в 1951-1952 годах, в ходе научных обсуждений в АН Казахской ССР, он открыто занял противоположную сторону. Некоторые проблемы истории Казахстана он пропагандировал с националистической точки зрения, всячески поддерживал националистов. Свои враждебные СССР взгляды он доказывал в научных трудах и устно, постоянно выступал в буржуазно-националистическом духе. Занимался критикой национальной политики Коммунистической партии и Советского правительства в период Великой Отечественной войны...»

коллег. Разница была лишь в том, что Сулейменов не всегда был настойчив в достижении поставленной цели. Именно потому Ермухан, более собранный, опередил своего коллегу. И соперничество между ними только усилилось. Они постоянно ссорились. Результат их упрямства оказался плачевным. Оба загремели в лагерь, по иронии судьбы, ели кашу из одного котла, лежали рядом на деревянных досках двухэтажных нар сектора «А». Разумеется, перестали спорить, прекратили взаимные укоры, выходит, «поумнели»...

Ермухан Бекмаханов из рассказа самого Бека Сулейменова узнал, что его путь в Бодайбо оказался страшно тяжелым и мучительным: в пересыльной тюрьме Новосибирска он сидел довольно долго; жена его, татарка, преданная спутница по жизни, во всем потакавшая крутому по характеру мужу, привезла ему передачу. Однако приехавшей из далекого Казахстана, притом с двумя сыновьями-школьниками женщине безжалостное и тупое начальство тюрьмы не разрешило увидеться с мужем, поводом для отказа, очевидно, служила ожидаемая отправка арестантов в дальний лагерь. Но упрямая женщина решила хоть издалека увидеть его, день и ночь просиживая в зале ожидания вокзала, стала караулить этот эшелон. К ее несчастью, в конце концов она дождалась своего. Взяв за руки сыновей, она пошла по ряду вагон-заков, выстроившихся на железнодорожном пути. И она нашла своего Бека, кстати, и он в тот момент, словно чувствуя желанную встречу со своими близкими, стоял у окошка с железными прутьями. Они успели только помахать друг другу, а мальчики, узнав отца, даже запрыгали от радости, стараясь приблизиться к нему... Но, увы, бдительный конвой арестантского эшелона, заметив их, тут же бросился сюда и отогнал несчастных от вагона. Горячие просьбы женщины, умолявшей их постоять хотя бы несколько минут у окна и передать съестные припасы мужу, не подействовали. И тогда она решилась на отчаянный шаг, возможно, сказала усталость от всех пережитых ею несчастий (она была уволена с работы, бедствовала со дня ареста мужа), да и бесконечные отказы карательных органов в ее просьбах похоже на то, что ее нервы не выдержали. Она, крепко схватив сыновей за руки, бросилась под встречный поезд, идущий с противоположной стороны; притом все случилось так быстро, что ни машинист паровоза, ни рядом стоящие охранники не могли предотвратить их гибель. Зато все они слышали ее последние слова о том, что она делает это сознательно, выкрикнув: «Это за произвол советской власти, совершенный над нами. Все вы сволочи, будьте вы прокляты! Сама власть и вы – цепные ее собаки!..» И, самое страшное, весь этот ужас произошел на глазах Бека Сулейменова, смотревшего на своих домочадцев через оконную решетку вагон-зака. Потрясенный случившимся, бедный арестант в бессилии бился головой о деревянную стену вагона до беспамятства* ...

Кажется, все было кончено. Как ни велика была потеря любимой жены, с которой он прожил много лет, и своих безвинных мальчиков, все же он не смог совершить акт возмездия над собой, хотя в первые дни постоянно думал об этом. Надо было держаться, смотреть вперед. Горечь в груди, боль в сердце не отпускали ни днем ни ночью, но постепенно он стал приходить в себя, понемногу возвращаться к жизни.

* Трагический случай, на корню уничтоживший семью опального историка, нам стал известен из письма Ибрагима Агытаева, костанайского пенсионера-журналиста, бывшего партийного работника, датированного 4 октября 2009 года, ко мне, в Семей. Как поведал мой добровольный информатор, в августе 1975 года он по поручению райкома партии целую неделю сопровождал известного историка Бека Сулейменова, приехавшего в бывшую Тургайскую область с целью сбора материалов по истории этого края. О том печальном событии ему стало известно во время продолжительной поездки по аулам... «Помню, старшего сына историка звали Ернар, а вот имя младшего забыл. Редкий случай, но чего она добилась, власть-то осталась глуха к ее отчаянному протесту?» – закончил свое письмо костанайский пенсионер.

Однако здесь, в Бодайбо, его подстерегала новая неприятность, совершенно неожиданная. Связана она была с продуктовой посылкой, которую он получил от близкого родственника из родного села Челкар, проявившего к нему сострадание, чтобы хоть этим подарком утешить его горе. Как только Бек открыл ее, лагерные блатари, следившие за ним, окружили его и, угрожая ножами, потребовали отдать все содержимое им подобру-поздорову. Снова столкнувшись с неприкрытой наглостью и беспределом, зек послал их подальше. Но, увы, их было много, а он один. Произошла свалка. Когда же блатари стали одолевать, он то ли вовсе озверел или решил стоять до конца, в общем, во всю мощь закричал: «О аруахи предков, поддержите меня! И, Аллах великодушный, есть ли здесь мусульмане, помогите?!» – и впился зубами в горло одного из грабителей. А нападавшие повалили его и стали избивать. Но тут схватка приобрела непредвиденный оборот. Откуда-то нагрянули четверо чеченцев, которые и спасли беднягу, заодно и его добро...

– Я тех собак тебе покажу, вообще, ты, Ермухан, остерегайся их. Познакомлю тебя и с чеченцами. Они из тех, которые были насильно переселены к нам в Казахстан в годы войны, по-казахски разговаривают свободно. В ту самую критическую минуту я ведь невольно закричал по-казахски, призывая сородичей на помощь, и они услышали меня. Если бы не они, я давно лежал бы с биркой на ноге под каким-нибудь бугорком, Ермухаш... – погрустнел коллега. – Ты меня спрашиваешь, почему я тронутый и страшно худой? Худоба моя – от моих переживаний. Ведь осужден ни за что, как и ты, к тому же из-за меня пострадала моя семья. И, как будто всего этого мало, лагерное хулиганье хотело отобрать у меня последние крохи... За тобой издалека следит молодая жена, на нее ты можешь положиться, у тебя есть дети, семья, которая молится о твоём возвращении. А у меня кто есть? Один одинопёнок я, Ермухаш, совсем осиротел!..

Узнав подробности всего случившегося с Беком, Ермухан постарался забыть про свои обиды и решил всячески помогать ему, чтобы он совсем не потерял голову в условиях лагерного кошмара. Как говорится в таких случаях, беда помирила обоих. Как-то в момент отдыха Бекежан представил Ермухана здоровенному мужчине, чеченцу: «Эй, Рустам, это мой приятель, он единственный пока доктор истории в нашем Казахстане!.. – И, чуть помедлив, еще добавил: – И для вас, кавказцев, он не чужой человек, он написал научную книгу о восстании Кенесары, который выступил, как и ваш имам Шамиль, против завоеваний русским царем родных земель, за что и осужден...» Пожилой чеченец был поражен: «Это правда? Вы на самом деле за это сидите?» – спросил он. «Да, я писал о них обоих, – ответил Ермухан собеседнику, – они – ваш Шамиль и наш Кенесары – своими геройскими действиями очень похожи, хотя один родился в сакле в кавказских горах, а другой – в казахской степи. Оба остались в памяти народов как борцы за свободу».

Вечером того же дня Рустам пришел с целой группой чеченцев и накрыл дастархан на нарах Ермухана. По его словам, у него и еще у двух его спутников прапрадеды были мюридами самого имама Шамиля и завещали всем своим потомкам свято чтить его имя... Расчувствовавшись, чеченцы пообещали: «Ереке, отныне мы будем опекать вас от всякой здешней мрази!..» «Апыр-ай, – невольно воскликнул Ермухан. – Я не думал – не гадал, воссоздавая в книге героические образы Кенесары и Шамиля и получив за это срок, что здесь, в Сибири, встречу внуков и правнуков храбрых мюридов великого имама! Поистине непостижимо! Вы наши братья по духу и религии! Я благодарен вам за ваше покровительство, как истинные мусульмане мы должны поддерживать друг друга, жить здесь, в лагере, в согласии и дружбе! Я уже понял, что вы нас с Беке не дадите в обиду. Но вместе с нами отбывает наказание наш ученый по имени Кажим, он

всех нас старше, значит, ага. Он пострадал за то, что прославлял подвиги наших народных батыров! Заодно уж заключите и его в ваши объятия. Пусть великодушный Аллах придаст вам еще больше сил и мужества!..»

Судьбе угодно было, чтобы в одном лагере встретились три выдающихся деятеля казахской культуры, трое ученых с опаленными крыльями. Здесь были и другие казахи, осужденные на разные сроки. Все они каждый вечер, после тяжелой работы, особенно по воскресеньям, когда объявлялся выходной, собирались вместе и в дружеских беседах отводили душу. Нередко в этом кругу Ермухан и Бек вспоминали интересные эпизоды из истории страны. Но чаще других вниманием завладевал Кажыгали (Кажым) Жумалиев, получивший известность как поэт. Кажым-ага знал наизусть множество песен и стихов, героических дастанов, в которых насчитывалось несколько тысяч строк. Своим характерным, хриплым голосом он мог без усталости читать их подряд несколько дней. Помимо шедевров казахского поэтического наследия он знал на память русскую и зарубежную классику: «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, «Евгения Онегина» Александра Пушкина и другие произведения. Когда он их читал, его окружали русские интеллигенты, бывшие профессора и доценты, иные плакали, тронутые чарующим искусством чтеца. Одним из любимых произведений Кажеке, бывшего профессора, члена корреспондента Академии наук, было «Поэтическое состязание-айтыс Биржана и Сары», по его словам, способное заморозить птицу на небе, когда он его читал, непрерывно раздавался возглас «Браво!». Потом слушатели с изумлением спрашивали: «Ой, Кажеке, когда же вы все это успели выучить, разве у профессора на это было время?» Кажеке громко смеялся: «Ну, дорогие, спасибо за похвалу. А этот айтыс я знаю слишком хорошо, потому что именно я писал либретто для оперы «Биржан и Сара» Мухана Тулебаева. Увлеченный мастерством акынов-импровизаторов, их песенным даром, много раз перечитывая текст айтыса, я незаметно выучил его наизусть. Так я запомнил и многие другие поэтические вещи. Слава Аллаху за то, что он наградил меня такой крепкой памятью», – говорил он... Нередко слушатели просили Кажеке почитать им стихи поэта-бунтаря Махамбета, которые поднимали их настроение. Стихи эти настолько наэлектризовывали Кажеке, что порой он в крайнем возбуждении вскакивал с места и начинал размахивать рукой, как саблей, будто сражался с невидимым противником. Иногда он предлагал разыграть целые театральные сцены: «Мужики, кто-нибудь возьмите на себя роль Баймаганбета-султана. А я буду Махамбетом и покажу ему кузькину мать». Если кто-нибудь, не знавший темперамента Кажеке, соглашался, то в ходе чтения монолога Махамбета ему порядочно доставалось по спине, а под конец – по мягкому месту...

Все это в какой-то мере взбадривало гонимых и обычно унылых бедняг, запертых в окруженной высоким бетонным забором зоне. Правда, иногда кто-нибудь тяжело вздыхал: «И кому не угодил Кажеке, какая сволочь этого чародея слова упекла в лагерь, о Аллах, настанет ли час расплаты с нашими мучителями?» Сам Кажым, несмотря на свою видимую неутомимость, заметно сдавал.

– Здоровье мое уже подорвано, – грустил он в минуты откровения. – Ступни ног обморожены и горят, как будто бы я хожу по горячей плите, колени ноют, руки дрожат. По всему видать, что до дома я не дотяну, – говорил Кажеке иной раз с глубокой тоской своим коллегам – Ермухану и Беку. – Особенно сильно подкосило меня коварство моей красотки, это было больше, чем измывательства тюремщиков. А я тоже дурак, не внял предупреждению предков насчет того, что самый коварный враг – это жена. Да, они были правы, только понял я это слишком поздно...

– Кажеке, перестаньте горевать, и вы, и мы еще вернемся на родину, – успокаивали его коллеги. – Без цели живущий – огню без пламени подобен. Не вечно вы будете изгнанником и страдальцем. Верьте в лучшее, и вам поможет аруах Исатая батыра, о котором вы даже написали драму, почаще повторяйте вслух стихи Махамбета, они не дадут вам окончательно пасть духом...

Кажеке в таких случаях ничего не отвечал, а потом целыми часами молча лежал на нарах.

3

«Милая Галочка! Пишу с небольшим перерывом, за что прошу извинить. Сколько можно ждать писем? Я начинаю терять самообладание, нервничаю и по-прежнему стал страдать бессонницей. Напиши, пожалуйста, здоровы ли дети и как себя чувствуешь. На днях получил ответ на свою жалобу на имя Маленкова. Мое дело затребовали для рассмотрения Верховным Судом СССР (датировано началом августа). На этот факт смотрю исключительно положительно. Могут реабилитировать, а в крайнем случае сделают серьезное облегчение. Решение Верховного Суда жду в ноябре-декабре. Я просил бы через Ирину поставить об этом в известность Анну Михайловну. Как уже писал, некоторые аналогичные дела пересмотрены и решены положительно. Лагерь вступил в полосу суровой зимы. Работаю на прежнем месте. Много дел и бесконечной суеты. Но при этом данная работа вполне устраивает. Зачеты идут своим чередом...

Целую, любящий тебя Ермухан. 28 октября 1953 года».

Бодайбо, 9 ноября 1953 года:

«...Иногда перебираю в памяти дни, проведенные под следствием, и смеюсь над моими доносчиками. Ведь меня обвиняли в том, что я попал под влияние Ауэзова и Муканова, потому, мол, стал отъявленным националистом. А их в своем недавнем выступлении генеральный секретарь Союза писателей СССР А. Фадеев совершенно справедливо назвал обоими настоящими патриотами Советской Родины. Думаю, что во всем этом должны разобраться в Москве, если ознакомятся с моими следственными материалами...

Галочка! Я горжусь тобой. Редкие люди могут так стойко переносить разлуку и огорчения. Но ты не только не потеряла разум в вихре жизни, а смело и уверенно смотришь в наше счастливое завтра. Обильно пролитые наши слезы даром не пропадут, и думаю, что скоро наступит конец этому...»

Из писем Халимы Адамбековны, написанных осенью 1953 года:

4 ноября 1953 года: *«...На днях говорила с детьми. Они здоровы, бегают, резвятся. Собрала им посылку: теплые зимние вещи, немного продуктов, игрушки. Ежемесячно высылаю им денег. Мама работает на прежнем месте, с квартирой нет проблем. Пока ни в чем не нуждаемся, а что будет дальше, не знаю. Было бы здоровье, а все остальное – преходяще.*

Ермухан, дорогой, меня мучает мысль, что я бессильна, невластна помочь вам, что я не «боевая жена». Правда и то, что я не напориста, не нахальна, а спокойна и чувствительна. Вот и в Москве была, а сделать что-либо не смогла. И трудно было, и советовали мне повременить. Письма остались безответными. А в тех, что были получены, написано: оснований для пересмотра нет. Теперь я возобновила заявления, снова жду ответов. Летом думаю съездить сама, понемногу откладываю гроши. Если карман позволит, то и к вам доберусь. Я никогда не оставляю вас, мой дорогой, не печальтесь. Не может быть, чтобы нас одолела судьба...»

Дорогой, будьте терпеливы, не теряйте надежды. Целую – любящая Халима».

4 ноября, телеграмма: «Вернулась с хлопка. Завтра вышлю посылку. Поздравляю Великим Октябрем! Целую, ваша Халима».

25 ноября 1953 года: «...Будем терпеливо ждать расследования и положительного решения. Но боюсь формализма, боюсь обмануться. На «Казправду» и «Вопросы истории» подпишусь на полгода, потом подписку продлим. Дорогой мой, берегите себя, мы мысленно с вами. Посылаю старый снимок, позже сделаю новый. Как с курением? Крепко обнимаю и целую – ваша Халима».

28 ноября 1953 года: «...Вспоминаю первый год нашей с вами жизни. Насколько она была неустроенна, но зато много было любви в наших отношениях... Постепенно мы заимели квартиру, стали приобретать необходимые вещи. С какой радостью я ходила «встречать» кровать, которую вы послали из Москвы! Постепенно собрали хорошую библиотеку. А как радовались вы, когда к вашему приезду я приготовила книжный шкаф. Да, все это было. А ведь мы тогда недооценивали все это, иногда обижали друг друга. Знать бы, что ждет, и глоса бы не повысили, правда? Если суждено вновь обрести счастье, будем жить душа в душу».

Сегодня суббота. Мы с Роней пишем письма. Она собирается переезжать к мужу в Москву... Теперь все это предстоит пережить Роне: у них еще нет ни квартиры, ни работы. Я переживаю за ее неустроенность, так как очень ее люблю. Муж ее симпатичный парень, архитектор. Мы с ее мамой проводим Рону в декабре и останемся вдвоем...»

5 декабря: «...Как у вас с маслом, сахаром и другими продуктами? Теперь придется аккуратно высылать только деньги, а посылки лишь с 1 мая по 1 сентября...»

Любимый мой, у меня только слезы и никакой власти. Как часто я беспомощна что-либо сделать. Вам надо, сохранив лицо честного человека, терпеливо ждать... Берегите силы, не увлекайтесь зачетами, не беритесь за непосильную работу. Покажитесь врачам. Для тяжелой физической работы надо себя закалять постепенно, тогда и она будет результативной. По почтовому штампу я догадалась, что вы работаете на приiske...»

Декабрь 1953 года, телеграмма:

«Любимый мой! Поздравляю вас с Новым годом. Пусть он принесет нам счастье. Только одного желаю – свободы! Целую и горячо обнимаю. Ваша Халима».

Из последних писем, посланных жене Ермуханом Бекмахановым из Бодайбо:

25 ноября 1953 года: «...Галочка! Живу хорошо, два раза получил по 100 рублей, о последней сотне ты ничего не писала, может быть, позабыла. Сибирскую зиму переношу нормально, хотя не часто бываю на морозе. Очень скучаю по вам и моим чертуханам (сыновьям. – М. С.) – душа разрывается от нетерпения, когда придет долгожданная свобода! Слово «свобода» для меня всегда было священным. Жду свежую весточку об Ермушке и Сермуханчике, их фото...»

5 декабря: «Пока из Москвы ответа не получил. Но почему-то в последнее время у меня доброе предчувствие, я этому всегда верю. Верхсуд положительно должен решить мой вопрос. Кроме того, к Новому году ожидается какой-то приятный сюрприз от нашего правительства. Думаю, что все это

тебе покажется какой-то фантазией. Я, как мыслящий человек, часто задумываюсь над своим положением и неизбежно прихожу к выводу, что должен быть в свободе. Галочка, не проходит дня, когда бы я не думал о вас, о милых Ермуше и Сермуше...

Недавно из Москвы по радио слушал выступление наших алматинских артистов. Среди них Байгалия, Ануарбека, Шабала и других. Я на миг мысленно перенесся в минувшие годы и вспомнил последнюю нашу встречу. Как бы тяжело ни было, я всегда припоминаю слова незабвенного оптимиста, нашего соседа Степана Григорьева – «всегда за плохим следует хорошее...» На воле я от души над этим смеялся, но он был великим оптимистом. Я стал его последователем. Единственное желание – увидеть вас и милых детей и честно работать на благо Отечества...»

В личном архиве Е. Б. Бекмаханова хранится копия жалобы на 16 страницах, отправленной из петропавловской тюрьмы 15 июля 1953 года секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву. 19 октября, он сообщил в письме жене, Ермухан направил вторую по счету жалобу на имя Никиты Сергеевича, теперь уже избранного первым секретарем.

Приводим небольшой отрывок из первой жалобы историка.

«...В ходе обсуждения статьи «Правды» я был исключен из рядов партии. Это было жестоким для меня наказанием, так как до этого за время десятилетнего пребывания в рядах партии я не имел никаких замечаний. Исключен был за буржуазно-националистическое освещение движения Кенесары Касымова. Затем был лишен звания доктора исторических наук и профессора, освобожден от работы в АН КазССР и Казахском университете. Несмотря на жестокость этих наказаний, я продолжал работать над новым исследованием. Единственным моим желанием было ответить на партийную критику делом. В течение 1951-1952 гг. я закончил новую научную монографию на тему: «Присоединение Казахстана к России в XIX веке», объем 30 печатных листов (более 800 машинописных страниц). В этой монографии по-новому, в свете трудов классиков марксизма-ленинизма и статьи «Правды» – «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана» разработаны основные проблемы присоединения Казахстана к России. На основе новых архивных документов показано прогрессивное значение этого исторического события. В монографии прослежены истоки дружбы между русским и казахским народами, давней культурно-экономической связи.

На суде прокурор Куралов доказывал необходимость наказания меня 25-летним сроком заключения за популяризацию реакционного движения Кенесары Касымова. Я с ним не спорил, а сказал: «Кому это надо и в чьих интересах создавать искусственного врага?» Тем более хорошо ему известно, что я ни в каких националистических организациях и группах не был, не вел враждебную антисоветскую работу, происхожу из батрацкой семьи, рано остался сиротой, воспитанник комсомола и партии. Следствие по моему делу велось тенденциозно. Следственные органы не интересовались фактами, сообщаемыми в данном письме. Неслучайно ни один из положительных доводов, говоривших в мою пользу, не зафиксирован в протоколах допроса. Ни одна стенограмма моих выступлений по поводу статьи «Правды» не приобщена к делу. А также отсутствуют в делах копии моих писем в ЦК КПСС и ЦК КП Казахстана и редакции газет и журналов. Следственные органы не вникали в историю вопроса, связанного с движением Кенесары Касымова. На следствии не стремились выяснить, почему на протяжении более 30 лет восхва-

лялось движение Кенесары и на каком основании до появления статьи «Правды» руководство ЦК КП(б)К и основные массы историков, литературоведов и писателей Казахстана стояли на позиции признания прогрессивности движения Кенесары Касымова? Если следственные органы всесторонне подошли бы к изучению данного вопроса, тогда они более-менее объективно подошли бы к определению доли моей вины. В данном случае следственные органы обвинили во всем Бекмаханова, если его не было бы на свете, то никаких разговоров о Кенесары не было бы. При этом они сознательно обходят тот бесспорный факт, что популяризация Кенесары началась с 20-х годов, когда Бекмаханов ходил на четвереньках под столом. На следствии и на суде члены экспертной комиссии не могли предъявить каких-либо существенных документов, кроме материалов статьи «Правды», по которым я будто сознательно фальсифицировал исторические документы.

На основании показаний моих свидетелей о том, что якобы в беседе с ними я отстаивал прогрессивность движения Кенесары, в заключении предварительного следствия МГБ Каз. ССР и в приговоре суда говорится, что я среди своих знакомых проводил националистическую идеологию. Хотя нет никакого основания верить показаниям моих личных врагов, тем не менее суд придал этому факту обобщающее значение...

Должен со всей ответственностью заявить, что люди, сколько-нибудь знающие меня по работе, а их немало, никогда и ни при каких обстоятельствах не поверят, что я враг народа. Даже руководство ЦК КП Казахстана, санкционировавшее мой арест, также знает, что я не враг. Можно пересмотреть весь следственный материал, и там не найдете факта, который давал бы основание считать меня врагом народа. Как бы ни преувеличивали мои ошибки, связанные с Кенесары, я за это ни при каких обстоятельствах не должен был получать пожизненное заключение.

Как бы мне тяжело ни было и какое безмерное страдание ни испытывал, я непоколебимо остаюсь честным советским человеком. Об этом заявляю с полным сознанием дела и внутренним убеждением».

* * *

На жалобу, написанную из Петропавловска в ЦК КПСС, и на второе заявление, отправленное из Бодайбо, историк никаких ответов не получил, хотя в письме совершенно отчетливо видна его невиновность. Явно слышен стон человека, страдающего от жестокой несправедливости правосудия. Однако ко всем его обращениям высшие руководители партии и Советского правительства относились с постоянным пренебрежением, попросту говоря, их вовсе не читали. Хотя по долгу службы обязаны были отвечать, так как они несли ответственность за судьбу всего советского народа. Но, увы! Они привыкли попирали правду и человеческое достоинство в темные годы культа И. В. Сталина, когда каждый, кто выступал против их указаний, оказывался заклеянным и проклятым, оболганным и обесчещенным, отправленным в дальние края или расстрелянным. Но вот кровожадный диктатор умер, похоже, что установленные им порядки остались, они не могли измениться в течение одного месяца, даже года – это ясно. Последователи И. В. Сталина, наученные беспрекословно исполнять каждый приказ, исходивший из Кремля, сидели на своих прежних местах и чувствовали себя пока вольготно и уверенно.

Конечно, политическим заключенным неведомы были тайны борьбы, происходившей в то время за стенами Кремля. Внутри него после смерти И. В. Сталина разгорелось неприкрытое соперничество за высший пост в партии и государстве. Полновластным хозяином страны вроде бы вначале стал Г. М. Маленков, заменивший И. В. Сталина на посту председателя Со-

вета Министров СССР. Тот, кто не поленится полистать газетные подшивки тех времен, может убедиться в том, что с лета 1953 года Георгий Максимилианович очень часто выступал перед большими аудиториями, он же открывал всесоюзные совещания, руководил ими или заканчивал их заключительной речью (его фотографии обычно располагались на первых страницах газет). Именно поэтому Ермухан Бекмаханов, просматривая периодические издания, убежденный в том, что Г. М. Маленков может одним росчерком пера решить его судьбу, направил ему свою очередную жалобу. Расчет историка оправдался: его уголовное дело по требованию канцелярии Председателя Совмина СССР было затребовано в Верховный суд СССР; значит, кто-то из службистов Георгия Максимилиановича внимательно отнесся к заявлению арестанта из далекого Бодайбо, думается, чтобы поддержать имидж главы Советского правительства. Но рассмотрение Верховным судом СССР его жалобы пока задерживалось...

К осени в политической ситуации страны произошла еще одна перемена: до этого работавший первым секретарем Московского горкома партии, по своему положению одновременно исполнявший обязанности рядового секретаря ЦК, Н. С. Хрущев на сентябрьском пленуме (1953 г.) партии был избран первым секретарем ЦК КПСС. Казахский историк, не мешкая, тут же сочинил вторую жалобу новоиспеченному секретарю ЦК. Мало того, наказал жене, чтобы она дала знать об этом А. М. Панкратовой, у которой был прямой доступ к Н. С. Хрущеву. Ясно, он безгранично верил, что его жалоба все-таки достигнет первого лица партии. Однако заявление бесправного, притом осужденного судом политического преступника не дошло до адресата...

Как мы знаем, все жалобы и заявления, поступавшие из всех регионов огромной Советской страны, аккуратно регистрировались в отделе писем трудящихся ЦК КПСС. И первыми с ними знакомились работники этого отдела. Думается, тот сотрудник, к которому попала жалоба бывшего казахстанского историка, бегло прочитав ее, мог поднять трубку телефона и связаться с инспектором Шикиным, фамилия которого упомянута в жалобе, чтобы проконсультироваться, как быть. И тов. Шикин наверняка мог сказать сквозь зубы: «О, этот бедолага опять запел свою старую песню, какой же он неугомонный человек. Я его знаю, это настоящий националист! И правильно сделали, что его сослали в Сибирь. Видно, ему все еще нейдет. Пусть еще посидит, может быть, через десяток лет поумнеет...» В то время аппаратчики не могли не опасаться за себя. Все менялось, и неизвестно было, что с ними будет завтра. Вдруг этот слишком грамотный Бекмаханов выйдет на свободу и пожалуется на черствость и халатность Шикина и Митрейкина. А нынешние государственные деятели за это по головке их не погладят. Могут лишить в один миг не только высокооплачиваемой должности и заодно всех привилегий, но и отобрать партийные билеты... Самый беспроигрышный ход в этой ситуации – направить жалобу в органы правосудия для дополнительной проверки. А там знают, как доказать недоказуемое... А если спросить: а как быть с совестью и коммунистической моралью? Ведь Устав партии, утвержденный XIX съездом КПСС, обязывал каждого коммуниста быть правдивым и честным перед партией. Если бы шикины были истинными коммунистами, они бы не раздували надуманные политические кампании в Казахстане, которые разбились сердца тысяч людей, похоронив веру в гуманность новоявленных марксистов. Об извращении коммунистической морали и его последствиях американский историк У. Таубман в биографической книге «Хрущев» (М., Молодая гвардия, серия ЖЗЛ, 2005) на странице 233 писал: «К 1950 году коммунистическая идеология выродилась в великоросский шовинизм, а на элиту интеллигенции страны обрушилась новая волна репрессий...»

* * *

Наконец-то, почувствовав веяние времени, А. М. Панкратова взялась выручать своего ученика, который от нее ждал конкретной помощи и уже напоминал ей несколько раз о себе из глубины Сибири. По нашему предположению, вплотную к делу она приступила в начале нового, 1954 года. Кстати, об этом однозначно написано в книге воспоминаний о Е. Б. Бекмаханове. Например, его закадычный московский друг А. П. Кучкин писал: «Надо спасать!.. Так мы решили. Я просил Анну Михайловну, как члена ЦК КПСС постараться увидеть первого секретаря Н. С. Хрущева и поговорить с ним о Ермухане. Если нужно, мы готовы взять его на поруки. Мы ручаемся за его честность. Мы уверены, что он жертва клеветников...»

Н. С. Хрущев в то время часто встречался с учеными, деятелями искусства и литературы, возможно, старался привлечь их на свою сторону для популяризации и пропаганды в широких массах своей кипучей партийной и государственной деятельности. Наверное, потому Никита Сергеевич не мог отказать в приеме А. М. Панкратовой, которая, как он знал, была ведущим историком СССР. Анна Михайловна, привыкшая доводить начатое дело всегда до конца, пришла не с пустыми руками. И, протянув ему коллективное письмо, подписанное известными историками Института истории, членораздельно сказала:

– Никита Сергеевич, вы – первый партийный деятель, который твердо придерживается ленинских принципов руководства, проводя огромную организаторскую, преобразовательную, практическую работу в тесной связи с массами, в интересах народа. Как историк я горячо поддерживаю ваши начинания, потому что моя жизненная позиция полностью совпадает с вашей. Вы проявили себя как беспощадный борец с искривлениями линии партии, поэтому мы, группа российских историков, просим вас оказать содействие нам, только вы можете исправить вопиющую несправедливость, допущенную в Казахстане два года тому назад!.. Одаренный казахский историк Бекмаханов, 37-летний доктор наук, в результате провокации, организованной завистливыми его коллегами, осужден на 25 лет и сослан в Сибирь. Мы, подписавшие это письмо, нас 12 человек, все русские историки-коммунисты, ручаемся за честность Бекмаханова и надеемся, что в будущем он внесет достойный вклад в науку!..

Н. С. Хрущев был эмоциональным, легко возбудимым, импульсивным человеком. Выслушав впечатляющий рассказ А. М. Панкратовой и бегло просмотрев письмо историков, он со свойственной ему порывистостью поднял трубку прямой связи с генеральным прокурором СССР Р. Руденко (до этого бывшим генеральным прокурором на Украине, его приятелем, недавно переведенным в Москву):

– Роман, сейчас у меня на приеме известный тебе историк, академик Панкратова, твои и мои дети учились по ее учебнику «Истории СССР». По рассказу Анны Михайловны получается, что ее питомец, казахстанский историк, безвинно осужден. На письме московских историков по этому делу я наложил визу: «Проверить, результаты сообщить!» Ты возьми это письмо под свой контроль! Ясно? Вообще, нам надо пересмотреть заново все дела политических заключенных. Этот вопрос, Роман, постоянно держи в поле зрения, если ты подашь конкретные предложения, то я их всецело поддержу в президиуме!.. – сказал Хрущев.

Услышав последние слова первого секретаря ЦК, Анна Михайловна от души одобрила это намерение:

– Никита Сергеевич, это замечательная мысль, если вы освободите миллионы безвинно наказанных, то заслужите великую благодарность не толь-

ко от них, но и от их семей тоже, годами проливающих горькие слезы. Это будет эпохальное, историческое событие, можно сказать, вторая революция! Как историк и член ЦК, я приветствую эту гуманную акцию и готова работать в составе любой общественной комиссии по пересмотру судебных дел этих горемык. Я очень прошу вас, Никита Сергеевич, начать пересмотр дел как можно скорее. Слова, которые вы сейчас сказали товарищу Руденко, меня сильно взволновали, спасибо вам!.. – Она от чистого сердца поблагодарила так растрогавшего ее Н. С. Хрущева*.

Короче говоря, после звонка из Кремля в генеральной прокуратуре СССР зашевелились закоренелые чиновники. Вначале думалось нам, что наконец-то блюстители закона обратили свое внимание на жалобу казахского историка. Но, как убедились позднее, на самом деле ей дали ход после визита А. М. Панкратовой к Н. С. Хрущеву. Что странно, дело решили без всякого заявления осужденного...

* * *

На вторую неделю 1954 года Ермухану снова приснился тот же Агыбай-батыр из шубыртпалинского рода, которого он видел во сне два года тому назад, когда собирался ехать в Чу, тогда отважный полководец хана Кене предостерегал его о грозящей опасности, между прочим, его предсказание о происках коварных врагов полностью подтвердилось. И вот тот же легендарный полководец Кенесары – Агыбай-батыр снова навестил его: «Эй, дитя мое, подними голову, узнав, что ты находишься вдали от родины, чтобы поддержать тебя на чужбине, я привез тебе сердце барса, обитающего на вершинах Алатау», – произнес Агыбай. Ермухан знал, что русский царь через годы после смерти Кенесары даровал ему прощение. Но гордый воин не принял царской милости и по-прежнему жил со всеми домочадцами и с небольшим скотом на острове Тасарал Балхашского озера. Там, в окруженном камышами, малодоступном убежище он и оставался до конца своих дней. Старый боец предстал перед Ермуханом таким же, каким его он видел в тот раз. Как он проник в зону, миновав бдительную охрану лагеря, было непонятно. Увидев на ладони батыра сердце хана снегов, величиной с гусиное яйцо, Ермухан взволнованно покачал головой и сказал: «Оу, батыр-ага, разве казахи едят мясо барса, он же святой зверь для нас?» «Сынок мой, – возразил Агыбай-батыр, – ты мерзнешь на холодной земле, а сердце властелина гор придаст тебе силу. Закрой глаза, скажи «бисмилла» и съешь! Ничего с тобой не случится, а все твои болезни как рукой снимет...» «Ладно, Агыбай-ага, пусть будет по-вашему!..» – согласился Ермухан, беря в руки подарок воина. И сразу же его проглотил...

Проснулся он рано. За окном было еще полутемно. Но уже чувствовалось, что утро близко. В пять часов – подъем. На верхней полке заворочался с боку на бок Бек Сулейменов.

– Беке, вы уже не спите? Если проснулись, спуститесь вниз, я видел необыкновенный сон... – проговорил возбужденный Ермухан.

– Спуститься к тебе? Вроде ты только что с кем-то говорил, даже отчетливо произнес: «Бисмилла». И меня разбудил... – упрекнул старший колле-

* По инициативе Н. С. Хрущева в апреле 1954 года была создана комиссия, в ее состав вошли исключительно молодые юристы из Верховного суда СССР и военной прокуратуры, ничем не запятнавшие себя в годы культа. Комиссия сразу же приступила к повторному рассмотрению дел осужденных во времена И. Сталина по политическим мотивам. В результате были освобождены сотни тысяч беделог, а умершие (в предыдущей главе мы упоминали, что их было несколько миллионов) посмертно оправданы. В числе первых вышли на свободу летом 1954 года казахские интеллигенты Б. Сулейменов и К. Жумалиев, полностью реабилитированные, возвратились в Алма-Ату. Вернулись в родные места и другие казахские интеллигенты.

га и все же спустился с верхней полки, сел рядом. – Ну, что случилось, ты встревожен чем-то, что тебе привиделось?..

– Необыкновенно интересный сон!.. Безбородый сверстник Кенесары, его главный батыр Агыбай навестил меня во сне, привез сердце барса с Алатауских гор и заставил его съесть... Что бы это значило, Беке?

– И ты один съел целое сердце? А мог бы поделиться с братьями, которые рядом с тобой мучаются в неволе, – с иронией проговорил Бек Сулейменов, но тут же стал серьезным и начал шептать молитву. – Сон добрый, пусть великодушный Аллах поддержит твои помыслы!.. – Затем еле слышно заключил: – Кроме меня никому о нем не рассказывай, иначе твой сон никогда не сбудется... У покойного Агыбая-батыра, говорят, был «заговоренный щит», потому он, несколько раз попадая в смертельные переделки, неизменно выходил из них живым и невредимым. Хан Кене прозвал его «Акжолтай Агыбаем», то есть «всегда везучим», я считаю его настоящим батыром с сердцем барса, он никогда ни при каких обстоятельствах не падал духом, сражался до преклонных лет за нашу независимость. Он и есть настоящий святой и легендарный Кыдыр-ата*! Наверное, думаю, неспроста он тебе приснился и даже кормил тебя со своей ладони. Значит, он тебе предсказывает светлый путь, возможно, скоро ты получишь освобождение, дорогой мой!..

– Чувствую, что-то доброе должно произойти, почему-то радостно стало на душе. Вы, Беке, тоже не теряйте надежды, «преступление» ваше не тяжелее моего. Если оправдают меня, «главного виновника», то не оставят и вас без внимания... Время работает на нас, и газетные сообщения день ото дня все утешительнее... – настроился Ермухан на веселый лад.

– Ты признал свои «ошибки» и все равно пострадал. А я не признал себя виновным и тоже сел. Нам обоим дали одинаково по четвертаку... Что в лоб, что по лбу!..

– Беке, прекратите брюзжать! Мы здесь не одни..

– Молчи – не молчи, все равно нам один конец – могила Коркута**. Иногда я лежу, долго не могу заснуть и прихожу к одному и тому же выводу: нынешние мои мучения и все несчастья свои я терплю из-за того, что по-идиотски оскорбил непокорный дух Кенесары... Вообразил себя крутым большевиком, болтал что попало, а какая польза от всего этого? Вот и сижу теперь на баланде и трясусь на шестидесятиградусном морозе в Сибири... Ладно, уже рассвело, пора подниматься...

В тот же день, на закате солнца к Ермухану подошел дежурный по лазарету: «Бекмаханов, иди в барак, собирай свои вещи, тебя увозят от нас куда-то». Ермухан от этого неожиданного сообщения малость растерялся: «Уже вечерет, куда же меня отправляют? Что худого я здесь сделал?» Никто не мог ему ответить. Едва переставляя ноги, поплелся в барак, молча стал собирать свои пожитки в вещмешок. В это время его тронул за плечо Бек Сулейменов: «Эй, браток, не волнуйся. Что я тебе утром предсказывал?..» Ему хотелось верить, но обманываться было бы худо...

Через некоторое время пришел дежурный, на этот раз от самого начальника лагеря и торопливо повел его в контору. Посыльный до того спешил, что не дал Ермухану попрощаться с бедолагами, с которыми бок о бок находился несколько месяцев в одном бараке, в том числе и особо уважае-

* Святой покровитель.

** Легендарная личность всех тюркоязычных народов, который искал лучшую землю для своего погребения.

мым Кажым-ага. Заходя в контору, он сердито спросил у пожилого майора: «Гражданин начальник, скажите, куда вы меня опять хотите загнать?» Неразговорчивый чиновник только махнул рукой и распорядился о выдаче ему проездных и зарплаты. В сопровождении двух солдат-конвоиров и одного сержанта его повезли на железнодорожную станцию. Там устроились с охраной не в вагон-заке, а в настоящем купе, рассчитанном на четверых пассажиров, обычного пассажирского поезда «Сибиряк». У Ермухана постепенно отлегло от сердца, тем более что, посматривая в окно поезда, он заметил, что направляется не вглубь Сибири, а в обратную сторону. Ободренный этим, он даже стал про себя напевать родные песни...

«Дорогая Галочка!

Благополучно добрался до Новосибирска. Днями жду отправки. Через неделю буду в Бутырской тюрьме МВД Москвы. Точно не знаю, но можно догадаться, что вызывают по моей жалобе. Нет ничего страшного. Если начнется переследствие, то оно непременно кончится в мою пользу. Мечтаю только о свободе. По прибытии постараюсь дать о себе знать. Здоров. Чувствую себя хорошо. Очень скучаю. Если представится какая-либо возможность, напиши о себе и детях.

Крепко обнимаю и целую, твой Ермухан. 25 января 1954 года».

После недолгого пребывания в тюрьме Новосибирска, когда нервы были уже на пределе от неизвестного и утомительного долгого ожидания, Ермухана в сопровождении двух новых конвоиров привезли в небольшой аэропорт, находившийся за городом, тут же посадили в самолет, и он поднялся в небо. Через час-другой аэроплан приземлился на полевом аэродроме, очевидно, для заправки. Конвоиры привели его в буфет, посадив в дальний угол, а сами сели за стол, находившийся у входа. Заказали себе еду, Ермухан тоже. Официантка, добрая дородная женщина в годах, чем-то располагала к себе, поняв, что к чему, она положила подконвойному в тарелку двойную порцию еды. Ермухан, воодушевившись ее вниманием, молча, знаком попросил водки. Официантка быстро принесла, смешав ее с большим стаканом чая. Огненный напиток приятно, быстро побежал по жилам. Настроение поднялось, при расчете с догадливой официанткой Ермухан положил под тарелку вместе с деньгами небольшую записку, подготовленную на всякий случай заранее...

Добрая русская женщина с уважением отнеслась к подневольному человеку, а в той записке был текст телеграммы с указанием адреса – Ташкент-27, Бекмухамедовой Халиме и имелись следующие слова: «Из Новосибирска отправился самолетом. Бек почему-то остался на прежнем месте. В город, о котором сообщал в письме, доберусь сегодня. Жди добрых вестей. Ер...»

Халима Адамбековна эту телеграмму получила в первой неделе февраля, потеряла покой и терпение, томительно ожидая сообщения из Москвы. Терзания ее продолжались несколько дней. «Из мучительного полуторогового ожидания самыми тяжелыми были последние две недели. В какой день придет сообщение об освобождении или поступит другая, черная весть?.. На почту ходила два раза в день. Сна не было, покоя тоже...» – рассказывала она мне об этих тревожных днях ожидания.

Ермухан Бекмаханов сидел в Бутырьках более десяти дней. Он не знал и не ведал, для чего его привезли в Москву, по чьей команде? Мысли разбегались в разные стороны: то ли он здесь в связи с его жалобой, то ли привезен как свидетель?.. Никто ему ничего не говорил, не вызывали на допросы. Кормили в Бутырьках неплохо. В камерах было не так тесно. Если

бы Ермухан ко всему относился хладнокровно, то спал бы беспробудно. Но что поделаешь, он был не того склада человеком. Беспокойство его не прошло с переездом в Москву. Он не мог отрешиться от навязчивых мыслей, точивших, как червь. Только одно обнадеживало – ведь доставили его сюда с «почетом», часть пути даже летел на самолете...

Бутырскую тюрьму я видел в июле 2003 года. Оказалось, она находится рядом с издательством «Молодая гвардия», в котором я часто бывал, недалеко от центра старой Москвы.

Первые казематы этой тюрьмы были заложены в XVII веке для временно содержания преступников. Славный предводитель крестьянского восстания Емельян Пугачев сидел именно здесь. Участники польского восстания 1863 года тоже долго содержались в этой тюрьме, пока их не отправили в Сибирь. Толщина стен Бутырки целый метр, так что внутрь не проникает шум города. В каменных камерах месяцами томились видные большевики, такие как Н. Э. Бауман, Е. Д. Стасова. Побывали здесь в 1910-1917 годах и основатель карательной советской системы Ф. Э. Дзержинский и воинствующий атеист, впоследствии председатель союза безбожников СССР, большевистский комиссар Ем. Ярославский. В 1930-е годы в Бутырках сидели видные представители казахской интеллигенции: вождь движения Алаш-Орды Алихан Букейханов, зампредсовнаркома РСФСР Турар Рыскулов и другие, отсюда они были увезены на смертную казнь. Вот теперь, по воле судьбы в феврале 1954 года сюда же попал казахский историк Ермухан Бекмаханов...

Начальник тюрьмы не хотел меня пускать на внутреннюю территорию, требуя специального разрешения из Министерства внутренних дел. Однако, когда я вытащил из портфеля свою книгу и подарил ему с дарственной надписью, тогда смилостивился. Только предупредил: «Покажу несколько камер на втором этаже, а разговаривать там запрещаю». Дал двух офицеров в сопровождающие, мы прошли по ярко освещенному коридору, через окошки, оставленные в железных дверях, я осмотрел несколько камер, кстати, пустовавших, и вернулся обратно. Когда спустились вниз, на первом этаже увидел женщин и детей с сумками в руках. Значит, Бутырки и в XXI веке выполняли свои прежние функции...

Варлам Шаламов, проведенный в советских тюрьмах и лагерях четверть века (в Бутырку он попал во время кампании 1937 года), вспоминал: «В мои мучительные годы нахождение в Бутырке отношу к самому «блаженному» периоду, в ее камере мы свободно разговаривали, компаньоны меня избрали старостой, сидя там, я поднимал дух слабых товарищей, это я до сегодняшнего дня вспоминаю с удовольствием...»

Освобождение

16 февраля, после обеда, через окошечко железной двери дежурный надзиратель громко прокричал: «Заклоченный Бекмаханов, с вещами на выход!» Утомленный долгим ожиданием историк, наскоро собрав свои вещи, последовал за дежурным. Пройдя через железные двери и коридоры, пришел в комнату конторы на первом этаже, сел на стул, указанный незнакомым капитаном. «Если бы отправляли в суд, то вызвали бы утром, так как сказали выйти с вещами, значит, куда-нибудь хотят отправить», – мелькнула у него мысль. Перед измученным разными думами заключенным молоденький русский парень положил небольшой листок бумаги и сказал: «Вот здесь распишитесь!..»

СПРАВКА

Министерство Внутренних дел СССР, 16 февраля 1954 года, № 141, г. Москва.
Выдана гражданину Бекмаханову Ермухану, 1915 года рождения, уроженцу Баян-Аульского района Павлодарской области, в том, что определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 21 октября 1953 года приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР от 4 декабря 1952 года об осуждении его на 25 лет лишения свободы отменен и постановлением МВД СССР от 16 февраля 1954 года в соответствии со ст. 4 п. 5 УПК РСФСР следственное дело в отношении Бекмаханова Е. – прекращено...

Прочитав два раза эту справку, заключенный с удивлением посмотрел на молодого капитана, как бы задавая вопрос: «Что за шутки?»

– Копия с печатью остается у вас, а на втором экземпляре напишите: «Справку об оправдании получил» и распишитесь. Вы освобождены!.. – сказал капитан.

– Верить или не верить? Верховный суд рассмотрел мое дело 21 октября и полностью меня оправдал. После этого прошло три с половиной месяца. Вы об этом ставите в известность только сегодня, ничего не понимаю...

– Гражданин Бекмаханов, скажите спасибо, что хотя бы через три месяца утвердили приговор о вашем оправдании. А бывает похуже... Наше руководство, учитывая ваше серьезное заболевание, предоставляет вам возможность полечиться в спецсанатории нашего ведомства. Расходы на лечение и дорогу МВД берет на себя...

– Товарищ капитан, я очень соскучился по семье. Если правда, что я свободен, то я хотел бы сразу ехать к своим близким!..

Молоденький капитан, покачав головой, посмотрел с улыбкой на Ермухана, все еще не верившего, что он освобожден, и сказал четко:

– Все ясно, вы свободны. У входа вас ждет автомашина Института истории...

Ермухан уже понял, что сегодняшнее событие – это не Божья благодать, а результат действия земных людей – московских друзей, помощи которых он ждал долгих восемнадцать месяцев, с сентября 1952 года. Полученную справку он торопливо положил во внутренний карман куртки, вскинул на плечо вещмешок и вышел со двора тюрьмы.

Встречали его прежние друзья из Института истории – А. П. Кучкин и И. У. Будовниц. Историки обнялись молча, не скрывая намернувшихся на глаза скупых мужских слез. Через некоторое время Исаак Уриэлевич, которому уже перевалило за шестьдесят лет, по праву старшего поздравил Ермухана со счастливым возвращением на свободу и протянул букет цветов.

– Мы оба, – обратился затем к нему Андрей Павлович Кучкин, – хотим пригласить тебя к себе домой, угостить и отпраздновать твое освобождение. Однако Анна Михайловна, на «Победу» которой мы приехали, сама забирает тебя к себе – ведь твое возвращение из Сибири целиком ее личная заслуга!.. Итак, мы тебя сейчас привезем на старую квартиру Анны Михайловны. Как дальше поступить, распорядится она сама...

Служебная машина Анны Михайловны резво покатила по узким улицам старой Москвы. Ереке начал приходить в себя, попросил водителя заехать в любое почтовое отделение. Оттуда он отправил телеграмму в Ташкент: «Полностью реабилитирован. Выезжай Москву. Адрес: Будовниц. Крепко целую, обнимаю. Ермухан...»

(С той поры свой день рождения Ермухан Бекмаханов стал отмечать 16 февраля: «Как раз в этот день я добился справедливости, родился на

белый свет во второй раз. Эту радость подарила мне Анна Михайловна – она моя вторая мать!..» – так писал он в своих автобиографиях.)

Халима Бекмухамедова, «Двадцать лет вместе»:

«В тюремном одеянии Ермухан явился в дом на Зубовском проспекте, где в бывшей квартире Анны Михайловны жила ее домработница Александра Ивановна с ее дочерью Тамарой. Они радушно его приняли. Ермухан сразу позвонил Анне Михайловне, она, поздравив с освобождением, пригласила его к себе.

Анна Михайловна дала ему пачку денег на приобретение необходимых вещей, прибавив при этом: «Ты должен возвратиться в Алма-Ату прекрасно одетым во все новое и выглядеть, как английский денди, пусть твои недоброжелатели от зависти упадут на месте». Ермухан купил все новое, оделся с ног до головы. Но Анна Михайловна, внимательно осмотрев его, заметила, что на нем нет шарфа. Ермухан признался, что на шарф не хватило денег, тогда она еще добавила несколько крупных купюр, чтобы он купил себе шарф и еще жене и детям подарки...»

Ермухан никогда не забывал материнскую ласку Анны Михайловны, до конца жизни был благодарен ей за все, что она сделала для него. Потом он так тяжело переживал ее внезапную смерть. «Я впервые почувствовал, как сжимается мое сердце, вногда хоронил Анну Михайловну», – говорил он мне. Всегда посещал ее могилу на Новодевичьем кладбище, когда бывал в Москве. Когда не стало Ермухана, и я не забывала сходить и поклониться Анне Михайловне, которая, как мать, заботилась об Ермухане, помогла ему стать ученым.»

На следующий день все подписавшие письмо в ЦК КПСС историки собрались в ресторане «Арагви», чтобы поднять бокалы за здоровье Ермухана Бекмаханова.

После окончания этого празднества Ереке поездом отправился в Ташкент.

Халима Бекмухамедова, «Двадцать лет вместе»:

«Радостную весть я поспешила сообщить моим родственникам – Кулмановым, подруге Роне. Пришла телеграмма о выезде из Москвы, но в спешке Ермухан забыл указать номер поезда. В то время между Ташкентом и Москвой в день ходили два поезда, поэтому нам пришлось встречать дважды. Ермухан вышел из вагона в новом пальто черного цвета, в меховой шапке, в кожаных сапогах. Только наголо стриженная голова выдавала бывшего заключенного...»

Мне хотелось, чтобы он отвлекся, поэтому на второй день после приезда я повела его в театр имени Навои на балет «Лебединое озеро», где танцевала хорошо знакомая нам балерина Галия Измаилова, народная артистка СССР. Нас пригласил в гости Сарвар Азимов, известный писатель, впоследствии он стал министром иностранных дел, затем и председателем Совета Министров Узбекистана. Его женой была моя подруга Ляйля Наджип, башкирка, родители которой жили в Семипалатинске и дружили с моей мамой.*

Погостив несколько дней у тети Галии и дяди Кадыра, которые окру-

* Когда мы были в доме Сарвара Азимова, он сказал: «Ереке, люди, посадившие вас на четверть века, будут удивляться, что вы вернулись через полтора года. Скажут, за это время он не исправился, на вас снова спустят всех собак. Если есть желание остаться в Ташкенте, скажите, я вам подыщу подходящую научную работу, найдем и квартиру...» На это Ермухан ответил: «Если так сделаете, Сапеке, чтобы не оставаться должником, мне придется заняться историей узбеков. А у меня еще непочатый край работы по казахской истории. Ведь ее я исследую с молодых лет. Вообще будет справедливо, если каждый историк будет писать историю своего народа!..» – и он искренне поблагодарил человека оказавшего ему особое уважение.

жили Ермухана вниманием и заботой, чтобы он забыл тот страшный мир, где он пребывал полтора года, он собрался домой в Алма-Ату. По дороге он сделал остановку в Чимкенте, в котором в ссылке был Халел Адильгереев. В Чимкенте его коллеги устроили Ермухану теплый прием, обрадованные его освобождением. Я же осталась в Ташкенте, никак нельзя было бросать работу, не завершив учебного года...»

* * *

Если взять промежуток между 5 сентября 1952 года и 16 февраля 1954 года, то Ермухан Бекмаханов был в заключении 528 суток, то есть из 25 лет, назначенных судебной коллегией Верховного суда Казахской ССР, он находился в тюрьмах и лагере один год и пять с половиной месяцев. Историка, который четверть века своей жизни должен был провести за решеткой, спасли, если сказать истинную правду, разительные перемены, произошедшие в стране.

В предыдущей главе мы познакомили читателей с приговором Верховного суда Казахской ССР, по которому Ермухан Бекмаханов был лишен свободы на четверть века. Там же приведены протоколы судебных заседаний, свидетельские показания со стороны всех его обвинителей. В основу сурового приговора, как уже известно, были положены надуманные обвинения свидетелей и «факты», подсказанные им следователями. Думаю, что внимательные читатели запомнили их.

Ниже приводится без изменений постановление Верховного суда СССР, в котором сводятся на нет все прежние «преступления» Е. Бекмаханова, и оговоренный нечестными коллегами безвинный историк полностью реабилитируется.

Как произошла такая метаморфоза – вопрос на засыпку. Видимо, не зря Фемида – богиня правосудия – изображается с завязанными глазами...

«Утверждаю

Замминистра внутренних дел Союза СССР, генерал-полковник И. Серов,
16 февраля 1954 года, г. Москва.

ПО С Т А Н О В Л Е Н И Е

(о прекращении уголовного дела и освобождении из-под стражи)

Я, ст. следователь следчасти по особо важным делам МВД СССР капитан Якунин, рассмотрев материалы следственного дела № 291 по обвинению Бекмаханова Ермухана, 1915 года рождения, уроженца Баян-Аульского района Павлодарской области, казаха, гр-на СССР, чл. КПСС с 1939 по 1951 г., с высшим образованием, быв. профессора Казахского госуниверситета, доктора исторических наук, в преступлении, предусмотренном ст. 58-10, ч. 11 УК РСФСР, н а ш е л :

Бекмаханов Ермухан арестован МГБ Казахской ССР 5.IX.52 г. за националистическую деятельность. В процессе следствия было установлено, что Бекмаханов, являясь научным работником в области истории, на протяжении 1942-1950 гг. в своих печатных работах, публичных выступлениях, в беседах со знакомыми, фальсифицируя в некоторых случаях исторические факты и используя произведения реакционных поэтов, а также врагов народа – алашордынцев, с буржуазно-националистических позиций освещал вопросы истории Казахстана, связанные с движением Кенесары Касымова, что объективно было направлено на подрыв дружбы между народами СССР, и прежде всего между русским и казахским народом, отравляло известную часть казахской молодежи и интеллигенции ядом буржуазного национализма.

На основании изложенного Бекмаханов 4 декабря 1952 г. судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Казахской ССР был приговорен по ст. 58-10, ч. 11 к лишению свободы сроком на 25 лет с поражением в правах на 5 лет.

Однако в связи с тем, что по делу не получил надлежащего разрешения вопрос субъективной стороны действий Бекмаханова, не было исследовано в достаточной степени, являлись ли выше сказанные действия Бекмаханова результатом сознательного извращения истории с контрреволюционной целью или же результатом ошибки в оценке движения Кенесары Касымова, а также не выяснены взаимоотношения Бекмаханова со свидетелями, которые давали показания о его антисоветских высказываниях, судебная коллегия Верховного суда своим определением от 21 октября 1953 г. отменила приговор по делу Бекмаханова и направила его на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

В процессе дополнительного расследования подтвердилось то, что Бекмаханов в своей научной деятельности действительно допускал буржуазно-националистические извращения в оценке ряда вопросов истории Казахстана, связанных с движением Кенесары Касымова, однако контрреволюционного умысла в его действиях не установлено.

По своему социальному происхождению Бекмаханов является выходцем из крестьян-бедняков, его отец и мать всю трудовую жизнь батрачили у крупного богача Зынды Чорманова.

Националистическая концепция Бекмаханова в оценке вопросов истории Казахстана, связанных с движением Кенесары Касымова, являлась отражением официально господствовавшей в исторической науке того периода точки зрения на это движение как на прогрессивное, национально-освободительное, массовое, о чем свидетельствует факт присвоения Бекмаханову ученых степеней кандидата (1943 г.) и доктора исторических наук (1946 г.) за диссертации, в которых он разрабатывал вопросы истории Казахстана, связанные с движением Кенесары Касымова.

В освещении других вопросов истории Казахстана Бекмаханов националистических извращений не допускал, а после критики ошибочной буржуазно-националистической концепции в оценке движения Кенесары Касымова в течение 1951-1952 гг. подготовил монографию «Присоединение Казахстана к России в XIX веке», свободную от националистических ошибок.

Таким образом, в результате дополнительного расследования устанавливается отсутствие в действиях Бекмаханова состава преступления.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 4, п. 5 УК РСФСР, постановил:

1. Уголовное дело в отношении Бекмаханова Ермухана по ст. 58-10, ч. 11 производством прекратить.

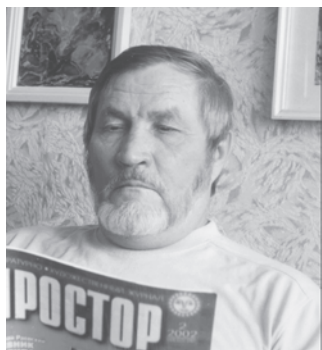
2. Избранную меру пресечения в отношении Бекмаханова Ермухана – содержание под стражей отменить, Бекмаханова Ермухана из-под стражи освободить.

Ст. следователь следчасти по особо важным делам МВД СССР капитан Якунин. Согласны: замнач. следчасти по особо важным делам МВД СССР полковник Козлов.

И. о. начальника следчасти по особо важным делам МВД СССР полковник Козырев».

(Окончание следует)

Климент Первушин

«...КОЛОКОЛ В НЕБЕ ЗВЕНИТ...»

Весь вечер стаями летела
 В наш старый двор на тополя
 И стоголосая галдела
 Воронья чёрная семья.
 Будил в ночи скрипучий говор,
 Тревогой полнилась душа,
 Но спал вокруг бергальский город,
 Июльской теменью дыша.
 Свои у каждого масштабы,
 И ничего не поменять.
 Был предназначен птичий шабаш,
 Наверно, только для меня.
 Что этот грай? Предупрежденье?
 Но, Боже правый, пощади!
 Считаю с самого рожденья,
 Одни потери позади.
 А на погостах обелиски
 Переселившейся родни.
 Молю тебя за самых близких,
 Храни их, Господи, храни!

«Он водку пил, поэтому и помер!» –
 Вот тезис, что в веках несокрушим.
 А жизнь – она для всех смертельный номер,
 Полёт к освобождению души.

Безумные, зачем жестоко судим,
 И походя, выносим приговор?
 Забыв о том, что мы всего лишь люди,
 У каждого свой грех и свой позор.

Нам неизвестен промысел Господень,
 Все для него любимы и равны.
 Ведь каждый хоть на что-нибудь, да годен
 В нелёгких испытаниях земных.

КЕРЖАЧКА

Монашка поморского толка
Спустилась на берег Убы,
Достала из тощей котомки
Посудину древней резьбы.

Над быстрым потоком склонилась,
До края наполнив сосуд.
Она напилась и умылась
В стоящем поодаль лесу.

По старозаветным устоям,
Что в душу вложила ей мать,
Нельзя над рекою святою
Грехи свои в воду смывать.

Присев на валун у берёзы,
Жевала засохший кусок.
Катились горячие слёзы
На хлеб и прибрежный песок.

Поруганы в храме святыни,
Низвергнут с обители крест,
Давно без молитвы остыли
Жилища Христовых невест.

Они разбрелись по Алтаю,
Ушли за кордон и в Сибирь,
Но манит родными крестами
Под Терем-горой монастырь.

Монахиня истинной веры
Вернулась в родные края,
Испить, что Господь ей отмерил,
Из чаши её бытия.

— О Боже, на всё твоя воля, —
— Шептала святая сестра,
Как сладко в родимой юдоли,
На милой земле умирать.

В поселях у старообрядцев
Найдёт она пищу и кров,
Вдали от неправых порядков
Здесь верят в Христа и любовь.

Здесь в горницах светят лампадки
Под ликами древних икон.
Живут, как и встарь, без оглядки
На Каинов новый закон.

Продолжит сестрица служенье,
Ей постриг нельзя отменить,
Заслужит она уваженье
Убинской духовной родни.

Вознёсся над скромным погостом
Большой староверческий крест,
Приходят на Троицу гости
Из старых селений окрест.

Прочтут над могилой молитвы,
Помянут её простоту.
И солнечный свет будет литься
На Божью вокруг красоту.

В долине, где птахи щебечут,
Ворочает камни Уба,
В труде и молитве о вечном
Её завершилась судьба.

Нелёгко монашеский подвиг,
Во бдении ночи и дни,
Но чудится в солнечный полдень,
Как колокол в небе звенит.

Пусть жизнь её будет примером.
Средь войн, революций, невзгод,
Живёт православная вера,
А с нею и русский народ.

г. Риддер

Лунный заяц – символ луны, бессмертия, исцеления, жертвенности для многих миллионов жителей планеты. Один из самых загадочных символов в восточной мифологии.

Известный российский литературный критик и публицист Владимир Бондаренко издал недавно книгу, посвященную истории лунного зайца. Это первая книга о древнейшем мифологическом существе.

Писатель опирается на исследования синологов, мифологов, на легенды, народные сказания, произведения классических китайских прозаиков и поэтов. Странно, что в Индии, Китае, Японии, Корее, где поклоняются этому милому зверьку, мало упоминаний о нем, хотя первые мифы о чудесном зайце появились 5 тысяч лет назад.

«Простор» представляет отрывок из удивительной книги В. Бондаренко.

Владимир Бондаренко

ХРАНИТЕЛЬ БЕССМЕРТИЯ

(Миф о лунном зайце)

Попробую связать воедино миф о лунном зайце, который за тысячелетия своего существования неоднократно перечеркивался, переделывался в угоду тем или иным идеологиям, но так и не исчез... В споре Инь и Ян победило мужское начало Ян, характеризующее лунную трехлапую жабу, а женское начало Инь, символизирующее лунного зайца, уступило. Жаб мы найдем с золотой монеткой во рту по всему миру, в любом киоске, лунного зайца найти трудно даже в Китае и Индии.

Я стараюсь понять, почему так редко в мировой мифологии попадают работы о китайском (и в целом о восточном) лунном зайце, символе бессмертия, уже тысячелетия толкущем в своей нефритовой ступке агатовым пестиком снадобье бессмертия. Почему о втором императорском символе – символе человеческого бессмертия – так мало пишут, хотя его изображения, ссылки на его вечное существование находят в самых древних памятниках Востока.

*Заяц на лунном диске.
Мастер неизвестен. 19 век.
Резьба по кости.
Прокрашивание.*

Впрочем, объясняя редкость работ по заинтересовавшему меня лунному зайцу (так же как и по лунной жабе, лунному медведю, богини Чань Э, небесному петуху, небесной собаке Тянь Гоу, и даже по великим мифическим предкам китайцев: Фуси, Хуанди, Сиванму и Ньюйва, Дунвангун и их общему прародителю Паньгу...), никак нельзя обойти проблему долгого, пренебрежительного отношения европейской науки к китайским преданиям, китайским мифам и китайской мудрости в целом. Об этом очень хорошо написал один из самых известных Китаеведов России профессор Алексей Маслов в книге «Утраченная цивилизация»: «Долгое время в западной науке... считалось, что китайцы пошли откуда-то из других мест. Вообще китайской цивилизации упорно отказывали в праве на самостоятельность и автохтонность. Скорее всего, это происходило потому, что сама китайская культура представля-

лась западным миссионерам и исследователям настолько необычной, настолько загадочной в своей мудрости и практицизме, что объяснить эту тайну лишь поэтапным развитием было слишком примитивным... Так откуда же они могли прийти?

Вот первое предположение – из Египта, древнейшей колыбели человеческой культуры. Одним из первых формулирует эту мысль немецкий иезуитский миссионер, считавшийся основателем сразу нескольких наук, в частности – географии и картографии, Анастасий Киршер (1602-1680)... Заметим, что в XVII-XVIII веках для западных схоластов и ученых именно египетская культура представлялась наиболее древней... Именно Египет в представлениях европейских учёных стал своеобразной страной-донором для китайской культуры... Для Киршера и его последователей Китай существовал как нечто вторичное, как искаженное эхо великих цивилизаций...»

*Лунный заяц
на серебряном блюде.
Корея. 18 век.*

Долгое время я никак не мог понять, почему европейские ученые так привязались к древнему Египту, который уж никак с древним Китаем связан не был. Потом догадался: все истоки европейской культуры, как правило, связаны с Египтом, они привыкли, что и пасхальные яйца, и сама Пасха пришли в Европу из Египта, и пасхальный заяц – из Египта, и всё прочее. Если уж Европа признала свою культурную зависимость от древнего Египта, то по своей европоцентричной схеме они и Индию, и Китай – две мощнейших, кстати, независимых друг от друга, хотя и взаимовлияющих, древних цивилизации – тоже стали привычно выводить из древнего Египта или Месопотамии.

Они никак не хотели признать наличие множественности мировых цивилизаций, не принимают и до сих пор, настаивая нынче на однополярном американизированном мире. Но центров мировых цивилизаций всегда, с самой глубокой древности, с первобытного человека, было несколько, среди них и наша Россия. И нынешний мировой взлет Китая, Японии, Кореи и всей Юго-Восточной Азии это подтверждает. И недалек тот день, когда по Луне будет ходить луноход «Юэ Ту», то есть «Лунный заяц», уже заранее прозванный европейцами «moon rabbit», хотя я на месте китайцев приучил бы весь мир выговаривать правильно именно китайские выражения.

Европейские ученые, впервые обратившиеся к мифологии древнего Китая, долгое время не могли понять, откуда там взялся столь высокий уровень знаний, откуда появилась такая развитая мифология, не уступающая древнеримской и древнеегипетской, со своим пантеоном богов и священных животных. Тот же китайский лунный заяц был не в одиночестве на своей луне. Кроме священного лунного дерева кассии (в иных вариантах – лаврового дерева, османтуса, гриба личжи, иногда даже персика бессмертия), кроме символических, волшебных нефритового пестика и агатовой ступки, там же рядом жила и лунная жаба, там же был Нефритовый дворец, где жил Лунный старец, где по другим версиям жила богиня Луны Чань Э, иногда там жила лунная собака. Там же жил и лесоруб У Ган, вечно рубящий лунное дерево. Там иногда бродит и японский лунный медведь. Изредка появляется лунный волк...

Если в образе лунного зайца находили переключку с Прометеем, несущим огонь людям (а заяц нёс целебные лекарственные снадобья, которые, надеюсь, так помогли китайским спортсменам на последней Олимпиаде), то в образе У Гана, естественно, проглядывался Сизиф, делающий тяжелую и бессмысленную работу. Но ни о какой вторичности образов и речи быть не могло, китайские образы, как правило, более древние.

Впрочем, самодостаточные китайцы не говорят, что это древние римляне позаимствовали у них мифические образы. Они-то давно верят в множественность миров и цивилизаций, это проистекает из их же множественной системы божеств.

Понятно, что европейская, в том числе и русская, система единобожия приводит к мысли о едином центре земли, Вселенной, чего угодно. О единой политической и экономической системе. Мы давно уже сообща с Европой решили, что наше языческое прошлое – это варварство и примитивизация жизни. Увы, в данном случае мы, русские, пошли даже дальше Европы. Там хотя бы внимательно изучают культуру древней Греции и древнего Рима. Мы свое языческое культурное наследие уничтожаем уже более тысячи лет, и, конечно же, сегодня восстановить систему лунарных и солярных богов языческой Руси почти невозможно. Есть какие-то обрывки мифов, что Велес

был в одном из своих преображений лунным зайцем. И ничего более. Как всегда Россия до основания разрушает свое же великолепное прошлое, будь то языческая Русь, будь то Святая Русь, будь то императорская Россия, будь то Советский Союз. Затем на обломках мы заново что-то строим.

*Древний русский лунный заяц
в петроглифах Беломорья.*

Китайцы же осознанно предпочли сохранить многобожие, хотя временами близко подходили к единобожию, и будь на то воля народа, вполне могли бы стать, как Европа и Россия, как мусульманский мир, страной единого бога. Кстати, множественность культурных и религиозных центров Китая не мешает идее централизованного сильного имперского государства. Множество в одном.

Как пишет профессор Маслов: «В Китае никогда не возникало идеи единого, живого Бога. Точно такую же ситуацию мы можем наблюдать по всей Восточной и Юго-Восточной Азии без исключения: в Японии, Корее, Вьетнаме. Здесь поклонялись в основном либо духам, либо безличностным началам (пусть Дао в Китае), но чаще всего – и тем и другим... Восток всегда относится к своему основному предмету поклонения – к духам – как к своим непосредственным предкам... Примечательно и другое – к духопоклонничеству тяготел отнюдь не только один Дальний Восток со своим культурным центром в Китае, но и все цивилизации Южной Америки, в частности – ацтеки, майя, инки, многие цивилизации Африки...»

Затронул профессор Маслов и проблему России. «Можно, конечно, возразить: а разве, скажем, на Руси не поклонялись всяким духам, лешим, домовым?.. Безусловно, это так, но с одной небольшой особенностью – на основе всего этого не была создана западная цивилизация...»

А мы, как ни крути, стараниями князя Владимира, патриарха Никона, Петра Великого, Владимира Ленина, да и нынешних властителей в основе

своей принадлежим к западной цивилизации. К счастью, сегодня у нас, абсолютно не в ущерб православию, усиливается интерес ученых и археологов к древнему языческому прошлому Руси. Изучают же у нас во всех православных семинариях античную культуру. Чем языческий Зевс или Венера отличаются от нашего Велеса или Берегини? Почему не восстановить древние языческие славянские центры, как восстановили немцы не во вред своей вере наши языческие божества на острове Буян, ныне остров Рюген?

Может быть, сегодня в Китае, и в целом на Востоке, духи немного «окультурились», приспособились к технической цивилизации. Взят хотя бы восхищающий меня недавно установленный пятнадцатиметровый памятник лунному зайцу на Тайване, как положено, с пестиком и ступкой, на центральной площади, прямо напротив мавзолея Чан Кайши, у которого в левом кармане торчит мобильный телефон. Очевидно, лунный заяц переговаривается по мобильнику с остальными зайцами или слушает распоряжения Лунного владыки.

И всё же мы сегодня свидетели того, что эти священные мифические божества и существа Юго-Восточной Азии несут всему миру высшую Мудрость, к которой уже прислушивается человечество. Лунный заяц победил.

В разных мифах разных народов, и даже в версиях мифа одного народа, я встречал то название лунный заяц, то название лунный кролик. Этому есть несколько причин. В одних странах нет ни зайцев, ни кроликов, взяли готовую версию. В других странах или областях преимущественно кролики, в третьих – зайцы. Я всё-таки предпочитаю лунного зайца, ибо кролик – чересчур домашнее животное и не приучен к той самостоятельности и находчивости, которым обладают дикие природные зайцы.

Тем более у нас в России обитало почти 45 видов семейства зайцев. Настоящие зайцы (к которым я бы отнес и моего героя), кролики, ставшие родоначальниками домашних пород, и древесные зайцы. У нас в стране и сейчас обитает четыре вида настоящих зайцев: русак, беляк, толай и маньчжурский заяц. Конечно, поэтому в наших русских сказках чётко подразделяются заяц и кролик. В Англии, к примеру, речь всегда идет о «братце кролике», и даже «раббит» там переводят как кролик. Кстати, от кролика-раббита ведут своё происхождение знаменитые хоббиты Толкиена. Вот где мы нашли ближайших литературных мифических родственников лунному зайцу. Конечно, я мог бы везде в тексте, согласно моей версии, писать лишь о лунном зайце. Но, опять же, цитируя сказки и мифы, труды известных ученых, я подстраивался под них и не везде менял название кролик на зайца. Пусть сосуществуют, как китайские мифологии и китайские божества, – множество в одном. Расхождение в мифах разного времени тем более я оставил.

Фреска 1767 года,

создана в Тонгдосском монастыре.

Хранится в Национальном музее Кореи.

И потому на Луне живет с зайцем то лунная красавица Чань Э, то трехлапая лунная жаба, в которую превратилась Чань Э за обман охотника И. Иногда и жаба и красавица сосуществуют вместе. У японцев появилось на Луне сразу два лунных зайца, которые совместно толкут рис для мочи – рисовых лепешек. По-разному в разных переводах звучат и названия камней: нефритовый заяц, яшмовый заяц, агатовая ступка, яшмовая ступка. Настоящее пиршество народной фантазии.

Мне самому ближе нефритовый белый заяц с нефритовым пестиком и агатовой ступкой, но допустимы и другие варианты. Существует целая вереница прообразов вечного Древа жизни, лунного дерева бессмертия: кассия или коричное дерево, лавр, гриб личжи, османтус, персиковое дерево. По-моему, классический ранний китайский вариант одинаков – лунное коричное дерево, пусть звучат и другие варианты.

Надо было китайцам полететь в космос, запустить на ту же самую Луну свой спутник «Чань Э», стать вновь спустя столетия великой державой мира чтобы изумленные ученые Запада (да и России тоже) изменили не только

своё мнение о китайских экономических возможностях, но и своё отношение к их древней истории, и, наконец, к их древним мифам. Правда, отчасти виноваты и сами китайцы в своей закрытости и определенной «срединной» заикленности на самих себя.

Шелковая ткань в технике кесы с изображением нефритового зайца и дракона среди облаков. Династия Юань. XIII в. Китайский национальный музей шелка.

Только сейчас новейшие археологические раскопки подтвердили подлинность древнейших текстов, подлинность мифологических фактов, подлинность самих мифологических личностей, начиная с первых легендарных правителей,

только сейчас археологические открытия передвинули на тысячелетия ту же расписную керамику Яншао, доказав тем самым её незаимствованность от вавилонской культуры. Красота керамических сосудов Яншао поражает всех. А над орнаментами из кругов, спиралей, замысловатых изгибов, символизирующих какие-то (в том числе и лунарные) понятия, еще думать и думать историкам, мифологам и археологам. И какое умелое качество обжига?! Нашли и более древнюю керамику, например, Баньпо (ок. 4500 до н.э.). Думаю, найдут там и такого же древнего лунного зайца.

В одной из искусных древних китайских сказок об умелых мастерах говорится: «Плотник Цин вырезал из дерева колокол. Когда работа была готова, кто видел ее, поражались: казалось, это сделали духи или боги.

Увидел колокол луский князь и спросил мастера:

– Каким искусством ты этого добился?

– Я всего лишь ремесленник, – ответил плотник, – какое у меня может быть искусство? А впрочем, был один секрет. Замыслив выточить колокол,

я не решился тратить понапрасну свое ци и должен был поститься сердцем – чтоб обрести покой. После трех дней поста уже не смел помышлять о почестях или наградах, о жалованье и чинах. После пяти не смел думать о хвале или хуле, удаче или неудаче. После семи – в оцепенении перестал ощущать собственное тело, забыв о руках и ногах. И не стало для меня ни князя, ни его двора; все, что извне волнует душу, исчезло, и все мое уменье сосредоточилось на одном. И тогда я отправился в горы и стал присматриваться к природным свойствам деревьев. И только мысленно увидев в наилучшем из стволов уже готовый колокол, я принялся за дело – а иначе не стоило и браться. Так мое естество сочеталось с естеством дерева – потому и работа кажется волшебной».

На исходе дня 25 февраля 2009 года в Париже на аукционе «Кристис» с нарушением всех международных прав были проданы головы зайца и мыши, ранее являвшиеся частью фонтана во дворце Юаньминьюань в Пекине. Французский

аукционный дом «Кристис» на своем Интернет-сайте оценил бронзовые статуи, представляющие собой головы лунного зайца и мыши, в 8-10 млн евро. Эти произведения китайского искусства были украдены английскими и французскими аггессорами из пекинского императорского дворца Юаньминьюань в 19-м веке, во время зверского захвата Пекина после Второй опиумной войны, когда главный наркодилер мира английская королева навязала Китаю насильственную покупку опиума. Бронзовые статуи, изображающие головы кролика и крысы, относятся к 12 традиционным зодиакальным животным китайского календаря. Они обрамляли фонтан во дворце Юаньминьюань, построенном в 18-м веке при императоре Цяньлуэне.

Все 12 статуй были вывезены в ходе Второй опиумной войны. В данное время пять из них уже возвращены на родину, за очень большие деньги они были выкуплены китайскими меценатами, судьба других пяти остается неизвестной. Обе головы – зайца и мыши – ушли с молотка за 14 миллионов евро каждая. Головы быка, свиньи, тигра, лошади и обезьяны были ранее выкуплены богатыми китайскими предпринимателями и возвращены на родину. Нахождение голов змеи, овцы, петуха, собаки и дракона до сих пор неизвестно. Бронзовые скульптуры 12 зодиакальных животных были воистину уникальными, и поэтому, когда в октябре 1860 года английские и французские войска сожгли императорский дворец Юаньминьюань, перед этим они безжалостно похитили все древние памятники, в том числе и все 12 голов зодиакальных животных.

24 февраля 2009 года торги состоялись, несмотря на протесты Китая. На специальном аукционе по продаже коллекции предметов искусства Ива Сен-Лорана и Пьера Берже в парижском Гран-пале древние головы мыши и зайца из бронзы были проданы с аукциона в Париже, каждая за 14 млн евро. Эти два предмета приобретены покупателями по телефону. Оказалось, что за анонимными покупателями стоит китайский меценат Цай Минчао, но когда он узнал, что головы зайца и мыши по условиям аукциона не могут быть вывезены в Китай, он не стал вносить деньги. На каком основании французы

считают откровенный грабеж во время захватнической колониальной войны законным, мне не понять. Тем более речь идет о моем любимом лунном зайце, которым можно полобоваться только на фотографиях. Суд Парижа отверг иск, предъявленный европейской Ассоциацией защиты предметов китайского искусства, которая пыталась добиться снятия двух китайских статуэток с торгов аукциона и возвращения их законным владельцам.

Разве не таковы древняя керамика Китая, бронзовые загадочные животные и боги, деревянные статуэтки, гравюры на дереве, вышивка на шёлке? Но разве не столь же искусны и совершенны мифы, поразившие воображение иноземцев настолько, что они не поверили таланту китайского народа? Величие древней мифологии в её слиянии с природой, с красотой мира, с таинством чувств и творений. Как бы ни были изобретательны художники и сказители, они шли от мудрости жизни, несли в себе дар пророчества. Когда сегодня в писателях отрицается дар пророчества, этим убивается дух народа, дух нации, дух земли и неба.

Лунный заяц, фрагмент из шелковой императорской парадной одежды восемнадцатого столетия. Вывезен в Лондон из Китая. Альберт музей. Лондон.

Может быть, поэтому китайские руководители космической программы назвали свой лунный спутник «Чань Э», готовят луноход «Лунный заяц», чтобы соединить древнюю мифологию, отражающую дух нации, и современные достижения науки и техники. Их примеру последовали японцы, назвав свой лунный корабль по имени лунной принцессы Кагуя, индусы тоже дали название своему лунному кораблю «Чандраян», то есть корабль Чандры, бога Луны. Древнейшие цивилизации мира понимают, что нельзя при всех технических достижениях порывать со своей историей и мифологией. Это и есть мудрый национализм. Когда же у нас полетит космический корабль «Илья Муромец»? Когда наш спутник назовут «Василиса Премудрая», или хотя бы «Серый волк», или «Царевна-лягушка»? Представьте, как бы издевались над такими названиями наши Петросяны и Сванидзе...

Ушли наконец-то в сторону попытки объяснить китайские древность и мудрость «вавилонской миграцией», семитским происхождением древних правителей, месопотамским или шумерским влиянием. Есть ряд мифов, связанных с Чань Э, лунной феей, превратившейся в трехлапую жабу и полетевшей на Луну навстречу лунному зайцу. Кстати, у великого японского писателя XX века Юкио Мисима есть пьеса-маска «Принцесса Лунного лавра». Но в центре моего повествования всегда будет лунный заяц.

Лунный заяц и есть образ истинного друга всех людей. «На вас он смотрит и молчит...» и тем временем молча помогает выжить. Знайте, что это именно лунный заяц своими лучистыми звездными глазами прокладывает вам ночью путь во тьме крошечной... Это понимали и наши русские мудрые ученые и поэты, от Афанасьева до Ключева и Есенина.

Сергей Есенин, прекрасно знавший народную мифологию, в своем уникальном гениальном мифологическом труде «Ключи Марии» откровенно связывает образ Луны с зайцем: «В нашем языке есть много слов, которые как «семь коров тощих пожрали семь коров тучных», они запирают в себе целый ряд других слов, выражая собой иногда весьма длинное и сложное

определение мысли. Например, слово умение (умеет) запрягло в себе ум, имеет и несколько слов, опущенных в воздух, выражающих свое отношение к понятию в очаге этого слова. Этим особенно блещут в нашей грамматике глагольные положения, которым посвящено целое правило спряжения, вытекшее из понятия «запрягать», то есть надевать сбрую слов какой-нибудь мысли на одно слово, которое может служить так же, как лошадь в упряжи, духу, отправляющемуся в путешествие по стране представления. На этом же пожирании тощими словами тучных и на понятии «запрягать» построена почти и вся наша образность, слагая два противоположных явления через сходственность в движении, она родила метафору:

Луна – заяц,
Звезды – заячьи следы...

В темных пятнах – заметных на луне, китайская народная фантазия увидела человека, рубящего дерево, и фигуры двух животных, зайца и жабу. Заяц – вечный труженик – готовил под лунным деревом снадобье бессмертия, жаба старалась проглотить луну (отсюда и лунные затмения), но всегда неудачно. Человек – это некто У Ган, который за свою безмерную ревность провинился перед божествами и в наказание был отправлен на луну и осужден вечно рубить растущее коричневое дерево, по воле богов после каждого удара топора дерево не только уцелевало, но и подрастало, заруб мгновенно восстанавливался... И на самом деле, сизифов труд. Но, обращаясь к далеким от жизни ученым, застрявшим в своих бумажках и вечно ищущим в восточных древних мифах лишь пересказы чужих мировых европейских сюжетов, скажу: может быть, человеческий опыт во многом одинаков по всему миру, и брачные игры одинаковы, другого способа рождения детей пока не придумали и, даст Бог, не придумают, и труд человеческий часто бессмыслен. (А на английских каторгах или в немецких лагерях часто был осознанно бессмыслен, люди перевозили в тачках землю туда и обратно, до бесконечности. Вот вам и У Ган, и Сизиф одновременно.) И поэтому совпадение сюжетов, на мой взгляд, часто идет в древних памятниках литературы не от знания народами друг друга, а от схожего климата, схожих условий жизни, схожей природы, схожего психологического опыта развития. Вот и корейский средневековый поэт Ким Си Сып обращается к тем же образам древнего Китая:

Озаряет луна
черных буйволов княжества У...
Вся земля
в эту пору глядит на луну.
В эту пору Ли Бо
поднимать свою чарку любил
И У Ган
ствол коричный упорно долбил...

А может, мудрость пришла китайцам с неба, в том числе и от загадочного в своей древности лунного зайца? В Китае традиционно вторым по рангу божеством после солнца была луна. Как пишет В.Сидихменов в книге «Китай. Страницы прошлого» (М., 1987): «Главное божество луны называлось владыка луны (юэ-чжу) или «дух луны» (юэ-шэнь). В даосской религии владыка луны получил наименование старец луны (юэ-лао). Этот «старец» выступал в роли устроителя брачных союзов: он незримой веревочкой связывал попарно всех мальчиков и девочек, которым суждено рано или поздно соединиться брачными узами».

*Тайваньский
бетонный заяц
в центре Тайбея.*

Китайцы на Тайване изготовляют своих любимых мифических животных из самых современных материалов. К новому лунному году они установили на центральной площади Тайбея, рядом с мавзолеем Чан Кайши, бетонного пятнадцатиметрового лунного зайца, а чтобы ему было легко переговариваться с Чань Э и лунной собакой, снабдили его мобильником. Как пишет Соколова Ирина Арнольдовна, побывавшая на Тайване в год открытия памятника лунному зайцу, праздник спонсировался телефонной компанией, поэтому праздник Луны открывался якобы с помощью спутника связи, символизирующего достижения Тайваня. «Спутник», установленный на крыше небоскреба компании, при наступлении темноты каждые полчаса посылал лазерный луч на зайца, оживляя его.

Разные народы в разное время заметили на Луне и зайца. В.Сидихменов считает: «По его имени иногда называют и луну: «темный заяц», «золотой заяц» или «обгорелый заяц»...» Лунного зайца часто называли и по-другому – старичок с Луны, объединяя его в одном образе с самим небесным владыкой. Кто это был, и откуда он пришел в Китай исцелять больных и помогать продлевать жизнь здоровым?

Может быть, это был инопланетянин, своим необычным костюмом похожий издала на зайца? А может быть, он пришел со своим целебным снадобьем из загадочной и высокоцивилизованной древней страны Фусан? Может быть, китайцы связали видимого им с Луны зайца с вполне конкретным земным рогатым или ушастым пришельцем из загадочной страны двенадцати великих династий, правивших 18 тысяч лет? Из тех пришельцев, что передали им в незапамятные времена древнейшие сакральные познания, которые человечество и до сих пор не может понять и освоить? Может быть, лунный заяц всего лишь мудрец со странной головой, к примеру, с двумя антеннами? Мы только сейчас, как и в случае с поисками неведомой полумифической Трои, с раскопками Помпеи или Карфагена, начинаем всерьез изучать полусказочные, но имеющие под собой реальную основу предания древних китайцев.

Так кто же ты, мой лунный заяц Юэ Ту, что за чудесный доктор?

Собрав воедино сотни фактов, сведя вместе изображения лунного зайца в книжной графике и в живописи, прочитав множество стихов величайших поэтов Востока с упоминанием лунного зайца, я попробовал предложить свою трактовку почитателям этого обожествленного лунарного животного.

Это прежде всего символ всей народной китайской медицины, своими

снадобьями тысячи лет спасающий бедных китайцев от преждевременной смерти.

Я пишу о лунном зайце, ищу его приметы по всему миру как бы для себя лично, как будто привожу в порядок свой письменный стол, свою коллекцию восточной бронзы и нефрита, дерева и шёлка, так и собираю вместе всех найденных лунных зайцев. Если кого-то они заинтересуют, буду рад.

Мой домашний лунный заяц мне усердно помогает в написании. Он ведёт меня по следу, как Шерлок Холмс, и я нахожу новые следы его пребывания в древней истории. Если кто-то посмеется над моей попыткой, я посмеюсь вместе с ним.

Лунный заяц из кости.
Япония. 19 век.

Очевидно, нет в моей работе строгой научности, академического языка, четкой систематизации, нет надёжных проверок и ссылок, если работа кому-то пригодится, надеюсь, в будущем её снабдят научным аппаратом. Я не собираюсь скрывать своей личной субъективности. Собрал с миру по нитке, от серьезней-

ших научных работ до приколов интернета и астрологических прогнозов, от анонимных ребячьих сказок до заметок путешественников по Азии. Но тем не менее, может быть, мои заметки подтолкнут и солидных синологов к дальнейшей разработке этой интересной темы. Буду только рад. Продолжаю и сам свои поиски новых изображений, новых версий мифа, новых обликов лунного зайца.

Должен сказать, что богатейшая мифология Древнего Китая, да и вообще Востока в целом, у нас слабо разработана, в отличие от мифологии Древней Греции или Древнего Египта. Даже кельтская мифология изучена лучше, знаю по работам своего сына, Григория Бондаренко, известного кельтолога, преподающего сейчас в Ольстерском университете. Как я уже писал выше, долгое время наши ученые вослед западным считали китайскую мифологию чем-то вторичным, везде искали заимствования у шумеров, у египтян, у Месопотамии. Кстати, следы этого высокомерия заметны и сегодня. Нашел недавно, к примеру, книжку Александра Казанкова «Лунный заяц, женщина-паук и проблемы сравнительной мифологии» (Москва, 2007, тираж 400 экз.), обрадовался, купил. О лунном зайце, но африканском и мезоамериканском, прочел много интересного, о женщине-пауке тоже. Привлекает и название книги, видно, и до академической науки дополз пиар, чем-то завлечь читателя надо... Прочитал много интересного и по мифологии, но четко виден старый прозападный подход. К примеру, пишет Казанков о Карле Хентце, пионере адекватного сопоставления культур: «Родиной всех великих цивилизаций К.Хентце считал Ближний Восток (давняя английская колонизаторская европоцентричная точка зрения. – В.Б.). Его мнение на этот счет более чем определено: «Кто перед лицом многих впечатляющих осмелится отстаивать фикцию, будто великие цивилизации Индии и Китая, древней Америки возникли независимо друг от друга, независимо от таких центров, как Месопотамия и Египет?» (Hentze 1951.249)... Полностью присоединяюсь к этому мнению...» И далее уже о другом западном ученом Н.Науманн: «Отметив поразительные, на её взгляд, совпадения в образах древнего искусства дэмона, яншао, Центральной Америки, Ирана, Ближнего Востока, Крита и Греции, Н.Науманн пришла к выводу, что «предполагать их

самостоятельное возникновение было бы абсурдно», и также предлагает искать истоки древнего восточного искусства в Месопотамии.

Не буду отрицать то или иное проникновение в Китай и Индию религиозных и эстетических идей с Ближнего Востока, да и с других регионов древнего мира, в том числе и из Сибири, что гораздо вероятнее. Но жаль, что в 2007 году русский исследователь «Лунного зайца, женщины-паука...» и так далее ссылается на работы западного исследователя 1951 года и проходит мимо новейших открытий собственно китайских учёных. Проходит мимо работ наших ведущих русских синологов, таких как А.Маслов, В.Малявин, Э.Яншина, М.Ермаков, Г.Ткаченко и других, давно уже отказавшихся от западной модели вторичности древнекитайского мира. Впрочем, не хочу углубляться в научные споры, знаю только, что схожие образы в культуре разных народов часто возникают от одинаковых человеческих представлений о мире...

Нефритовый заяц толчет лекарство (рисунок на камне. Ханьская династия). По преданию, на Луне живет нефритовый заяц, который часто толчет лекарство под лавровым деревом или под кассией.

Среди раскопок последнего времени едва ли не наибольший интерес представляет открытый в Хунани, близ Чанша, могильник II в. до н. э. Мавандуй. Как пишет Б.Рифтин: «Среди множества прочих предметов там был обнаружен и шелковый ритуальный (похоронный?) стяг в форме буквы «Т» с чрезвычайно интересными рисунками. Наверху стяга в центре изображена женщина, сидящая в типично древнекитайской позе (по всей вероятности, это и есть та поза, в которой во время жертвоприношений шаманы изображали умерших предков и которая зафиксирована в древнем начертании знака ши, имеющего сейчас значение «труп», руки ее всунуты в рукава халата, спускающегося донизу и закрывающего ноги, если они вообще мыслятся, из-под ног начинается длинный змеиный хвост, который окружает женщину целиком, делая еще несколько петель. Наверху видно, что коса женщины выше плеча лежит на теле змеи. Рядом, слева от нее (по китайской интерпретации), изображен диск солнца с птицей на нем, как бы находящийся на верхушке солнечного древа, а справа – узкий серп луны с жабой, как бы стоящей на кромке серпа, и зайцем. Ниже, под луной, изображена женщина, стремящаяся к луне, а в следующем ряду – два дракона: один – как бы под луной, а другой – под солнцем...»

Таких находок все больше и больше. Лунный заяц – как главный символ бессмертия и долгожительства, вечный труженик, готовящий под коричневым деревом снадобье бессмертия, – явно один из главных героев восточной мифологии.

Думаю, что и символ императорской одежды, и погребальное покрывало II века до нашей эры, найденное при раскопках в Мавандуе, и древние поэтические тексты, и лунный заяц на черепице домов, и древние каменные рельефы эпохи Хань, изображающие мифического зайца, толкущего на Луне порошок бессмертия, относятся не к европейс-

кому мифическому зайцу – хитрецу и обманщику, не к африканскому лунному зайцу – похитителю бессмертия у людей, не к царапающему Луну злобному животному, а к благородному зайцу, символизирующему и долголетие, и выздоровление, и любовь. Он толчет в агатовой ступке пестиком снадобья для людей, именно такой лунный заяц становится любим миллионами людей. В древней китайской усыпальнице императоров недавно нашли белую нефритовую пиалу императора, для которой был сделан филигранный золотой подпальник; изящные серьги одной из императриц, в которых на золотом кольце висела фигурка белого нефритового кролика трех сантиметров высотой с рубиновыми глазами, снизу к фигурке приделаны цветы из золота с камнями, изображающие лужайку, по которой скачет кролик.

Недавно в Бурятии нашли месторождение белого нефрита, очень схожего с нефритом, пошедшего на изготовление кролика для сережек жены тринадцатого императора из династии Мин.

Лунный заяц с грибом чжи.
Эпоха Хань.

На китайских каменных рельефах эпохи Хань есть изображения мифического зайца, живущего на Луне и лакоущего там эликсир бессмертия. Заяц держит в лапах неизвестный до сих пор легендарный гриб чжи. Очевидно, этот гриб использовался даосами для приготовления возбуждающих наркотических снадобий, продлевающих жизнь. По мнению некоторых мифологов, именно гриб чжи и рос на легендарном лунном дереве.

Интересно, что не только западные синологи, но и их собственный известный китайский санскритолог Цзи Сяньлинь в пятидесятых годах прошлого столетия высказал мысль о заимствовании представления о лунном зайце из древней Индии (см.: Chi Hsi en 1 i n. Indian Literature in China. – «Chinese Literature», 1958, № 4). Думаю, он исходил лишь из санскритских текстов об отмеченном Луной, или изображенном на Луне зайце, которые были похожи на такие же буддийские китайские тексты о лике зайца на Луне, изображенном Буддой, или даже о помещенном Буддой на Луну зайце. Увы, как часто бывает, помешала китайскому санскритологу его узкая специализация. Очевидно, точно так же и наши мифологи, никогда не занимающиеся собственно Китаем, заметив определенное сходство сюжетов, готовы вывести зависимость того же лунного зайца от его дальнего египетского собрата, или даже от африканских диковатых длинноухих. Всё-таки ученым надо смотреть не только в книги, но и в среду обитания её создателей. Уже найденный в начале 70-х годов в кургане Мавандуй рисунок на шелке, датируемый II в. до н. э., где изображен заяц на лунном серпе, говорит о том, что подобное мифологическое представление о лунном зайце существовало у китайцев еще до знакомства с индийской культурой.

Остановлюсь на своем лунном зайце, его главном китайском образе, который, как я уже писал, долгое время выводили из древнего индийского фольклора. После археологических находок в Мавандуе и других древних упоминаний о лунном зайце, находок древней керамики и бронзы с изображением луны и зайца, погребальных знамен, да и фольклорных записей, отодвигающих его китайскую историю на столетия назад, сторонники китайской вторичности как-то притихли.

Вышитая шёлком подушка с изображением лунного зайца, готовящего под коричневым деревом эликсир бессмертия.

Разбирая все истории, сказки и мифы народов мира с присутствием в них лунного зайца, я как-то не склонен, к при меру, считать лунным зайцем того, кто начинает воевать с Луной. Мифы разных народов, даже созданные почти в одно и то же время при наблюдении за реальной Луной, показывают нам совсем разных зайцев. И на самом деле эти мифы противоречат друг другу. Одни животные поселяются на Луну, другие – на Солнце, иногда эти животные меняются. Почему на Солнце поселился трехлапый черный ворон? Может быть, потому, что он и так выглядит, как обугленная птица? Или потому, что он быстро летает? Или потому, что он трехлапый, а значит, принадлежит мужскому началу Ян? Но что нам делать с трехлапой лунной жабой? Почему эта явно солнечная жаба живет на Луне?

Ворон от Солнца, заяц от Луны – так и расположились они на правом и левом плечах императорской китайской одежды. А в центре одежды, конечно же, был дракон. Китайские императоры считались сынами небесного дракона. На протяжении веков именно дракон был символом императорского дома. Трон императора – трон дракона; лицо императора – лицо дракона. Среди многих титулов императора наиболее почетным был «живой дракон». Дракон красовался на государственном гербе. Когда надо было оповестить о кончине императора, говорили, что он улетел на небо верхом на драконе.

Парадные одежды китайских императоров украшали двенадцать символов Праведного Пути. Среди них главенствующее положение занимали солнце и луна. Изображение солнечного диска помещалось на правое плечо императорского халата, а лунного – на левое. На солнечном диске, как правило, был вышит трехногий (нечетное, «мужское» число) петух или ворон, а на лунном – заяц с четырех лапах (четное, «женское» число), толкущий в ступе порошок бессмертия.

Вероятно, уже при правлении династии Чжоу двенадцать китайских символов суверенитета появились на одеждах императорской семьи, но с 1759 года эти двенадцать символов были сохранены исключительно для одежды Сына Небес.

Как символическая интерпретация Вселенной, эти символы имперской власти принимали космическое значение и представляли императора как правителя всей Вселенной.

Солнце

– красный диск с трехногой вороной.

Луна

– синий или зеленый диск, с легендарным зайцем, изготавливающим эликсир бессмертия.

В провинции Шанси найден сосуд в виде зайца с солярными кругами, примерно девятого века до нашей эры. Находят все больше образцов черепицы с изображением лунных животных: жабы и зайца, третьего века до нашей эры. Исчезнувший «Гуйцзан» с возможными лунарными мифами возник еще в четвертом веке до нашей эры. А вот японский, корейский и вьетнамский варианты лунного зайца явно позаимствованы из китайской мифологии. Впрочем, этого не скрывают и сами юго-восточные народы. Надо признать, что на Востоке с древних времен существовали китайская, индийская и мусульманская цивилизации, и все остальные народы, включая японцев, добавляя к этим пракультурам свою изобретательность, свое национальное видение, тем не менее подпитывались прежде всего одной из этих трех великих культур. Сами же эти три культуры, находясь в постоянном взаимодействии, противостоя друг другу, соперничая, в то же время мощно влияли друг на друга. К примеру, буддизм возник в Индии, затем перекочевал в Китай и уже оттуда распространялся по всей Азии. В самой же Индии со временем он практически исчез. Тем более мне интересны изображения Будды с лунным зайцем на руках. Будда как бы переселился в Китай вместе со своим лунным зайцем, но буддийский лунный заяц, на мой взгляд, и в самом Китае отличается от древнекитайского нефритового, яшмового, белого, усердного, лечащего лунного зайца, который мне гораздо более интересен. Да и буддисты не считали этого даосского древнего зайчьего собрата своим.

Как пишет профессор Алексей Маслов: «Популярным стало предание о лунном (юэ ту) или нефритовом зайце (юй ту), который живет на Луне и без усталости толчет в ступе снадобье бессмертия. Именно его некогда вкусила богиня Чанъэ и за это была обречена на вечную жизнь на Луне. Сами предания о зайце, равно как и большинство китайских мифов, довольно позднего происхождения, их обычно относят к третьему веку. Однако найденное в захоронении Маваньдуя (206 г. до н.э.) полотнище с изображением на нем зайца, стоящего на задних лапах и толкущего снадобье, позволяет отнести это предание к более раннему времени... Предания о лунном зайце можно найти у многих народов мира, и чаще всего они связаны именно с мистическим достижением бессмертия, даруемым луной. Лунный заяц имеет очевидную эротическую символику. Пест (фаллос) и ступа (йони), которые он держит, во многих культурах мира, в частности у сибирских шаманов, несут очевидный сексуально-магический подтекст бесконечного совокупления. Примечательно, что в легенде о зайце этот подтекст оказался самым тесным образом связан с бессмертием, то есть вечным возрождением как результатом магического совокупления. Заяц вообще выступает в качестве символического заместителя мужа богини Чанъэ, и мотив перетирания пестом снадобья в ступе указывает на неугасающую мужскую силу зайца. Связь пестика и перетирания чего-то с сексуальной практикой – весьма распространенный мотив у народов Дальнего Востока и Сибири.

*Сосуд в виде зайца.
9 век до новой эры.
По бокам фигуры зайца
круги с солярной символикой.
Бронза, гравировка.
Высота 31, 8,
длина 22, 2, диаметр 18, 4.
Тайюань, Институт археологии
провинции Шаньси.
Сосуд типа цзунь.*

С этим связана еще одна особенность лунного зайца – инверсия мужской потенции в женский облик, поскольку заяц представлен одновременно и пестом, и ступой, то есть мужским и женским элементом одновременно. В большинстве текстов он предстает именно как самка, а не как самец, в то время как в мифологическом пространстве самцов вообще нет... Во всех этих легендах также проявлен принцип бинарных оппозиций, инь-ян, приводящий мир в гармонию: в ряде преданий лунному зайцу противостоит ворон, живущий на солнце, лунной богине Чанъэ – «солнечный герой» и ее муж стрелок Хоу И. По другим преданиям, на солнце обитает трехногая (иногда трехпалая) золотая птица (цзинь няо). Белый или нефритовый заяц есть символическое воплощение луны вообще, равно как и золотая птица – солнца. Нефритовый заяц обитает в восточной части неба, а золотая птица – в западной. Напомним, что заяц связан с богиней Чанъэ, которая иногда предстает в виде трехпалой жабы, являясь логической противоположностью трехпалой птице, таким образом, заяц и птица символизируют взаимодополняющие начала, образ же золотой птицы – это отголосок древних преданий о птицах, как воплощении души умерших... Вся эта мифологическая картина обретает свой смысл лишь тогда, когда все компоненты рассматриваются во взаимодействии, а не как отдельные предания и сказки...»

*«Лунный заяц и царь обезьян Сунь Укун».
1889 год. Художник Ёситоси Тайсо (1839–1892).
Из серии «Сто видов Луны». По мотивам
романа УЧень Эня «Путешествие на Запад»,
в котором лунный заяц борется с царем
обезьян за право стать девушкой и выйти
замуж за танского монаха.
Ксилографический цикл «Сто видов Луны»
является последней значительной работой
Ёситоси Тайсо и считается его лучшим
произведением. Цикл «Сто видов Луны»
создавался в течение семи лет, с 1885 по
1892 год, и издавался небольшими сериями
каждые несколько месяцев. Цикл «Сто видов
Луны» посвящен событиям истории и
мифологии Японии и Китая, объединяющим
элементом которых служит образ Луны.*

Я в своих заметках пробую с помощью того же Алексея Маслова найти это смысловое взаимодействие. Известному ученому, конечно, виднее, и тем более он обязан опираться только на факты. Поэтому Алексей Маслов привязывает многие мифы, в том числе и о лунном зайце, к более позднему времени, чем я. По моим вольным представлениям, лунный заяц поселился на луне гораздо раньше, на добрую тысячу лет, чем предполагает А. Маслов, о чем я уже и писал, практически одновременно с первыми космогоническими мифами. Надеюсь, будущие археологические и филологические открытия подтвердят мою версию. Но в целом статья Маслова дает полное представление о китайских мифах и мифологических героях. Интересны китайские толкования: превращенная в жабу, предательница Чань Э уже стала на луне символом мужского начала Ян, в то время как заяц считался символом женского темного начала Инь. Но за лунным зайцем стоит богиня Сиванму.

Весьма важно понимать при этом, что сама идея бессмертия в Китае и на Западе была разной. Для китайских медиков и алхимиков представление о бессмертии человека традиционно было связано с древним религиозным учением, признающим лишь телесное, физическое бессмертие.

Согласно мифу, именно лунный заяц был вестником бессмертия, создавая свои волшебные снадобья. Именно лунный заяц и был символом китайских алхимиков, со своим пестиком и ступкой. А все остальные лунные животные – лишь подспорье в его работе, или даже помехи, как та же лунная трехлапая жаба. Впрочем, споры о том, кто живет на луне – трехлапая коварная жаба или же лунная фея Чань Э, будут продолжаться уже вечно.

Чань Э (или Хэн-э) – в древнекитайской мифологии жена стрелка И, богиня луны. Согласно мифу, изложенному в «Хуайнаньцзы» (2 в. до н.э.), а до этого в несохранившемся «Гуйцзан» (4-3 вв. до н.э.) Чань Э тайком одна приняла снадобье бессмертия, полученное ее мужем у Владычицы Сиванму, и унеслась на луну. Вероятно, еще до нашей эры было распространено представление о том, что Чань Э на луне превратилась в жабу-чань (которая обычно изображается трехлапой).

Вместе с ней на луне живет Юэ Ту («лунный заяц»). Вот он-то, благородно, с тех пор, как в древнейшие времена борьбы Правды с Кривдой, попал на луну, и выполняет свою миссию вечного носителя жизни и чудесного исцелителя.

С китайским лунным зайцем свои несчастья. Став одним из главных символов древней небесной лунарной мифологии, одним из символов возможного бессмертия, он вдруг в средние века почти исчез из культуры Китая. Еще в начале нашей эры о нём писали китайские летописцы, мол, не надо доверять всяким детским рассказам про лунного зайца. Можно предположить, что китайский лунный заяц возник в период правления легендарных земных правителей, позднее ставших главными даосскими божествами Фуси и Нюйва. В традиционной историографии Китая истоки китайской цивилизации связываются с именами легендарных правителей-мудрецов Фуси, Шэнь-нуна, Хуанди и других, живших якобы в третьем тысячелетии до н.э...

Именно в руках, очевидно, когда-то реальной правительницы, а потом и мифической богини, символизирующей начало Инь, Нюйвы, то ли сестры, то ли супруги Фуси, мы видим изображение лунного зайца. Так что отнесем и мы ориентировочно появление лунного зайца примерно к третьему тысячелетию до н.э. Конечно, пока мы не опираемся

на факты, а лишь на мифы и предания, найдется немало скептиков, которые готовы меня опровергнуть, хотя и доказать обратное они не в силах.

Для китайцев издавна Луна – один из самых загадочных и мистических символов жизни. Луна связывает жизни всех людей. Вот, к примеру, выполненный Бродским перевод стихотворения Ли Бо “Вспоминая родную страну”:

Сиянье лунное мне снегом показалось,
Холодным ветром вдруг дохнуло от окна...
Над домом, где друзья мои остались,
Сейчас такая же, наверное, луна...

*Благовещие животные.
Узор с птицами и дикими зверями.
Изображение птиц и крылатых
чудовищ, с каменной статуи эпохи
Хань (220 г. до н. э. – 220 г. н. э.).
Кроме них видны рыба,
фигурки людей и лунный заяц,
толкующий в ступе эликсир
бессмертия.*

тны зооморфные олицетворения луны – жаба и заяц. По позднему мифу, в лягушку (жабу) превратилась богиня луны Чанъэ (Чанси, Шенъэ), похитившая снадобье бессмертия, а образ лунного зайца, толкущего в ступе на луне снадобье бессмертия, не утратил популярности до наших дней. Миф о богине Чанъэ тесно связан с мифом об охотнике И, супругой которого мыслилась эта богиня...»

Китайская мифология, которую сотни лет западные специалисты пытались вывести из иных египетских или месопотамских образцов, в наши дни постепенно пронизывает весь мир. С какими-то её образами я соглашаюсь, какие-то нынешние конъюнктурные прочтения я отбрасываю. Но уже и в Москве, и в Лондоне, и в Сан-Франциско мы найдем и пучеглазых лунных жаб с монетами во рту, и во все стороны мотающих лапами котов, заманивающих людей куда угодно, и черепах, и бога долголетия Шоу Синя, и бесконечных богов счастья Хотеев, в самых разных позах. Книги Конфуция, Лао Цзы и Чжуан Цзы стоят на полках книжных магазинов. Не только экономика Китая, но и мифология Китая всё больше входит в нашу жизнь...

Разве что моего лунного зайца по-прежнему нигде не найти. Это и хорошо, он не любит публичности и сиюминутного успеха. Но почему его недолюбливают ученые, не пойму.

Древнее украшение – нефритовый лунный заяц.

Почему лунному зайцу предпочитают лунную жабу? В серьезной монографии В.В.Евсюкова, посвященной анализу мировоззрения протокитайцев эпохи неолита «Мифология китайского неолита» (Новосибирск. Наука, 1988) читаю: «Существует мнение, что лунная жаба чань упоминается и в известном памятнике древнекитайской литературы «Вопросы к Небу» знаменитого поэта древности Цюй Юаня (4 век до нашей эры). Общепринят следующий перевод соответствующего места из этого источника: «Благодаря чему (букв. «какой дэ». – В.Е.) ночное светило умирает, а затем возрождается?»

Благодаря чему заяц, который виден на нём, живет там?» Известный китайский филолог Вэнь Идо, отвергая традиционное (то есть народное. – В.Б.) и классическое понимание этого места, в свое время выдвинул на сей счет оригинальную гипотезу: он предположил, что иероглифы «гу ту», которые, согласно их общепринятому толкованию, значат

«лунный заяц», представляют собой древнее чтение слова «хама», имеющего в современном языке значение «лягушка».

Белый нефритовый лунный заяц эпохи Хань.

Затем, на его взгляд, хама превратилась в чань ту, поэтому и произошло

расщепление одного названия на два, которые стали обозначать лягушку и зайца, живущих на луне. Более того, этой лунной жабе В. Евсюков посвящает огромную главу в своей книге, зайца же больше нигде не упоминает. Вослед за Вэнь Идо Евсюков пишет: «В современном языке чань ту – поэтическое название луны, где чань – жаба, а ту – заяц. По сравнению с употребленным Цюй Юанем термином гу ту первый иероглиф заменен другим, а второй утратил детерминатив «трава»...» Просто какие-то хунвейбины филологические, или новые китайские фоменки появились. Так запросто выкидывают из древних книг не приглянувшихся им героев. Был заяц и нет зайца. Прямо как в нашей детской прибаутке: «Вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет...».

Древний поэт Цюй Юань, первый великий поэт Китая, в четвертом

веке до нашей эры в своей великой поэме ясно пишет о лунном зайце, и никуда не делось его обозначение Гу Ту или Юэ Ту. И вдруг его лунный заяц исчезает из всех современных переводов «Вопросов к Небу». Его нет даже в знаменитом переводе Аделины Адалис. Настоящий детектив, исчезновение мифологического древнейшего героя на глазах у всех из текста поэмы.

Вот место в переводе Адалис:

Умерший месяц почему
Потом рождается опять?
Откуда родом лунный свет?
Иль всякий раз бывает он
Утробой зрелую луны
Для смерти заново рожден?

Это у русской поэтессы прекрасный перевод дословного: «Благодаря какому дэ ночное светило умирает, а затем возрождается?..». Но следующая фраза великого китайского поэта исчезает: «Благодаря чему заяц, который виден на нём (на Луне. – В. Б.), живёт там?» Исчез живой лунный заяц между строк русской поэтессы. Пришлось попросить перевести заново поэму одного из моих поэтических друзей. Жаль, не было уже в живых Юрия Кузнецова, поэма как раз была ему по плечу и по духу наверняка близка. Какой-то злой дух не желал упоминать о лунном зайце и заячьих бессмертных снадобьях, приготовленных для всего человечества. По моей просьбе новый точный подстрочник сделал ведущий русский синолог, работающий сейчас на Тайване, Владимир Малявин, а поэтесса Елена Соини, уже спустя 50 лет после предыдущего перевода, закончила новый перевод, который, надеюсь, порадует любителей восточной поэзии. По крайней мере, мой лунный заяц там ожил:

Какая сила скрыта у Луны,
чтоб, умерев, на свет рождаться снова?
На полном диске спутника ночного
нам очертанья заячьи видны.
Луне есть польза от его хлопот?
Но в лунном чреве заяц как живет?

Упоминание о лунном зайце есть абсолютно точно в «Вопросах к Небу», существует задолго до самого первого упоминания о лунной жабе в «Хуайнаньцзы», но там же (в «Хуайнаньцзы») дается отрицательная характеристика жабы: «Луна освещает всё, что находится под небом, и поедается жабой...» (Очевидно, имеются в виду лунные затмения.) И почему-то нынче всех исследователей тянет прежде всего к жабе. С новомодных трактовок и в наших современных переводах и исследованиях «Вопросов к Небу» исчезло упоминание о лунном зайце. Так, увы, пишется любая, в том числе и мифологическая, история. И я воскресаю из небытия осознанно забытого лунного страдальца.

РАДУГА НАД ИРТЫШОМ

История эта началась в 1956 году. Тогда на работу в областную газету «Павлодарская правда» (теперь «Звезда Прииртышья») приехал молодой журналист, выпускник КазГУ Сергей Музалевский. Как вспоминал Сергей Алексеевич, его удивило, что в Павлодаре нет никакой литературной организации. Город строился, развивался, превращался в крупный промышленный центр Казахстана, шло освоение целины. Поэтов и прозаиков при казахской и русской областных газетах было немало. И Сергей Музалевский понял: надо создавать литературное объединение, а не просто кружок. Кружки в Павлодаре в разное время возникали, но быстро прекращали свое существование, никто о них не помнил. Журналисты в те времена были народом активным, не равнодушным и умели добиваться многого. Может, потому, что и пресса была силой – на публикации в газетах реагировали и власти, и простые граждане, принимались непременно меры, и газетчики напрямую участвовали в преобразовании жизни. Вот Сергей Музалевский и взялся за дело. Он ведь и сам писал стихи, потому подключил к организации литобъединения ведущих поэтов города, редактора своей газеты.

Первые заседания молодого литобъединения проходили в областной библиотеке, затем переместились в помещение областной газеты. То первое литературное содружество стало настоящей дружбой на многие годы.

История Павлодарского литературного объединения неразрывно связана с пропагандой творчества Павла Васильева. И тут пальма первенства принадлежит неугомонному Сергею Музалевскому. Еще в первый свой год в Павлодаре он узнал о трагической судьбе поэта от известного фотомастера, основателя историко-краеведческого музея Дмитрия Поликарповича Багаева, и начал разыскивать родственников поэта, собирать материалы о жизни и творчестве Павла Васильева, публиковать его стихи, возвращать из забвения большого поэта, погибшего в 1937 году. К Сергею Музалевскому примкнули энтузиасты Вера Жукова, Евгения Ефремова, Лидия Бунеева, которые стали васильеведами. Немало сделал для пропаганды творчества П. Васильева и журналист Альберт Павлов. В 1957 году жена поэта, Елена Александровна Вялова, прислала из Москвы книгу стихов и поэм Павла Васильева, по крупицам собранную ею. В этом же году Павлодарскому литературному объединению дали имя Павла Васильева. С тех пор в Павлодаре стали регулярно проходить Васильевские чтения, обычно приуроченные ко дню рождения поэта. Вот и в этом году такие чтения готовятся, приуроченные к 100-летию со дня рождения поэта.

В начале 60-х члены литобъединения начали выступать перед широкой публикой и ощутили небывалый интерес к поэтическому слову. Этот интерес тогда пробудился по всей огромной стране с приходом хрущевской «оттепели». Тогда царствовала так называемая «эстрадная поэзия». В Москве

люди выходили на площади слушать поэтов, а в Павлодаре собирались в драматическом театре, набивался полный зал, шумела галерка, стояли в проходах. Так же много собиралось народу и на спектакли. Слава Павлодарского театра гремела на весь Казахстан. Это было новое культурное явление в жизни города. Поэтов приглашали выступать на новостройках, в школах, в рабочих клубах, их засыпали вопросами, с ними спорили. С помощью обкома комсомола поэты добирались до самых отдаленных целинных совхозов.

Тогда же, в начале 60-х, вышел первый коллективный сборник стихов павлодарских поэтов «Иртышские напевы». А в 1965 году в Павлодар приехала Е.А.Вялова. Незабываемая встреча с женой поэта состоялась тоже в театре. Кстати сказать, именно Елена Александровна в тот приезд правильно указала, где находится дом Павла Васильева. И члены литобъединения взялись за дело: они поставили своей целью создать музей своего знаменитого земляка, их поддержали краеведческий музей, библиотека.

В марте и ноябре 1986 года Е.А.Вялова обращается в Павлодарский горком партии с поддержкой инициативы павлодарцев о создании Дома-музея Павла Васильева.

Много было хлопот, ходатайств, выступлений в прессе. Наконец в 1987 году были установлены мемориальные доски: одна – на педучилище (бывшая школа второй ступени), вторая – на доме, где жил поэт. А в июне того же года при историко-краеведческом музее открыт литературный отдел, на базе которого вскоре вырос музей литературы им. Бухар жырау, ставший в Казахстане первым музеем такого профиля. В нем был открыт отдел по изучению творчества Павла Васильева.

И еще об одном большом событии в Павлодаре, которое наверняка подтолкнуло власти к созданию Дома-музея Павла Васильева. Речь идет о первых Всесоюзных Васильевских чтениях, посвященных 80-летию поэта. Праздник был представительным – Москва, Ленинград, Рязань, Омск, Новосибирск, Владивосток, Алма-Ата, Семипалатинск, Усть-Каменогорск. Приехали жена поэта Е.А.Вялова и его дочь Наталья Павловна Фурман. А состояться такое событие смогло не только стараниями членов литобъединения, но и с помощью председателя областного филиала Советского фонда культуры Раисы Муратовны Ганиевой.

И вот, наконец, 1 февраля 1990 года исполком областного Совета народных депутатов принимает решение о переселении жильцов из дома, где жил Павел Васильев. И уже во время следующих, традиционных теперь Васильевских чтений состоялся обряд освящения дома.

24 января 1991 года впервые в Доме-музее поэта состоялось заседание литературного объединения.

Первым директором нового музея была Лидия Григорьевна Бунева – страстный исследователь и пропагандист творчества поэта. Но обветшалый дом нуждался в реставрации. И эта работа легла на ее плечи.

23 декабря 1994 года было знаменательным: открытие восстановленного здания и бюста Павла Васильева во дворе музея. А через год музей получил статус самостоятельного. Все это время в его стенах не умолкали стихи – читали и самого поэта, и свои сочинения.

Ныне Домом-музеем руководит Любовь Степановна Кашина, немало сделавшая и делающая для пропаганды творчества Павла Васильева, она находит новые, зачастую редкие материалы о жизни поэта и его окружения.

Дом Васильева никогда не пустует, там всегда люди.

Идут годы. Не стало в живых первопроходцев и многих литобъединенцев. Нет Сергея Музалевского, который внес огромный вклад в литературную жизнь Павлодара. Но жизнь продолжается. Продолжает свою работу и литобъединение им. Павла Васильева, обновляется его состав. И едва ли прав тот, кто говорит о каком-то кризисе поэзии. В Казахстане, в нашей многонациональной стране, может быть, как нигде, всегда любили и любят поэтическое слово, ценят поэтов, ведь здесь, пожалуй, каждый – поэт, особенно в Степи, и поет о том, что видит.

К своему 50-летнему юбилею члены литобъединения им. П.Васильева выпустили коллективный сборник «Радуга над Иртышом». Над его созданием работали В.Г.Семерьянов, Т.О.Окольничья, О.Н.Григорьева, И.И.Кандыбаев. В книге 50 поэтов. И это своеобразная поэтическая летопись павлодарского Прииртышья за полвека. Не все стихи равноценны: у кого-то сильнее, у кого-то только первые пробы пера, кто-то давно известен и у себя на родине, и за её пределами. Но объединяет авторов книги бескорыстная и чистая любовь к поэзии, к своей земле, к тому, что вечно и непреходяще. В стихотворении, посвящённом П.Васильеву, поэт Сергей Музалевский говорит об особом, «павлодарском» языке:

Он глядит на тебя с портрета,
 Зеленоглазый, как ястреб степной,
 Из созвездия ярких поэтов,
 Буйный в красках, от песен хмельной...
 С расстоянья теперь нам виднее,
 Как, оболганный, был он велик,
 Как, в строке его зеленея,
 Сочен наш, павлодарский язык!

Этим языком пронизана вся книга «Радуга над Иртышом» – многоцветная, как сама радуга над горячей степью, над реликтовыми борами, над синими горами Баянаула и казачьими станицами, над Лебяжьим, светлым от летящих лебедей.

Виктор СЕМЕРЬЯНОВ

Сергей Музалевский

Песни Сары-Арки

(отрывок)

Вдалеке вершины Мурунтала...
 Жаркий полдень дышит тяжело.
 Ащису, змеей петляя в скалах,
 Сквозь тысячелетия течет.
 Здесь закаты, скифскими кострами
 Отражаясь в зеркале озер,
 Улетают вместе с лебедями
 За вершины акварельных гор.

Или возродилась сказка Грина,
Иль воображение мое:
Кызылтау алой бригантиной
В ковьях серебряных плывет.
Словно из фантазии архейской,
Куполами аспидными ввысь,
В первозданном мезозойском блеске
Горы Карачаа поднялись.
Чутко бабы каменные дремлют,
Охраняя таинства эпох...
До чего ж люблю я эту землю,
Сердцем и душою к ней присох!
Древняя, кипчакская, казахская,
Седина-ковыль в твоих висках.
Словно неразгаданная сказка,
Для меня ты стала дорога...

Игорь Минаков

Колдуны

Возле мостика поворот.
Домик маленького кордона.
В нем «колдунья» Мария живет,
Значит, мы уже заколдованы.
Разнотравий запах в сених.
Возле окон – плаха-скамейка.
Двое маленьких «колдунят»
Нам выносят воды бадейку.
Приглашает хозяйка в дом:
– Отдохните, поешьте малость.
– Как, Мария, живешь с колдуном?
– Ничего живу, сколдовались.
– Сам-то где?
– Да скоро придет,
Работенки хватает ноне...
Ох, и вязок таежный мед –
Гирю в чашку брось – не потонет.
Мы едим и хвалим еду.
Третий чайник вылили в кружки.
Мирно квакают на пруду
Заколдованные лягушки.
Между сосен блуждает дым,
Полон лес и тепла, и тайны.
Зарываемся в сено, спим,
Заколдованные,
улетаем...

Виктор Семерьянов

Алёна

Это –
 Где-то очень отдаленно,
 Это где-то в памяти моей –
 Девочка по имени Алёна,
 Речка под названием Алей.
 Детских лет весенние разливы –
 Ни тебе ни сплетен, ни грехов...
 Девочку невестою дразнили,
 А меня дразнили женихом.
 Были мы, как птицы, голоноги
 И горды, как птицы, – не задень!
 Помню я, как теплые дороги
 Уводили нас на целый день.
 Сказки нам рассказывала ива,
 Песни напевала нам река...
 Я не помню, был ли я счастливым,
 Но она была – наверняка.
 Мы смеялись безмятежно, звонко,
 Мы в песке барахтались вдвоем.
 Где теперь та тонкая девчонка
 В платьишке застиранном своем?
 Вот опять иду я над Алеем,
 Осторожно трогаю росу...
 Время, никого ты не жалеешь.
 Время,
 Пожалей, тебя прошу,
 Берег этот чистый и зеленый,
 Сохрани навек и пожалей
 Девочку по имени Алёна,
 Речку под названием Алей.

Жанаталап Журкенов

Вороной

В. Семерьянову

Знаю, ты не сказочный скакун –
 Есть клеймо на крупе твоём жилистом,
 Но никак забыть я не могу,
 Как меня впервые в степи вынес ты...
 Ах, зачем чеканное седло –
 Есть глаза – осколки майской ночи!
 Нам с тобой в те годы не везло –

Вспоминаю и жалею очень.
День и ночь, как лошадь ломовая:
Камни, бревна, уголь и гробы...
Не до призов было, вспоминаю,
Сам хлебнул я этакой судьбы.
Но однажды, помню, в воскресенье,
Будто юность ворвалась в денник:
Встретил ржанием меня весенним
Вороной скакун – совсем старик.
Кинулись мы прочь из улиц узких,
Ветер ошалело бил в загривок.
Впутав в гриву повод недоуздка,
Мчались одичало и счастливо.
Никогда так сердце не болело
И не рвалось в голубую даль...
Как копыта песенно звенели!
Не слышать больше никогда...
С той поры, как вижу лошадей,
Слышу: мчится памятной мне масти
Конь, что в человеческой судьбе
Нес людское и свое несчастье.

Иван Сарафанов

Одуванчик

В белой-белой шапочке пуховой
Одуванчик вылез между трав,
Расхвалился чудною обновой,
Гордую головку приподняв.
Но заметил ветер хвастунишку,
Словно в парикмахерской, постриг.
Он стоит обиженным мальчишкой
И головку прячет в воротник.

Любовь Таврикова

Шиповник

Ахнет в рубке сменный рулевой:
С берега дают отмашку красным –
Вспыхивая веткой огневой,
Куст стоит над отмелью опасной.

Кренится от тяжести река,
Грузной баржей оплавляя лето.
И горят, горят издалека
Ягоды, наполненные светом.

Сумеркам бескровным вопреки,
Чувств земных негаснувшее пламя –
Это завязало узелки
Время уходящее – на память.

Оберег от тьмы и суеты –
Куст, где птицы носятся над кручей,
Обжигая жаждущие рты
Завязью шершавой и колючей.

Дух времен соединил черты,
Красною строкой плоды провисли,
Чтобы дать начало зрелой мысли
О двумерной сути красоты...

Колкость зерен в сладкой оболочке
Расклют до наступленья выюг,
Птицы разнесут поодиночке
Незаметно с севера на юг.

Чтобы не пропал природы труд,
Нам бы вправду, сердцем прорастая,
Подхватить ее у птичьей стаи,
Сеять там, где этой правды ждут.

На чужой и нашей стороне,
Суты человеческой согласно,
Углубляя корни в глубине,
Свет явить у отмели опасной!

Юрий Мостовой

Полонез из сорок первого

Самокруток дымок кучерявый,
Над окопами месяц завис,
Молодой лейтенант из Полтавы
Полонез исполняет на бис.
Звук гитары печален и светел,
Как бессонные думы бойца –
Об июньском расстрелянном лете,
О чертах дорогого лица...
А на завтра, в неистовой схватке
Упадет лейтенант под откос,
И останки его в плащ-палатке
Похоронят под сенью берез.
И поныне то место – святое,
Где нашел он последний приют.
И поныне над вечным покоем,
В роще той соловьи не поют...

Матьяна Окольниковья

* * *

Душа одна – и та ранима.
И так порой обнажена,
И в сущности своей незримой
Так часто телу неверна,
Так неприкаянна она,
Неукротима и беспутна,
Так беззащитна, так нежна –
И так с ней трудно!

Леонид Кольцов

Ледоход

Шумит река, ломая лед,
И разливается в низинах.
Великолепная картина:
Весна. Иртышский ледоход!

Здесь веет силой молодой!
Со стоном лопаются льдинки...
Как будто по Зиме поминки,
Уходит взломанный застой!

С шуршаньем, с гулом, громоздятся,
Теснят друг друга льды большие –
Всеочищающей стихии
Всепобеждающая власть!..

Ольга Тригорьева

Переводчик

С головой накрывает невидимая волна,
И не важен убогий быт или свет тусклый,
Ведь поэзия – перевод с Божественного на
Русский.
Кто впервые сказал об этом – Бог весть.
Может, это умная мысль, может – ересь.
Но когда хоть один переводчик на свете есть,
Человечество не погибнет,
Надеюсь.
Слушай Голос и не придумывай ничего,

Разбирай слова, учишь, доходи до сути,
 И не мни себя автором. Все мы только Его
 Слуги.
 Но когда однажды, рассекая веслом волну,
 Увозя меня в никуда, седой перевозчик
 Будет требовать плату, я ему протяну
 Пару строчек.

Владимир Куприн

* * *

Под чутким пальцем аксакала,
 Акына старого закала,
 Поет волшебница-домбра
 Сказания о древних скалах.
 Журчат ручьи со склонов горных,
 И в этих голосах задорных
 Встает перед глазами быль
 О людях гордых, непокорных,
 Что здесь веками кочевали,
 И по следам на перевале
 Читаем собственную жизнь,
 Которую так мало знали.
 Внимает песне спутник юный,
 Твердит на слух напев двухструнный,
 Рожденный щедрою душой,
 Проникший в память светом лунным.

Лина Латышева

Из цикла «Дом на Красном кордоне»

Солнечная, теплая, сухая
 Комната в два радостных окна.
 Нашими словами и стихами
 До венцов подкровельных полна.

Тенькает зазябшая синица,
 И, от удивленья сам не свой,
 Бродит по отмытым половицам
 Старый мохнолицый домовой.

Он умял всю кашу на загнетке
 И теперь помочь нам очень рад:
 Он смущенно ищется в бородке,
 Он наводит ворожебный взгляд...

А шишок бормочет над опарой,
 Подсыпая одолень-траву,

Чтоб катились беды белым паром
За окно – в густую синеву,

Чтобы к нам залётывали стаи
Нужных слов...
Особенно когда
Солнце за одним окном сияет,
Светит за другим окном звезда.

Жасулан Садыков

Ночь

Темь такая – руки мимо...
Сырость ночи... Но к утру –
Ветки треск и порх совиный,
Рыбий всплеск – и вот, смотрю:
Засияла кромка леса,
Разливаясь над рекой,
Собирает звезды месяц
К Иртышу на водопой.
Ночь уходит, как по трапу,
Лунной тропкою сквозь тишь,
Страхивая звезды-капли,
И течет, течет Иртыш...

Журтин Юсупов

* * *

Сколько раз на краю деревушки
Я стоял вечерами один,
Где, как будто с цыплятами клушки,
Выползали туманы с низин.

А теперь ни двора, ни домишки –
Бугорочки родимой земли.
Всю деревню до ржавой задвижки –
Всю к усадьбе центральной свезли.

Приезжаю я странником-гостем.
Кто же так был к деревне суров? –
По крестам, по немому погосту
Бродит стадо бесхозных коров.

Все легко позабыто, заброшено.
Спят сороки на прелых стогах.
А была ведь когда-то здесь отчина,
Что душе до сих пор дорога.

Здесь стояли и школа, и мельница,
И молочный завод, и сельмаг.
Кто же знал, что все так переменится,
Что истлеет наш вечный очаг...

Иван Кандыбаев

* * *

Покоя нет от петухов –
Горланят так, что мертвый встанет.
Предупреждая пастухов,
Рассвет пробился в щели ставень.
Еще бы чуточку поспать,
Глаза слипаются упрямо,
Коня выходит заседлать
Отец, готовит сумку мама.
Вдали все четче облаков
День вырисовывает грани,
Раскинув крылья широко,
Заря купается в тумане.
Скрипит упругое седло,
Спешит на край деревни конник,
Встает ожившее село,
То здесь, то там гремит подойник.
Сейчас начнется суета,
Кричит под окнами подпасок.
...И свист, и шелканье кнута.
И степь встречает буйством красок!

Михаил Безуглов

* * *

Дай мне руку,
Сбрось притяженье земное,
Будто туфли парадные, –
И мы уйдем отсюда
Босиком по Млечному Пути.
Я сплету для тебя венки из созвездий,
Антарес вплету ромашкой желтой,
Я в ладонях тебе принесу Вселенную.
Я открою тебе тайны мироздания.
Я люблю тебя.
Дай мне руку!

г. Павлодар

Шакир а-Мил

Шакир а-Мил по профессии горняк. Живет в г. Сатпаеве. Рассказ "Смерть почтарки" отмечен "Серебряным Пером России" в военно-патриотической номинации конкурса "Золотое Перо России" 2007 г.

СМЕРТЬ ПОЧТАРКИ

1

Дым с трубы дома правления председатель колхоза "Искра" Семен Прохоров увидел издалека и прибавил шагу. Под утро было холодно и безветренно. Снег, как плохая половица, скрипел под ногами и отдавался эхом в соседних улицах, и чудилось, там тоже кто-то идет навстречу. Но никого не было, и только собаки беззлобно лаяли вслед, так, ради порядка, и, казалось Семену, встречали его как председателя.

Дом правления, на зависть другим председателям района, в колхозе был большой и основательный. Достался он колхозу еще в годы коллективизации, когда районное начальство потребовало от колхозного руководства, в угоду партийной линии, итогов раскулачивания. Тогдашний председатель (до Семена) Макар Иванович Пряхин отписался, мол, погорельцы, едва отстроились. Да и где кулаков искать в тысячелетнем селе, когда родня на родне? Только району в те времена, видимо, тоже приходилось не сладко. И написали они Макару Ивановичу прямо: не найдешь, Пряхин, у себя кулака, так приедем и сами с десятков найдем.

Делать нечего, пошел тогда мудрый Макар Иванович к Петру Селину, к единственному пришлому человеку в селе, подрабатывающему, отстраивая дома погорельцам, женившегося здесь и решившего остаться, построив между делом самый большой и крепкий дом.

Долго, полночь за полночь, говорили Макар и Петр, и выходило так, по Макара словам, что больше некого раскулачивать на селе, кроме Петра. И слукавил тогда Макар, дескать, уже имеется такое мнение у правления колхоза. Так поутру и порешили, что продаст Петр, что сможет, а остальное отойдет колхозу. Вот так дом Петра стал колхозным. А самого-то Петра сослали с семьей в Сибирь, и кое время спустя, в весточке, передавал поклон селу и особенно помянул, что не держит он зла на Макара и на сельчан. Да один Макар знал, каков на нем грех.

Да, чудной был председатель Пряхин Макар. На удивление для тех времен – беспартийный, характером крут, как он уживался с начальством – непонятно. На всю округу только в его деревне сохранилась не только церковь, но и самый что ни есть настоящий поп, до настоящего времени еще не старый.

В году сорок третьем припылил в колхоз "воронок" и, наскоро прихватив с правления Макара, покатыл к церквушке. Вся деревенька прильнула тогда к заборам: увидеть на прощание отца Варфоломея, да и жена его с

малыми детьми металась недалече, наблюдая, как люди с машины, Макар и Варфоломей долго говорили о чем-то, прохаживаясь у церковной ограды. Так “воронок” и уехал, оставив председателя и попа в раздумьях.

А наутро Макар отменил все работы. Послал две бригады к отцу Варфоломею навести порядок у церкви, а прочему народу приказал к десяти часам прибыть на службу в церковь, одев что ни есть самое нарядное и добротное.

В десять отец Варфоломей начал службу. Ближе к одиннадцати в деревню прикатили несколько машин, из которых вывалило районное и повыше начальство, а еще, как потом выяснилось, несколько корреспондентов “не наших” газет.

Корреспондентов этих поразило не только то, что в колхозе есть церковь, но то, что на службе, казалось бы, в самое что ни есть рабочее время, находится практически все село. Да что там корреспонденты, у секретаря райкома волосы дыбом встали, когда впереди всей толпы молящихся он увидел с орденом на груди старательно крестившегося (и главное, правильно!) самого Макара. И как назло кто-то успел шепнуть корреспондентам, что это сам секретарь колхоза. Корреспонденты, не мешкая, не церемонясь, придвинули отца Варфоломея к Макару, да так и сфотографировали. Начальство обливалось потом, в страхе, чем же это закончится. Однако все было хорошо. Говорят, кто-то, из совсем уж большого начальства, видел это фото Варфоломея с Макаром в каком-то там “тайме”, но у всех через пару месяцев отлегло на сердце: никаких нареканий сверху не поступило.

А еще через год в колхоз приезжал сам секретарь райкома и, взяв самое честное слово от Макара и Варфоломея, только при них окрестил своего внука. Вот таким был председателем Макар Пряхин, год назад самолично уступивший свое место Семену, и как-то сразу стал постаревшим, молчаливым, ни во что не вмешивающимся стариком.

А молодой Семен с друзьями-фронтовиками, сменившими старого Макара и бабье с постов бригадиров, продолжали дальше чинить путь к светлему будущему в масштабе колхоза “Искра”.

2

У крыльца правления из глубины собачьей конуры сверкнули глаза самого ленивого пса села Гитлера, неизвестно кем так прозванного еще до войны. Избалованный и откормленный Гитлер всех знал и ни на кого не лаял. А свою собачью верность и службу он с лихвой показывал на всякого рода районных работниках, узнававших о существовании Гитлера в последнюю минуту, когда он, верный своей тактике, выскакивал из-под крыльца и успевал отхватить на худой конец кусок штанины. О Гитлере знали даже в области. Как-то на партийной конференции секретарь обкома спросил докладчика из района: “Что-то я не вижу в зале вашего фининспектора?” – тот, копавшийся в это время на трибуне как раз-таки в бумагах этого фининспектора, ответил небрежно: “Да его Гитлер покусал”. И когда через пару минут он понял, почему в зале вдруг наступила гробовая тишина и, запинаясь и заикаясь, пояснил, кто такой “Гитлер”, зал буквально покотился от смеха.

Подбросив своему, как он называл Гитлера, “члену правления”, заранее

припасенный мосол, Семен распахнул дверь избы. Из избы вывалились клубы тепла и нестерпимого запаха крепкого табака. Прикрыв дверь и пообвыкнув к свету, Семен увидел у круглой, до потолка обитой железом печки бригадира механизаторов Степана Кузнецова и конюха Фомина – дядю Гришу, которого он просил прийти пораньше, чтобы сразу после утреннего наряда уехать по делам в район.

Поприветствовав их, Семен скинул тулуп и, смахнув невидимую пыль с орденов на груди, обратился к одnorукому дяде Грише, потерявшему руку еще по молодости, в гражданскую, но всегда утверждавшего, что он и одной рукой и с конем, и с бабой управится:

– Ну и табак у тебя, дядь Гриш! Если бы твой табак на вооружение нашей армии поставили, мы бы фрицев на два года вперед одолели.

– А экономия какая! – отозвался на шутку Степан. – Я вот обнюхался, так цельный день можно не курить.

Посмеялись. Хороший парень Степан. И воевал хорошо. У него-то орден, считай, как у всех фронтовиков колхоза, вместе взятых. Герой, прямо сказать. Да вот незадача недавно с ним вышла.

Дело в том, что, как во всякой многовековой деревне, на все ее селение ходило с десяток фамилий, ну а если считать, что и именами оно было не богато – Ивановы да Степаны, то и вовсе путаницы было много. А потому, чтобы было легче, все семьи имели свои прозвища, передававшиеся из рода в род. Так, один из прадедов Макара Пряхина был краснолиц, потому и пристало к его роду прозвище Свекла. Так и говорили, чтобы с другими Пряхиными не путать, – Макар Свекла. Дядя Гриша был от рода Гриша Чудной. Прапрадед его Егор отличался тем, что со всеми, с кем говорил, всегда обращался на “вы”, будь то старше его или млад.

Не повезло вот только с этим Степану. Прадед его, Иван, был известен тем, что на забаву себе и односельчанам мог по желанию издавать сколько угодно зловоний. Оттого и осталось за этими Кузнецовыми в роду прозвище П-н. Так о них и говорили: Иван П-н., Мария П-н., вот. А что? Были прозвища еще покрепче. И ничего, жили. Только вот недавно, ко дню Красной Армии, приехали в колхоз представитель района и молодая девушка. Она, столичная журналистка, попросила в районе предоставить ей героя-фронтовика для статьи к празднику, так вот там решили, что лучше, чем Степан, кандидатуры нет.

Гости приехали поздно, в правлении никого не было, все разошлись по рабочим местам. А поскольку нужно было еще сегодня и вернуться, они пошли сами искать Кузнецова.

Их отсылали то сюда, то туда – мало ли где бригадир механизаторов бывает, пока не попался им навстречу шустрый такой паренек. Минут пять он уяснял, какой-токой Кузнецов и какой-токой Степан, и, наконец, когда понял, о ком речь, радостно закричал:

– Да вон же он идет, Степан-то! Эй, П-н! Ходь сюда. Тебя ищут!

Надо ли говорить, как осерчал тогда Степан. Назавтра, на планерке, он в горячке потребовал, чтобы его перестали называть таким позорным именем, поскольку для него, героя войны, это обидно слышать.

Все тогда промолчали, и только дед Савелий – единственный, кто остался из старого правления, сказал:

– Уж не знаю, что тебе сказать, Степан. Прадеда твоего не видел, слы-

шал, будто сердешный был человек. Деда, одноименца твоего, помню, до смерти веселый был человек, да и отваги в нем было не мало, считай, у него одного, на деревню, два георгиевских было еще за царскую войну. С батяней твоим две войны прошел, и никогда он в трусах не числился и врага не спиной встречал. Все они, земля им пухом, позора не имели, да славно пожили. Только от прозвища своего они не отказывались. Уж не знаю, каков ты герой, Степан, только ты на меня не сердчай. Конечно, мы, правление, пойдем тебя и поможем, а вот с народом мы это решить не сможем. Не поймет тебя народ, Степан, засмеет. Да у нас и в народе теперича каждый второй – герой.

Семен помнит, как замкнулся тогда Степан. Было видно, жалел он, что слово такое тогда сказал. Хотел было как-нибудь и поговорить с ним про то. Да Степан, молодец, сам душой отошел, вот и шутить-то не забыл. Верное слово сказал тогда Савелий.

Тут двери распахнулись, вошли еще двое, а с полчаса спустя все были в сборе, и началась колхозная планерка.

3

Ехать в район рано не получилось. Хоть и зима, а дел хватало. А то как же? Надо было удержать передовое Красное Знамя по району, не позориться. А тут вот и ЧП. Старик Тихон, сторож на ферме, проспал ночью, а корова отелилась, и теленок издох без помощи. Сидит вот теперь, божится, что не спал, да видно – врет ведь, старый! Попугав его “вредительством”, Семен указал поменять его местами со сторожем овчарни, что на другом конце села. Тут кто-то сказал, что нельзя. “Почему?” – вскинулся Семен. Оказывается, у овчарни заметили следы волков. С каждым днем они все ближе и ближе. Всем управлением, благо рядом, сбегали к овчарне. Да, следы волчьи. Надо бы карабин с патронами выдать сторожу. Тут старик Тихон оживился, я, мол, стрелок отменный, ручаюсь, всю стаю положу.

– Ты бы, старый, шел к своим коровам хвосты крутить! Ишь, чего надумал, ружье ему подавай, – осадил его Семен. – Еще подстрелишь кого сослепу!

Тихон аж прослезился от неожиданной амнистии, задком-задком и айда до своей старухи!

Вернулись в правление посвежевшие и, уж хором похулив дяди Гришин табачок, продолжали разнарядку.

Посреди этого действия ввалилась в избу скотница Марфа, видно, что спешила, видно, что по делу. Как вошла, так и присела на лавку у двери отдышаться.

– Тебе чего, Марфа? – спросил Семен, понимая, что по простому делу в это время к нему не зайдут.

– Так ведь эта, – сказала, взмахнув рукой Марфа. – Варька-то вот померла.

– Да говори ты толком, Марфа. Какая Варька?

– Да почтарка Варька, – всхлипнула тут Марфа и потом и вовсе разрыдалась.

Почтальонку Варвару Семен особо не знал, она стала работать на почте

после того, как он еще до финской в армию ушел. Слышать как-то слышал, а знать не знал.

– Будет плакать, Марфа. – сказал строго Семен. – Понятно горе. От нас что надо-то?

– Да жалко-то девчонку, – двумя руками утирая слезы, сказала Марфа. – Да помочь надо. Одна ведь она с матерью жила.

– Надо помочь, поможем. Вот, Степан Кузнецов и Егор Башев, узнаете все и сделаете, что надо. Понятно, Марфа?

Марфа без лишних слов поднялась и скрылась за дверью.

– Ну, баба, – вздохнул ей вслед Семен. – Тут на каждого мужика десять баб, а она такой шум подняла.

Все усмехнулись, и только дядя Гриша, так почудилось Семену, с укоризной взглянул в его сторону.

Наконец вскоре все дела были порешены и поручены, и Семен с удовольствием вышел из дома, у которого уже стояли запряженные сани, и рядом с ними возился дядя Гриша.

– Ну что, батя? Заправил свою технику?! – окликнул конюха Семен. Тот ничего не ответил и, поправив соломку, уселся на свое место.

«Обиделся, значит, – догадался Семен. – Да я ведь шутейно. Понимаю, что горе».

Дядя Гриша и тут смолчал, цокнул на коня, шевельнув для порядка вожжами, и сани тронулись, то ли скрипя, то ли снег скрипел под ними. И еще не кончились колхозные владения, как уснул, зарывшись в солому, ее председатель, досматривать недосмотренные все утренние сны своей нелегкой председательской жизни.

4

Возвращались, уж вечерело. По дороге подобрали двух женщин, обменявших что-то на рыбу пряного посола у пленных немцев, строивших неподалеку от села железную дорогу. Семен эту рыбу как-то пробовал.

“Откуда у немцев такая вкусная рыба? – думал он. – Тут вот самим жрать нечего. Тоже мне, политика! А бабам надо сказать, чтобы не ходили пока туда, вишь, как поздно возвращаются, опять же волки нападут, не дай бог”.

Но, поразмыслив немного, решил, что не стоит говорить, все равно не послушают.

В небе светились с десяток звезд, как впереди показалось село. Лошадка, почуяв дома, пошла веселее, а бабы замолкли, как бы соображая, какие земные дела они сегодня еще не сотворили.

И совсем уж на въезде дядя Гриша, не оборачиваясь, вдруг сказал:

– А что, Семен, заедем к Варьке в дом, пособолезнуем?

– Конечно, батя, давай завернем, – легко согласился Семен, обрадовавшись тому, что можно сгладить перед дядей Гришей свою утреннюю оплошность.

Подъехали. У дома несколько женщин и подростки чистили снег, остальные стояли поодаль, ожидая очереди. Поздоровались, прошли в дом.

В избе к ним подвинули мать Варвары, сухонькую женщину в черном, – пособолезновали ей. Она не плакала и только сказала:

– Пройдите.

Дядя Гриша присел на предложенное место, Семен же придержал рукой на месте бабульку, пытавшуюся уступить место и ему, оглянулся вокруг. Из народа были все женщины в черном, еще старики, а из молодежи все больше девки – тоже в черном. Из мужиков заметил также фронтовика, Пряхина Фрола Немого. Тот сидел здесь по-соседски, заметив взгляд председателя, кивнул ему головой.

В избе было полутемно, лампа на потолке прикрыта газетой, вокруг все свечи. Покойная лежала среди комнаты, безучастная ко всему. Взглянув на нее, Семен подумал: “Эка Марфа дура, мол, девку жалко. Да ей, поди, уж за сорок было”. Что-то не нравилось здесь Семену. Уж больно народу много. Вот недавно Игната Степанова схоронили, фронтовика, так народу было куда меньше. “Тут что-то не то, – думал Семен. – Ты глянь, и бабы все в черном. Уж не секта ли завелась у нас на селе? На последней-то конференции секретарь особо отмечал, подняли сектанты головы, пользуются тем, что народ такую погибель и трудности пережил. Вон бабка в углу, все какую-то книгу читает. Потерял ты бдительность, Семен. Надо бы в книжку эту заглянуть, да дядю Гришу расспросить, что за сборище-то”.

Тут в избу вошел Егор Башев, он из Сохатых по роду, а значит, сродственник Варькин. Прослышал, видать, что председатель тут, да зашел отчитаться. Верно, вон глазами ищет. Семен пошел к нему другим кругом и по пути заглянул в бабкину книгу. Ничего особенного в книге той не было. У Семена бабки такая же была. Она все ее прятала, а потом сняла с нее обложку, приладила ее под обложку стихов Пушкина и хранила среди Семеновых учебников. И когда ему, конечно по делу, от бабки доставалось, он все грозился рассказать в школе, как она книгу пролетарского поэта испортила. Бабка испуганно крестилась и многое тогда Семену прощала. Бабки уж нет, а книга так у Семена в память о ней и осталась. Семен как-то показал ее отцу Варфоломею, тот сказал, что это Псалтырь, поцеловал и благословил ее, да прибавил, чтобы Семен хранил ее вечно и тогда дом его не оставит бог.

Егор тихо сказал, что все готово, и прошел вглубь. Семен и дядя Гриша, согласно обычаю, не прощаясь, вышли из избы.

В пути, придвинувшись ближе, он спросил дядю Гришу:

– А что, дядя Гриша, народу у Варьки так много-то?

– Ты это верно заметил, председатель. И вправду, народу много. Так ведь чует народ вину свою.

– Да ты не чуди, старик! Какая такая может быть вина?

– Э, да ты ничего не знаешь, Семен, – сказал дядя Гриша, развернувшись и бросив поводья, дорога-то одна. И продолжил: – Понятно дело, не было тебя с нами. Варвара-то наша жила одна с матерью, если помнишь, отец ее потоп еще в тридцатых, ты еще мальчонкой был. Почтаршей она стала через год, как ты в армию ушел, когда старая почтарка Мария ногами слаба стала. Ты бы Варвару видел Семен тогда. И собою хороша, и голосок у нее был, словно пташки щебечут. А тут война, будь она неладна! А что в войну-то? Каждый весточку-то ждет. А вести-то с войны, сам знаешь, все больше были какие. Вон на тебя и то похоронку успели прислать, пока ты в окружении был. А каково Варьке-то было. Все на нее смотрели, вестей ждали. А которые вестей плохих дождались, так лучше бы на нее не смотрели. Не узнать стало Варю, и голоса-то ее уже никто не помнил. Куда-то

ушла краса, и глаза померкли. А всем недосуг. У каждого свое. Вот о старике Акиме слух шел по селу, мол, по ночам к снохе своей заглядывает. А он, бедолага, каждую ночь вокруг дома обходил и слушал, не плачут ли его четверо внуков от голоду. Да так и помер от недоедания. Да то старик, а Варька-то за двадцать только перевалила.

– А ну, двадцать?! – изумился Семен.

– А как ты думал, сынок? Если ты там, на фронте, своего хлебнул, так мы тут за тобой не отсиживались. Мы тут с бабьем такого наворотили, вам, молодым, еще поднапрячься надо. Это они сейчас, бабы, бабами стали, вас видя, сердцем отошли, а в войну хуже всякой скотины жили. А у Варьки-то сердца не хватило, уж горе каждого она перевидала и пережила.

Замолчал дядя Гриша, и Семен больше ничего не спросил. А в тишине то ли снег скрипел, то ли сани скрипели. Да звезд стало полный небосвод.

5

К часу похорон, так Семен с утра сказал, все были в правлении. Подъезжать к такому дому было не принято, пошли пешком. Все шли за Семеном, весело и шумно, обсуждая по пути дела да воскресное кино в клубе. Было, на удивление, по-весеннему тепло, и казалось, вот-вот начнет таять. Все они молодые, тулупы нараспашку, и старик Савелий едва успевал за ними. Свернув к дому, вдруг стихли. Улица была полна народа. Семен оглянулся, все спешно оправались, подтянулись, и только тогда шагнул вперед. Народ расступился, пропустил их к дому, и другая молодежь, бывшая здесь, невольно подтянулась к ним. А вскоре вынесли Варвару и поставили у дома перед всеми. Вышел отец Варфоломей в легкой сутане, крестясь и молясь.

Мать Варвары стояла рядом и бесслезно прощалась с дитем своим. Как все стихло, вышел к гробу старый Макар Пряхин, взглянул на Варьку и сказал:

– Вот, люди, нету нашей Варвары-то. Ты уж прости, Варвара, души наши. А уж особо меня прости, старого.

И упал вдруг старый Макар перед гробом Вари на колени, лишь рукою успел упереться в него.

Бросились к нему Варфоломей и Егор Сохатый, подняли и увели в сторону.

Люди зашевелились вокруг, надо было начинать.

Мать подняла глаза свои, больные от горя, словно искала защиты. Нескольких женщин увели и ее.

Кто-то шепнул Семену, что надо бы Варвару немного пронести от дома.

– Конечно, – сказал Семен, и в пример другим скинул тулуп в сани для подвоза, и первым встал у гроба, смахнув с орденів неведомо что. Другие последовали его примеру, и молодые и красивые, понесли свою сверстницу в ее последний земной путь. И тихий перезвон медалей на их груди, словно Колокольный звон, служил на прощание ей.

*Андрей
Торшинич*

ВЗМАХ КРЫЛА

НОЧЬ

Как прекрасна ночь –
Легка и безмятежна.
Тьма пришла помочь,
Обнимая нежно...

Тусклый свет огней –
Фонарей дороги.
На душе моей
Лишь печаль, тревоги.

Мыслей суета
Сердце разрывают,
Закрты ворота,
Их не открывают...

И стою один,
Словно дом, заброшен –
Проржавевший клин
Снегами запылен...

март 2009

**ТЫ ВИДИШЬ СМЕРТЬ?
ГЛАЗА ЗАКРОЙ...**

Ты видишь смерть? Глаза закрой...
Пусть палуба трещит по швам,
Пусть светят там, на мостовой:
– Тревога, течь по всем бортам!

Но если волны рушат сталь,
Так значит нам – не суждено...
Нас за кормой манила даль,
Но судна путь – теперь на дно.

Пуускай бегут – их право жить
И драться за последний плот,
А нам бы – парус распустить
И дать винтам последний ход!

ноябрь 2008

**ЛИШЬ УТРОМ
ТИХИЙ ЗВОН ТЕБЯ РАЗБУДИТ**

Лишь утром тихий звон тебя разбудит,
Церковный колокол осыплет серебром.
Уйдет печаль, а рядом – счастье будет,
Оно давно уже стучится тихо в дом...

Ты дверь открой, сильнее, нараспашку,
Пусть ветер, что тревожно бил в стекло,
Резвится.
Ну, а ты надень рубашку...
И улыбнись, как солнышко, тепло.

июль 2008

МОЯ ДУША К ТЕБЕ СТРЕМИТСЯ...

Любимой

Моя душа к тебе стремится,
Когда в ночной кромешной тьме,
Покинув тело, словно птица,
Она опять летит к тебе!

Она, как стражник, будет рядом,
В тех снах, куда приходишь ты,
А утром, провожая взглядом,
Положит на порог цветы!

май 2008

ТЫ...

Вдруг разбившись об лед отчаяния,
Ты уже никуда не спешишь...
Просто строишь ты стену молчания,
Просто строишь и просто молчишь...

Хмуро смотришь на солнце туманное,
Да на белые, скучные льды,
За которыми есть море пряное...
Там когда-то тоже был ты...

июль 2007

АКТЕР

Включились огни, закончилась пьеса.
Актер под овации ушел за кулисы,
И там его сердце, не выдержав стресса,
Навеки застыло, в подсобке, где крысы.

Но, может, так лучше: смерть после финала.
Уйти – не вернуться, запомниться в роли –
С цветами в руках и овацией зала,
Улыбаясь театру, не чувствуя боли...

сентябрь 2007

ТИШИНА...

Я растворяюсь в тишине,
Не мертвой, но и не живой.
Лишь с ней одной, наедине,
В унынье нахожу покой.

Она всегда меня поймет,
Поверит мне и вновь простит.
Молчит она, но и не врет,
Со мной наедине грустит.

Весь мир исчез в сознании моем.
Все, что любил, и все, что ненавидел,
Все, что когда-то чувствовал и видел,
Сгорело все пылающим огнем.

Я оторвусь от каменной земли,
Я вознесусь из мрака бездны к свету.
Увижу я: виднеется вдали
Моя звезда, согревшая планету.

КОГДА ТЕБЯ ВПЕРВЫЕ Я УВИДЕЛ

Когда тебя впервые я увидел,
Когда тебя на танец пригласил,
Я всех простил, кого я ненавидел,
Ведь я тебя в тот вечер полюбил.

Я СМОТРЮ, КАК ПАРИТ В НЕБЕ ПТИЦА

Я кричу ей, но крик мой все тише,
Я бегу на последнем дыханье.
Только птица все выше и выше,
Лишь крылом мне махнет на прощанье.

След последний ее провожая,
Я упал, мое сердце не бьется.
А земля, тень мою отражая,
Обнимает меня и смеется.

Я УСТАЛ ОТ ДОРОГИ НЕМОЙ

Я устал от дороги немой
Среди звезд и ночной тишины,
Я немного посплю, ангел мой,
Пусть приснятся мне добрые сны.

Я устал от извечной борьбы,
От коварных и подлых врагов,
От туннельной дороги судьбы
И уже – от дорожных столбов.

Нет, меня так легко не возьмут
Те, кто рыщет, как волки, за мной,
Пусть по той же дороге пройдут,
Той, что мы называем – судьбой!

Пусть идут, я к ним стану лицом,
Никому не известен исход,
Я не стану для них беглецом,
Выбор сделал, время, ваш ход!

ТЫ ТИХО ПЛАЧЕШЬ, ГОЛОВУ СКЛОНЯЯ

Ты тихо плачешь, голову склоняя
На спинку стула у окна.
Вслед за дождём слезу свою роняя,
Забыта, одинока и одна...

Ты ждешь его, кого, сама не знаешь,
Перебираешь тихо имена...
Ты веришь в то, что ты его узнаешь,
Что он придет и ты ему нужна.

Виктор Инюшин

Доктор биофизических наук,
профессор

ИНОПЛАНЕТНЫЙ СИНДРОМ ЧЕЛОВЕКА И КАЗАХСТАНСКАЯ ФАНТАСТИКА

Сначала некоторые размышления о фантастике. Фантастика имеет свои корни в сказках, легендах и мифах. Как только появлялись сгустки психики после страшных катастроф: оледенение, удары небесных тел (метеоритов и комет), извержения вулканов, землетрясения, страшные эпидемии от невидимых вирусов и бактерий, так появлялась фантазия, воображаемый мир будущего. В этом воображаемом мире человек приобретал символ творца, властелина, борца против зла и за вселенскую справедливость. Такие образы схожи как у индейцев майя в Америке, так и у кочевников Евразии, и жителей дремучих лесов Европы. Космические силы и образы доминировали в легендах и сказках.

В 19-м веке ярко вспыхнула звезда великого французского писателя Жюль Верна, который фактически основал научную фантастику. В основе его книг лежала уверенность в научно-техническом прогрессе (полеты на Луну, подводные лодки, познание глубин Земли и т.п.). Все это писалось на фоне успехов «века пара и паровых машин», зарождения электрической эры в развитии цивилизации. Однако будущее предсказывалось за счет воображения, интуиции, когда мозг человека извлекает из физического вакуума события и образы, технические схемы, которые будут созданы в будущем – нашем реальном мире. Замечу, что стрела времени в физическом вакууме направлена в противоположную сторону стреле времени нашего реального мира – вот реальный механизм удивительной прозорливости фантастов, в том числе и Жюль Верна, Герберта Уэллса и других, такую оценку мы даем после прочтения их книг.

Нужна ли сейчас такая литература – от сказок до научной фантастики?

Я считаю, что она необходима. Формирование мозга человека и его креативной активности невозможно без базиса, построенного на художественной и научно-фантастической литературе. Компьютеризация наряду с большим положительным эффектом несет очень тревожные результаты в будущем: потеря креативности мозга Человека. Вот почему я с большим интересом прочитал повесть Орынбая Жанайдарова «Вскрытие инопланетянина», рассказы В. Мосолова и Б. Мнажат-дина, предлагаемые читателям «Простора».

Структура построения повестей, пьес и рассказов имеет свои уникальные особенности, которые обусловлены манипуляциями со временем. Смешиваются прошлое, настоящее и будущее, т.е. с высоты настоящего автор управляет прошлым и создает будущее. Особенно это видно на примере судеб Сакена и Ильяса. Они были участниками небывалого социального эксперимента на одной шестой части суши. Такой эксперимент проводился без учета пси-структуры человека, групп людей, целых социальных слоев, как, например, крестьянство. Социальный эксперимент название которого «коммунизм», строился на миллионах жертв гражданской войны, коллективизации, индустриализации, второй мировой войны и т.д. Именно в этот период выживали те люди, которые имели суперустойчивую точку духовной сингулярности. Такой точкой обладал наш герой Сакен в условиях социальной изоляции, на скалистом берегу Ледовитого океана, работая на небольшом маяке в холодных условиях, он сохранил человечность. Незримая нить человечности через космические структуры соединяет нас с инопланетными цивилизациями. Такие цивилизации могут быть представлены в виде структур физического вакуума, структурной плазмы – четвертого состояния вещества. Однако мы видим их часто с помощью преобразовательной способности мозга в виде привычных образов. Так Сакен и Ильяс вошли в летающую тарелку и увидели инопланетянина, он был похож на ребенка. Интересно, что в начале двадцатого века в Торгайском крае не раз видели инопланетян в кожаных перчатках и шлемах со стеклянными очками, которые приземлялись в Торгайской степи на аппаратах, похожих на дирижабли. Именно в этот период немцы использовали дирижабли на фронтах первой мировой войны для бомбежек и наблюдений за артиллерийским огнем. В 60-70 годы 20 века инопланетные корабли управлялись инопланетянами, одетыми в скафандры и костюмы космонавтов. Все эти факты документированы в различных донесениях в официальные органы управления тех времен.

Следовательно, сходство с человеком инопланетянина – это, возможно, лишь свойство человеческого зеркала – отражать неизвестную действительность. Наука пытается доказать, что инопланетяне посещают нашу Землю в особом состоянии вещества, в виде структурного вещественного вакуума. С другой стороны, большинство ученых считают, что вера в существование инопланетян – это результат издержек нашей культуры. Человек сейчас знает кое-что о многочисленных явлениях в окружающем мире. Такие кирпичики знаний часто используются для построения фантастических схем, коллизий, в том числе и с инопланетянами. Такой скептицизм был относительно «Наутилиуса» Жюль Верна, полетов на Луну в снаряде и т.д. Многие ученые называли это пустыми идеями, не имеющими никаких научных оснований. Прошло сто лет, и дизельные и атомные подводные лодки бороздят весь Мировой океан. Ракеты с мыса Канаверал, с Байконура и Плисецка запускают космические объекты даже за пределы Солнечной системы, во Вселенную... Телескоп Хаббла доставляет на Землю фотографии галактик, расположенных на окраинах мироздания. Была или не была аварийная посадка летающей тарелки в одном из штатов США в 1947 году, до сих пор остается тайной, т.к. фактический материал отсутствует. Собранный кое-какой фактический материал о Тунгусском метеорите 1908 года. Однако никто не может отвергнуть гипотезу инопланетного корабля, потерпев-

шего катастрофу в восточной сибирской тайге. Кстати, О. Жанайдаров еще в 1989 году ездил к месту взрыва на реке Тунгуске и написал об этом поэму «Тунгусский метеорит».

Очень интересная сюжетная линия в повести «Вскрытие инопланетянина». Строители новой социалистической цивилизации Сакен и Ильяс попадают в мясорубку репрессий, но выживают и встречаются на диких берегах Ледовитого океана. И там знакомятся с внеземной цивилизацией, крупицы которой уже были и в них. Вот почему они в начале 40-х годов прошлого века через инопланетянина, которого они называли «Бейимбетом», восприняли тревогу ядерной катастрофы. В Кремле ещё не было принято решение, где будет ядерный полигон в СССР, а инопланетянин хотел уничтожить ядерные боеголовки в штате Невада, его озабоченность передалась Сакену и Ильясу. Они садятся в космический корабль и вместе с инопланетянином летят к западным штатам Америки, где и погибают, но оставляют след в душах народа Казахстана. Что позволяет остановить ядерное безумие в стране уже в начале 90-х годов прошлого века.

Фантастика? Конечно, да. Но доказать обратное невозможно, т.к. энергетические связи с космосом и Землей очень многообразны. Мог ли подвиг Сакена и Ильяса повлиять на отказ страны от ядерных испытаний и ядерного оружия – остается вопросом, на который нет ответа.

Сначала вызывает удивление название повести «Вскрытие инопланетянина». До этого автор фигурировал в своих произведениях, в стихах, пьесах и повестях, вышедших в сборнике «Сны на рассвете» (2004), образами Христофора Колумба, Чокана Валиханова, написал книги казахских мифов и легенд, а теперь обратился к материалам академика Г. Тихова, в годы Великой Отечественной войны из алматинской обсерватории направлявшего свой телескоп на Марс... На первый взгляд кажется, что это сюжетный винегрет, нет никакой связи между предыдущими повестями и рассказами, и лишь потом возникает понимание, что в недрах психики наших героев заложены «инопланетные зерна», которые, прорастая, меняют траекторию их судьбы в сторону космоса.

Или можно проще выразиться, сказав, что это единство сюжетов, т.е. каждый герой сам в себе вскрывает инопланетянина. Причем «вскрытие» не надо воспринимать как действие патологоанатома. Нет! Это очень сложный духовный процесс, который очень трудно довести до конца. Можно начать «вскрытие» и улететь в ОА и Турцию, мечтая о призрачном счастье («Полет ночной бабочки»), и совершенно неожиданная ситуация, когда простая пешка становится королевой, здесь тоже можно подозревать частичное «вскрытие» инопланетного духа (повесть «Битва под Шахматстаном», опубликованная в «Просторе» в 2009 году).

Неслучайно Колумб «горел» идеей открытия западных материков, и возникает вопрос: откуда был этот внутренний «источник горения»? Возможно, это тоже космические источники. Сейчас идут очень интенсивные дебаты по поводу происхождения человека. Так, академик В.П. Казначеев считает, что Человек и вообще жизнь на Земле космического происхождения. Я полностью согласен с ним. В рассказе В. Мосолова «Оно» есть сюжет о снежном человеке, йети – реликтовом гуманоиде, который, возможно, обитал или обитает в Алтайских (считай, Алатауских) горах. А почему бы и нет!

Космизм, мечты о космосе объединяют нас всех. Об этом писал великий русский космист Николай Фёдоров. Его принципы сыновнего долга вызвали огромный интерес у таких великих мыслителей-писателей, как Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, а его книга «Философия общего дела» впервые была опубликована в городе Верном (Алматы) в 1904 году. Случайно это или нет, пусть об этом подумает наш читатель. Случайно или нет академик Г. А. Тихов оказывается в Алма-Ате в период войны и изучает Марс и создает астроботанику – начало космической биологии. Я помню доклады по астроботанике ученика Г.А. Тихова доцента Суворова из пединститута им. Абая. Было ли ошибкой открытие зеленых каналов Марса или нет, об этом мы узнаем лет через двадцать, после полета людей на Марс.

В подборке имеется рассказ перспективного прозаика Бауыржана Мнажат-дина «Кобыз прорицателя», в котором казахстанская история, настоящее и будущее связаны мелодией древнего музыкального инструмента, уводящего нас к легендам о прорицателе Коркуте.

Безусловно, авторам фантастических повествований, публикуемых в «Просторе», удалось осуществить «вскрытие» инопланетянина в человеческих душах. С древних времен многие люди страдали и страдают инопланетным синдромом. Результатом этих страданий являются наши человеческие, творческие достижения и устремленность человечества в космическое пространство, полет Ю.А. Гагарина и многое другое. Более того, человек сейчас пытается создать для себя щит от угрозы космических катастроф (метеориты, кометы, «черные» дыры и т.п.). Интеллект человека, пронизанный светом космоса, способен на десятки миллиардов лет обеспечить развитие совершенно новой галактической цивилизации. Пока это область фантазий и воображения космического человека, и пусть мы здесь недалеко ушли от древних шумеров и греков, но огромные, поистине космические просторы казахстанской степи, космодром Байконур, наша новая столица Астана, наши мечты устремлены в будущее.

К сожалению, в подборке фантастических рассказов нет произведений казахоязычных фантастов А. Мархабаева, Ж. Сахиева, Р. Бектибаева и других, но это, видимо, связано с трудностями перевода этого своеобразного жанра.

Думаю, что публикация в журнале «Простор» новых научно-фантастических рассказов даст пищу для размышлений читателям, которые, несомненно, зададут времени новые вопросы. Хочется пожелать авторам и журналу «Простор» новых творческих успехов в этом направлении.

Виктор Мосолов

«ОНО»

В мае Никита с Геркой приехали в заповедник. Директор заповедника наспех набросал на листке бумаги место расположения разрушенной землетрясением турбазы, в которой, по его мнению, удобно было остановиться.

– Один домик там почти не пострадал, – сказал он. – Две комнаты и кухня. Его и занимайте. Дороги автомобильной, сами понимаете, туда нет, придется подниматься пешком. Запаситесь продуктами на несколько дней. Нужно будет, спуститесь по той же тропе в поселок, там магазин... Давайте, ребята, устраивайтесь, не теряйте зря время.

Добрались они до турбазы нормально, без приключений. Сначала шли по предгорьям через яблоневые сады, потом начался еловый лес, на верхней границе которого, где уже пошли арчовники, и находилась эта попавшая под стихию турбаза. Как и говорил директор, лучше других сохранился один небольшой домик, еще один дом, побольше, хоть перекосялся, но стоял прочно, в нем тоже можно было жить, от каких-то построек остались только остатки стен и стропил, другие повалились, разрушились и представляли собой груды бревен, кирпичей и глины. Кое-где из-под развалин торчали куски арматуры и остатки жестяных крыш с сохранившимися на ржавчине следами краски. Восстанавливать это небольшое селение после стихийного бедствия никто не пытался. На полянке, около которой кончался весь этот хлам, стояли три высокие ели с темными кронами до самой земли.

В ложбине чуть ниже турбазы журчал по каменистому ложу прозрачный ручей, вытекающий из-под ледника. К ручью от останков турбазы вела тропинка с вырезанными в земляном склоне ступенями.

– Ну, как тебе все это? – спросил Никита, останавливаясь у крыльца сохранившегося домика.

– Как в фильме «Сталкер», – ответил Герка, присев на ступеньку.

– Похоже...

Зато за развалинами и вокруг была нетронутая природа: сочно зеленела трава, ниже турбазы темнели куртины елок, растущих попеременно с арчовником, вверху за арчовником уже были скалы, за которыми четко рисовались покрытые снегом горные вершины.

– А вон и твой объект появился! – сказал Герка, показывая пальцем.

Под крышей большого дома, взмахивая ярко-красными крыльями, суетился стенолаз, доставая из щелей между бревнами каких-то насекомых своим тонким и длинным, слегка загнутым на конце клювом. Тонко пискнув, стенолаз вспорхнул и полетел небыстрым, ныряющим, как у бабочки, полетом через ущелье.

– Найти бы его гнездо, – вздохнул Никита.

– Найдешь, твои птицы все на виду, это моих землероек искать надо...

Тема дипломной работы Никиты называлась «Птицы высокогорного урочища Кумсай». Герка готовил дипломную работу по биологии горных землероек.

– Да, – согласился Никита, – я уже много интересного видел: пищух, скалистых поползней, гималайскую завирушку, большую чечевицу, не говоря уже о синицах и всякой другой мелочи.

– Ну, пойдем обживать свою бесплатную гостиницу, а заодно и с «городком» познакомимся. Ребята говорили, что в развалинах находили пуховки, спальные мешки, кроссовки, а в первые дни после происшествия отсюда уносили консервы, конфеты и всякое другое...

– И я бы не отказался от хороших кроссовок. Может, там что-то осталось?

Устроившись в домике и приведя комнаты в порядок, пошли поискать чего-нибудь в развалинах турбазы, но ничего интересного не попадалось, за прошедшие несколько лет турбаза была тщательно вычищена. Остался только мусор. Около одного разрушенного домика подняли металлическую пластину с надписью «Метеостанция», из чего заключили, что здесь размещались метеорологи. Из кучи мусора под крыльцом Герка извлек тетрадь с какими-то записями и рисунками. Взяли ее, решив посмотреть на досуге.

– Смотри, Никита, собака!

По полюне, где стояли три огромные ели с кронами до земли, бежала небольшая рыжая собачонка, похожая на лисицу.

Никита свистнул собаке, она оглянулась, остановилась, но на призывы не отозвалась и побежала дальше. Поза ее, когда оглянулась, показалась Никите настороженной и недоброй, глаза собаки как-то странно блеснули, по-видимому, из-за косого освещения, солнце уже готовилось спрятаться за дальней горой.

– Откуда собака? – удивился Никита.

– Здесь ведь жили люди, – отозвался Герка.

Вернувшись в дом, зажгли керосиновую лампу, сели за стол. Все было подготовлено к завтрашнему рабочему дню. Герка раскрыл и стал листать найденную под крыльцом разрушенного домика тетрадь метеоролога.

– Это не служебный журнал, – сказал он, – а скорее личный дневник. Записи, правда, больше о погоде, но в вольной форме, в виде записок натуралиста, видно, любил автор свою профессию. – Герка поднял голову и усмехнулся. – Почти как мы с тобой.

– Потом дашь посмотреть, – сказал Никита, освобождая свой рюкзак от всего, что будет ненужно в завтрашней экскурсии.

– Ладно...

Прошло с полчаса. Герка все перелистывал страницы дневника, потом начал все чаще хмыкать и покачивать головой.

– Что-то интересное?

– Хм, не знаю... Полтора месяца записи ведутся изо дня в день, потом неожиданно обрываются, и целых две недели не записывается ни строчки... А дальше автор рисует какое-то странное существо и подписывает свой рисунок одним словом – «Оно». Погода его больше не интересует, все вытеснило это «Оно». Что бы это значило, Никита?

– Дай, я сам посмотрю.

– Посмотри...

Никита пересел поближе к керосиновой лампе и раскрыл тетрадь. Записки натуралиста его не интересовали, и он начал рассматривать существо, завладевшее вниманием метеоролога. В общем-то, это был человек или почти человек, изображенный автором дневника на нескольких страницах в различных ракурсах и с разных сторон. У существа была большая лысая голова, удлиненное узкоглазое лицо, но не азиатского, а скорее европейского типа. Плечи были широкие, квадратные, одет он был в какой-то на вид эластичный комбинезон.

В общем, «Оно» выглядел симпатичным мужчиной, вполне интеллигентным, разве что выросты по сторонам лба и гребень, похожий на «наличник» скарабея, отличали его от обычного человека. Возраста он по нашим понятиям был между средним и преклонным, лет эдак шестидесяти. Лоб был в мелких морщинах, взгляд сосредоточенный, под глазами легкие отеки.

– Рисовал фантазер-метеоролог, скорее всего, от скуки... и что? – неуверенно промолвил Никита.

– Странно все же... – Герка разложил на железной кровати свой спальный мешок, взял мыло, полотенце и пошел к ручью умыться перед сном. Никита последовал его примеру. Погода неожиданно испортилась, подул сильный ветер, набежали тучи, наглухо закрыв звездное небо. Три могучие елки на краю поляны равномерно закачали вершинами, издавая глухой, ровный, почти угрожающий гул.

– Как-то неуютно здесь при сумрачной погоде, – сказал Герка, вытираясь полотенцем и оглядываясь кругом, – особенно из-за шума этих елок. Сколько им, интересно, лет?

– Лет по двести каждой, – ответил Никита, – судя по их высоте и толщине, никак не меньше.

– Двести лет простоять на одном месте, брр... как это неинтересно. Не хотел бы я быть деревом.

– И еще столько же простоят, когда нас с тобой уже не будет.

– Да... Несправедливо...

– Как сказать... Если бы люди так жили, сколько бы гадостей натворить успели.

– Ну и добрых дел тоже... – возразил Герка.

Ночью Никите приснилось существо из дневника метеоролога. «Оно» молча смотрело на него лукавым испытывающим взглядом. Никите показалось, что он не спит, а видит это существо наяву.

– Ну, что уставился? – грубо спросил он, думая все же, что это какой-то странный сон.

Улыбка пробежала по тонким губам существа. «Оно» помахал рукой и пропал. «Смотри-ка, и по-русски понимает», – подумал Никита, повернулся на другой бок и продолжал спать.

Утром Герка, протирая глаза, сказал, что ему приснилось черт знает что, вот этот самый «Оно» из дневника метеоролога. Никита сказал, что и ему тоже... Но обсуждать сон было некогда, обоим ждала работа, и они разошлись в разные стороны. Вернулись вечером довольные, у каждого были интересные находки и наблюдения.

Перед закатом солнца опять появилась рыжая собака, пробежав по руинам бывшей турбазы, остановилась в десяти метрах от трех больших елок и стала громко азартно лаять, как будто под елками прятался кто-то, кому не положено там находиться. Никита подошел, собака в своем азарте подпустила его намного ближе, чем вчера. «Кто там может быть?» – подумал Никита. Его, отнюдь не боязливого, охватила непонятная робость. Он помахал рукой Герке. Тот подошел.

– Смотри, как разоряется? Как ты думаешь, что там может быть?

– Кто же знает, – усмехнулся Герка. – Может, там ее хозяин повесился? Висит себе и ни о чем не тужит.

– Посмотрим?

– Давай!

Под елками ничего не было, кроме толстого слоя опавшей рыжеватой хвои, только под одной вырос после дождя большой гриб шампиньон. Ничего интересного.

– Чего же эта шавка так разорялась? Где она?

Собака уже убежала, ее нигде не было видно.

– Обычно отставших от хозяев собак съедают волки, а эта, смотри, жива.

– Надо ее поймать и приручить.

На другой день поставили несколько петель, но собака каким-то образом обходила ловушки, а потом вообще перестала попадаться на глаза, хотя время от времени студенты слышали ее лай. Опять ночью снился «Оно», теперь в белом балахоне. Отвечал мыслью на мысль. «Жалко, что вы упустили собаку, – молча сказал Никите. – Надо поймать ее и убить!» – «Какое вам дело до собаки?» – «Мешает пройти в ваш параллельный мир». – «А зачем вам наш мир?» – «Разве вы не чувствуете, что ваш мир гибнет?» – «Нет!» – «Мы хотим помочь вам выжить». – «Но ведь вас об этом никто не просит». – «Потому что вы инертны и трусливы. Первые признаки гибели в том, что люди перестали любить людей. Они разделились на очень богатых и очень бедных. Государство опутано сетью коррупции, родственными, дружескими, бандитскими, любовными и прочими связями. Паразитизм губит все здоровое и доброе. Ваши богачи думают, что, обокрав простых бесхитростных людей, обеспечили себе и своим потомкам безмятежное существование. Но это заблуждение, по сути, они так же несчастливы. Богатство счастья не прибавляет». – «Ну, это как сказать...» – возразил Никита, подумав, что пора и ему что-то сказать в противовес расхваливавшемуся хулителю его государства и что ему приличная кучка денег бы никак не помешала. «Оно» прищурился и продолжал: «В борьбе за богатство теряется совесть, а о каком же счастье можно говорить, если потеряна совесть?» «А за вашей параллелью лучше?» – «Безусловно! Вы совершенствуете технику, а мы дух. Наши люди чисты, бесхитростны, откровенны. Всю нечисть мы вытравливаем, как сорняки... Помогаем всему, что приносит пользу и радость людям. Граждане наши живут счастливо, улыбаются, потому что окружены добром и справедливостью!» – «Что-то в вашем лице не видно веселья». – «Это от сострадания к вашей неправильной жизни». На этом разговор закончился, «Оно» растворился в тумане.

Утром Герка, протирая глаза, сказал, что почти всю ночь с ним говорил «Оно».

– И со мной тоже... О чем вы беседовали?

– О-о, дай вспомнить... Что мы живем неправильно, что наша власть вконец развратила народ своим воровством и показной роскошью. Она вынудила воровать и ловчить людей, сделала стяжательство смыслом жизни всех. Сказал, что на наших рынках стараются обвесить и обмануть покупателей, что воруют везде. Самая востребованная у вас литература – о преступлениях и сексуальных утехах. Эта литература очень воинственная, она выставляет себя против всего духовного, призывает отправить книги великих писателей прошлого в музеи. Обыкновенная жизнь становится унылой и серой, несмотря на то что какая-то часть населения живет не бедно и много времени отдает бессмысленным развлечениям. Материальные блага становятся единственной целью жизни. А так нельзя жить разумным существам.

– И мне говорил в том же духе. Да... еще про собаку, что ее надо убить, потому что она мешает. «Если вы все можете, – спросил я, – что вам какая-то дворняжка?» Он ответил, что долго объяснять, но собаку надо уничтожить.

– Псина эта не простая, смотри-ка, совсем не показывается, – заметил Никита.

– Еще «Оно» сказал, что у него есть возможности нам помочь, если будет

трудно. Может быть, чем-то поможет? – усмехнулся практичный Герка.

– А нам что-то надо?

– Хлеб еще есть, да пара банок тушёнки, все остальное кончилось. Надо идти в поселок, да жалко время терять. В твоих гнездах вылет птенцов, у моих землероек тоже что-то происходит...

– Придется потерпеть. Грибов пожарим.

– Надоели...

– Дорогой «Оно!» – шутливо произнес Герка. – У нас нужда великая и времени в обрез. Подкинул бы килограмма два-три гречки или риса?

«Оно», естественно, не отозвался. Вдруг Никита заметил у слухового окна чердака синичку, белую лазоревку. Пискнув, та юркнула в чердачное окно.

– Что же я раньше тут не видел лазоревок, – сказал он, поднимаясь с крыльца. – А ведь там гнездо. Надо посмотреть...

Никита приставил к стене валяющуюся на земле лестницу и полез на чердак. Через пару минут оттуда раздался ликующий вопль! Из слухового окна появилась улыбающаяся физиономия Никиты.

– Здесь кое-что есть, Герка! Давай-ка, лови!

Он сбросил вниз два небольших мешка, в одном было килограмма три гречки, в другом примерно столько же риса.

– Как по заказу, – смеялся Герка. – Откуда такое богатство? «Оно»?

– Смотри, – сказал Никита, хлопая ладонью по мешку. – Пыль! Значит, мешки лежат долго... Никто на чердак не лазил, вот и остались.

– Так уж никто не лазил... – возразил Герка. – Хочешь сказать, случайность? Нет! Это «Оно». Спасибо, друг!

– У нас и сигареты кончились, надо бы попросить хоть пачку махорки.

– Почему махорки? Лучше сигарет с фильтром.

– Я и от махорки не откажусь...

Герка отправился ползая по развалинам турбазы и нашел в каком-то поломанном кухонном шкафу пачку табаку.

– Внимательный у нас друг, – посмеивался он, сворачивая толстую цигарку из газеты.

– Однако экономный. Лучше бы хорошие сигареты с фильтром, – возразил Никита, закашлявшись от крепкой затяжки.

– Ну, ежели ты так, то я хочу конфет шоколадных, и непременно импортных... – ерничал Герка.

Между тем густели сумерки, наплывала темнота, звезды засверкали крупно, чисто и ярко, мерцали и переливались, казалось, что они висят так низко, что едва не касаются горных вершин.

– Интересно, что скажет нам этой ночью «Оно»?

Говорилось это шутя. Оба к всякого рода мистике относились с иронией, фантастикой особенно не увлекались, зоологической наукой был занят их мозг.

– Ты что-то знаешь о параллельных мирах? – спросил Герка.

– Слышал, что якобы разные цивилизации могут существовать в параллельных измерениях, не подозревая о существовании другого мира. Если что-то такое есть, то эта брошенная турбаза может оказаться местом, где можно проникнуть из одного параллельного мира в другой. Именно здесь соседи из иного мира пытаются прорваться, чтобы улучшить нашу неправильную жизнь.

– Разве это возможно?

– Что? Прорваться к нам или научить правильно жить?

– И то и другое.

– Ну, не знаю...

- Зачем им это нужно? – произнес Герка.
- Значит, нужно...
- Как они могут знать о наших порядках, чиновниках?
- Может, у них институт такой есть?

Снаружи послышались посторонние звуки.

- Тихо! – Герка поднял верх указательный палец. – Кто-то идет...

Оба прислушались... За все время пребывания в разрушенной турбазе они не видели людей. Кто-то шел к их домику не таясь, спокойной поступью. Кажется, шли двое, вроде переговаривались. В такое позднее время?

Никита и Герка встали, молча переглянулись, оба немного побледнели.

Скрипнула наружная дверь. Шаги стихли у двери в комнату. Никита включил фонарь и распахнул дверь! В коридоре стоял бородатый мужчина в штормовке, из-за резко открывшейся двери он отступил на шаг назад. За ним у наружной двери стояла, улыбаясь, женщина в желтой спортивной куртке.

– Простите, – сказал Никита, краснея, – мы с товарищем давно никого не видели и немного одичали. Заходите!

Мужчина пропустил женщину вперед и вошел сам. Гостям было приблизительно лет по тридцать пять. Интеллигентная пара. Поздоровались, сели на лавку. Герка поставил на примус чайник.

– Мы из России, – рассказывала женщина. – Взяли с мужем отпуск за два года и решили проехать по незнакомым местам. Нам сказали в поселке, что высоко в горах в разрушенной турбазе живут два студента-зоолога и больше никаких людей нет. Ничего, что мы зашли? Не помешаем?

– Ну, что вы... У нас две комнаты, а если хотите, если мы вас стесним, тут еще один дом, побольше этого.

– Не беспокойтесь, у нас свои спальные мешки. – Женщина покопалась в своем рюкзаке и вернулась к столу с большим пакетом. Стала выставлять на стол колбасу, консервы, свежий хлеб. Когда она выложила блок сигарет «Соверен» и полиэтиленовый пакетик с конфетами, брови обоих студентов полезли вверх.

- А это зачем? – пролепетал Никита, показывая на сигареты.

- Мы подумали, что у вас закончились сигареты. Разве не так?

- Все так, но странно...

– Что же странного? – снова оживленно заговорила женщина. – Решили вам захватить на всякий случай. А это конфеты, очень хорошие, сестра привезла из Германии.

– Спасибо... – поблагодарил Никита, оглянувшись на Герку, который растерянно пожимал плечами.

За чаем сидели недолго, уставшие гости пошли в свою комнату отдыхать. Студентам не спалось, и они еще некоторое время переговаривались полупшепотом.

- Что скажешь? – спросил Никита.

- Чудеса, – отвечал Герка.

- Просто зашли путешествующие туристы...

- А сигареты, а конфеты?

- Странно все... Но ведь не может быть...

Утром показали гостям рисунок с изображением «Оно» и спросили, не снилось ли им это существо?

- Нет, – отвечали оба. – Мы спали, как убитые.

- А мы беседует с этим джентльменом каждую ночь.

- Нет, нет, – удивлялись гости, – ничего нам не снилось.

Днем туристы рассматривали развалины турбазы, сходили посмотреть

ледник, фотографировали окрестности, переночевали еще одну ночь, а утром тепло распрощались со студентами и отправились за новыми впечатлениями. Ушел в поселок Герка – нужно было пополнить запасы продовольствия. Вернулся только на следующий день.

– Может быть, тебе еще что-то надо? – спросил его Никита, закуривая сигарету «Соверен» из блока, подаренного доброй женщиной.

– Да! Мне надоело отшельничество! – заявил Герка. – Я скучаю по людям! Хочется встряхнуться, повеселиться! Пусть придет еще кто-нибудь!

– Это нахальство! – возмутился Никита.

– Может быть! Но ничего не надо. Только пусть придут, и все! А ты поддержи меня. Поддерживаешь?

– Да.

На другой день часов около шести снизу послышались далекие голоса и смех. Никита приставил к глазам бинокль. По тропинке поднималась вереница молодых людей в разноцветных куртках: три парня и четыре девушки.

– Герка! – позвал он товарища. – Что ты наделал! Идут! От этих совпадений можно свихнуться!

– Туристы.

Вечером было весело. Осмотрев развалины и немного поговорив о непредсказуемости природных катаклизмов, парни и девчонки, расположившиеся в большом доме, как уж положено в любой компании, стали накрывать стол. Пригласили и зоологов. Было весело, шутили, играли на гитаре, пугали девчонок черным альпинистом...

Герка отозвал в сторону Никиту.

– Мне одна девушка очень понравилась...

– И что? Помощь «Оно» требуется?

– А что?

– Это нечестно и некрасиво!

– Ты прав... – согласился Герка.

Туристы ушли. Герка пошел их проводить, взял по дороге у девушки телефон и разрешение позвонить. Когда Герка вернулся, Никита с усмешкой спросил, не возникло ли у него желания чего-то еще попросить у «Оно»?

– Нет, – отвечал Герка очень серьезно. – Боюсь, как бы не получилось, как у той вредной старухи из «Сказки о золотой рыбке».

В начале сентября ночью в горах выпал снег, который на другой же день и растаял. Но дни пошли хмурые, по склонам гор поплыли туманы, по утрам случались заморозки. Настала пора заканчивать полевой сезон. Студенты собрали рюкзаки и пошли по тропе вниз. К людям...

В последнюю ночь «Оно» сказал Никите:

– Вы уходите, знаю... Но мы к вам все равно придем... Без нашей помощи вам будет плохо... Нужно наводить порядок в вашем измерении, ребята! Это нужно для всей нашей планеты.

Никита и Герка закончили институт, оба работают по специальности, часто вспоминают разрушенную землетрясением туристическую базу и «Оно». Вспоминали и рыжую собачонку. Но так и не поняли, чем она могла мешать пришельцам из другого измерения?

Бауыржан Мнажат-дин

КОБЫЗ ПРОРИЦАТЕЛЯ

Рассказ

Собственно, история с кобызом святого Касена началась несколько месяцев тому назад. По-казахски святого человека зовут аулие. Получается, аулие Касен – святой Касен.

А началась эта история с того, что старший брат Ерика, Еркнат, решил жить отдельно. Как раз в это же время один из дальних родственников, до этого временно работавший в поселке, собирался переехать в соседний совхоз, получив там работу агронома. То есть по своей специальности, по диплому. И этот агроном оставлял довольно-таки уютный домик в нашем посёлке.

Еркнат быстро сговорился с ним в цене и уже на другой вечер, справив с ближайшими родственниками и друзьями символическое новоселье, начал обживать тот домик. Наведя приличный порядок внутри дома, после полудня он принялся за двор и подсобные помещения во дворе. Провозившись с разборкой вещей почти весь остаток дня и, как это бывает на селе, выявив кучу лишнего хлама, он поздно вечером нагрузил полную тачку разного тряпья и повёз на свалку.

Подкатив тачку к основной мусорной куче и опрокинув её, Еркнат вдруг заметил, что кругом стало как бы светлее. Сначала он не обратил на это особого внимания, просто зафиксировал, мимоходом, в памяти. Но когда он откатил тачку и двинулся к своему дому, тут почувствовал какое-то беспокойство, как это бывает иногда в вечерней темноте, когда может показаться, что тебя кто-то окликнул. Оглянувшись, Еркнат заметил, что эта самая куча хлама, которую он только что выбросил, отчего-то несильно, но достаточно ясно, чтобы привлечь внимание, светится. И тут Еркнат почувствовал необъяснимое пока волнение и желание вернуться, взглянуть, отчего это самое свечение. Подойдя, он увидел поверх кучи мусора некое старинное изделие из дерева или кожи, напоминавшее казахский кобыз – национальный музыкальный инструмент. Насколько он помнил, на этой куче кобыза не было, или он не заметил его, когда перебирал мусор? Еркнат безотчетно наклонился и взял этот предмет в руки.

Инструмент был точно старинный, даже древний, но футляр был целый, более того, были даже натянутые струны из бараньих сухожилий. Таких кобызов – степных виолончелей – давно уже не делают, а если делают, то такую жуткую подделку из искусственных материалов, что ни играть на нем, ни слушать, что играют, невозможно... Такое у нас настало время искусственных подделок и суррогатов.

Сомнений не было, это был старинный кобыз, в наши дни очень редкий инструмент. Но что самое удивительное, рядом же лежал на каком-то тряпье смычок от кобыза и даже, так показалось Еркнату, просился в руки.

Ерканат, едва справляясь со своим волнением, дрожащими руками попробовал приложить части друг к другу. Несомненно, это был единый инструмент, музейного возраста и ценности. Только вот, откуда он тут взялся?

Придя домой, Ерканат тщательно запер за собой дверь, чтобы его нечаянно не застали врасплах соседи, поставил чайник на газовую плиту. Потом, сев за стол, стал разглядывать находку, всё больше убеждаясь в том, что это очень старинный инструмент, возрастом превосходящий самые смелые предположения, так что даже хотя предварительно прикинуть было невозможно его древность.

Если бы кобыз попал в руки просто человеку, не музыканту, то дальнейшая его судьба была бы определена. Не музыкант, скорее всего, выбросил бы эту рухлядь, или же отдал бы другому, разбирающемуся в музыкальных инструментах человеку. Ерканат даже слышал, что в Алматы есть музей старинных музыкальных инструментов, вот туда-то и попал бы, в конце концов, этот кобыз. Но дело было в том, что Ерканат сам очень любил игру на домбре, и домбра у него была в доме, и даже не одна, две у него их было... А теперь он держал в руках кобыз, виденный им разве что на картинках в книгах по фольклору.

Об очень большой древности находки не трудно было догадаться по состоянию деталей из дерева и кожи. Но его удивило состояние струн. Опытный музыкант – домбрист Ерканат не мог понять, почему у такого старинного инструмента, звук которого был весьма не плох, были почти свежие струны. Значит, этим инструментом пользовались совсем недавно... Но почему в таком случае этот инструмент оказался среди мусора в старом доме, кому вздумалось его выбросить?.. Ведь любой казах, уж это он знал точно, посчитал бы за огромную честь и хорошее знамение иметь в доме подобную реликвию!

При каждом прикосновении смычком к кобызу, без нажатия на сами струны откуда-то, будто бы из очень далекого далека, доносился еле слышимый, слабый звук. Так звучит оборванная струна. Ерканату, страстному любителю игры на домбре, этот звук был очень знаком. Но этот еле слышимый звук отличался от прежде им слышанных звуков высотой и звонкостью. И он, этот долгий звук, не затихал быстро, как должен был, в несколько секунд, но продолжал звучать долго. Возникало такое ощущение, что инструмент что-то хочет донести до человека, но, чем-то заглушаемый, не может этого сделать. Так, наверное, мучается немой человек, когда он мычит, дополняя свое мычание понятной лишь ему жестикой, а здоровый человек только чувствует свою безвинную вину за то, что не может понять его.

Звук, исходивший от кобыза, вселял в душу беспокойство, сродни ощущению какой-то беды, творимого где-то беззакония, что ли. В этом, несомненно, была какая-то мистика, от которой нельзя было просто взять и отказаться. Звук цеплял за душу и рождал непоколебимое желание найти решение этой загадки.

Но что сейчас, на ночь глядя, можно было сделать? От этих мыслей Ерканата отвлек шум закипевшего на плите чайника. Он выключил газовую плиту, и это механическое действие немного успокоило, притушило его разбушевавшуюся не на шутку фантазию.

Ерканат не стал на ночь пить чай, а лишь утолил жажду, разведя чашку с кипятком холодной водой, и лег спать. Завтра разберемся, решил он мудро.

На другой день он решил расспросить аулчан, может быть, кто-нибудь из них знал что-нибудь об этом кобызе. Еркнат чувствовал, что есть в этом кобызе какая-то тайна. Расспрашивал он аулчан осторожно, не акцентируя внимания людей на самом кобызе, неконкретными вопросами пытаясь узнать необходимое ему. Но так, чтобы люди не поняли, о чем он спрашивает и к чему эти его вопросы. К вечеру его поиски увенчались небольшим успехом. В доме молодой приветливой четы – Ержана и Айжан во время питья чая он узнал, что у них в семье был такой инструмент, бывший собственно стью уже аксакала Дабыла. Этот старик, дед хозяина дома, жил неподалёку. Но вот совсем недавно старик погиб, упав с лошади. Лошадью была известная на весь район кобылка-чемпионка Кок-Каска, не раз бравшая призовые места на районных и областных бегах, во время весенних и осенних сабантуев. Всего два года тому назад Кок-Каска убедительно взяла первое место в области, опередив других коней на целый корпус. Но потом она захромала отчего-то и стала непригодной ни на что, кроме поездок на небольшие расстояния, хотя красоты и стати своей не потеряла.

Дед Дабыл, хозяин лошади, убедившись, что ее уже не вылечить, хотел кобылу продать, даже нашел покупателя, но сделка не состоялась из-за его неожиданной смерти.

Возможно, история с кобызом, хромой лошадью деда Дабыла имела бы иное продолжение, но вечером к Еркнату пришли старые друзья, братья Халел и Жалел. Они предложили съездить на несколько дней за сеном, заготовить на зиму для скота, да и подзаработать немного денег. Лето в селе предназначено именно для таких дел, поэтому сговорились быстро, и получилась у них бригада из нескольких человек, в которой у каждого были свои обязанности. Впрочем, в селе каждый умеет делать все, что связано с хозяйством и уходом за домашними животными.

На другой день выехали до рассвета, в пути им предстояло провести около двух часов. Водителем машины был Ихлас, другой сосед, к тому же и свояк – жезде, муж старшей сестры этих самых братьев Халела и Жалела.

К десяти утра выехали на один из самых дальних сенокосных загонов, ландшафт которого – холмистая местность с несколькими большими лугами – зеленел, радуя глаза. На полу кузова грузовика звякали острые и опасные, как сабли, косы.

По прибытии на место молодой настрой, слаженность действий сделали свое дело. Вчетвером косили чужое сено, ставили стог за стогом, немного прервались на обед и продолжили, надеясь, что никто так далеко, как они, не доберется. Накосив достаточно, чтобы приехать и завтра и послезавтра, начали укладывать свежее сено на машину.

Оставалось только забросить ещё пару кучек сена, чтобы завершить его укладку на кузове, когда Еркнат, бывший наверху, на раскладке, заметил подозрительную точку на горизонте. Находился Еркнат на самом верху копны и видел все далеко вперед, поэтому у них было некоторое время, чтобы завершить полную погрузку и упаковку, уложить сверху крепезное бревно, стянуть копну веревками, привязать к бортам. А потом завести машину и осторожно, на малой скорости, чтобы не опрокинуться, потаенными дорожками добраться до шоссе, а там поминай, как звали... Кто на большой дороге их спросит, откуда сено и куда везете?.. Вечером же сено можно продать в ауле или русском селе. А завтра все можно будет повторить.

Когда копна на машине была готова, то решили тронуться в путь, и уже съезжали по склону, машину вдруг сильно качнуло. Еркнат, сидевший на

самом верху, на мягком сене, чуть не выпал и даже почувствовал лёгкое головокружение. Почему-то потемнело в глазах. Но постепенно все вновь стало вокруг ясно видно. И головокружение прошло.

Ерканат очень удивился головокружению и подумал, что это от жары, а водитель Ихлас, наверное, не заметил какую-то кочку. Машина с копной продолжала двигаться, и тут он увидел, что ребята, два брата, лежат по сторонам свежей лёгкой колеи от колёс в странных, неестественных позах.

Он стал им кричать, называя по именам, но они не реагировали, даже не пошевелинулись. Вдруг раздался гудок, долгий, непрерывный... Машина продолжала двигаться дальше медленным и ровным ходом. Ерканат торопливо, утопая в податливом сене, пролез вперёд и несколько раз безуспешно прокричал имя водителя, но его голос заглушал непрерывный сигнал гудка. Тогда он быстро, держась за страховочную верёвку, сполз на кабину и дальше на капот. В окно кабины он увидел, что Ихлас, водитель, уронил голову на баранку руля и, типа, спит...

Пришлось осторожно спуститься на подножку кабины и просунуть руку в кабину под голову водителя. Ерканат резко откинул голову Ихласа к спинке, и гудок тут же прекратился. Открыв дверцу кабины, Ерканат быстро вытащил ключ зажигания и, толкая всем своим корпусом безвольное и тяжёлое тело товарища, нажал ногой на педаль тормоза. И вовремя. Машина едва не зависла над оврагом, прятавшимся среди густой травы...

Ихлас продолжал спать и на ругательства и толчки Ерканата не реагировал. Уснул или потерял сознание, что в данной ситуации было почти одно и то же.

Ерканат спрыгнул с подножки кабины и бросился к своим лежащим младшим товарищам. Но как он их ни тормошил, ни кричал им в уши, они не подавали признаков сознания, хотя и дышали. Не понимая, что происходит, покрутившись на месте, Ерканат оглядел всю зеленую равнину степи. Не зная, что предпринять, он вернулся к водителю, вытащил его из нагретой, как банная парилка, кабины и, протаскив несколько метров его тяжёлое грузное тело, уложил в тени машины. Затем он перетащил в эту тень других своих товарищей, положив их рядом с водителем.

Всё ещё не понимая, что произошло, и не зная, что делать, как разбудить внезапно уснувших товарищей, Ерканат снова залез на вершину копны и встал на ней в полный рост. Кругом простиралась зеленая летняя степь, миражировал горизонт, это испарялась вода с поверхности речек и озерков. Та черная точка, двигавшаяся на горизонте, спугнувшая их, тоже исчезла. Видимо, это была какая-то чужая машина, проехавшая своей дорогой и скрывающаяся теперь где-то за холмами.

Ерканат вновь спустился вниз и сел на траву, чтобы обдумать положение, в которое он теперь попал. По всему было видно, что его товарищи спать будут еще долго, просыпаться никто из них не собирался. Интересно, что им сейчас снится? Видимо, что-то приятное, поскольку на лицах Халела и Жалела блуждали весьма довольные улыбки. Напротив, Ихлас спал, так сказать, молча, даже сосредоточенно. «Предатели! – подумал Ерканат, глядя на них. – Бросили его и спят себе. А я им охранник, что ли? «Что я, охранник брату моему?» – некстати вдруг вспомнилась фраза из древнего текста. Даже появилось желание вылить на кого-нибудь из них оставшуюся в термосе воду... А пить потом что?

Посидев так минут пять, Ерканат достал из кабины уже початую бутылку водки, которую запасливый Ихлас всегда возил с собой, отвинтил пробку и, запрокинув голову, высосал из неё грамм сто. Занюхал выпитое рукавом

и почувствовал небольшое, но облегчение и некоторую лёгкость в голове. Вернее, этой водкой он оглушил свой мозг, и наступившая тупость и была тем облегчением.

Наконец, не придумав ничего лучшего, Еркнат решил разгрузить машину, выбросить все сено, положить в кузов своих товарищей и отвезти их домой. Конечно, это сплошные убытки, разгружай сено, потом снова придется его нагружать, но близилась ночь, солнце падало к закату, и пора было приниматься за дело. План был плох, но другого выхода не было.

Еркнат взял в руки вилы и взялся за разгрузку машины. Вилы воткнулись, но не так, как обычно вилы вонзаются в сено. Они воткнулись и остановились, словно уперлись в какую-то преграду, во что-то плотное. Еркнат поднял, как это обычно делается, переднюю часть черенка левой рукой вверх. Но вилы так легко поднялись, что Еркнат, потеряв равновесие, опрокинулся навзничь и упал, сев на задницу. На зубьях вил не было ни клочка сена... Еркнат несколько минут сидел на земле, взирая на эти воздетые к небу пустые, поблёскивавшие чистые зубья вил. Потом он медленно встал и снова стал втыкать вилы в копну на машине, пытаясь сбросить сено. Но каждый раз происходило одно и то же. Вилы входили в сено, но выходили, не захватывая ни клочка, словно проходя сквозь воду.

Убедившись в бесплодности своих попыток разгрузить сено, Еркнат сел рядом с товарищами, сладко спавшими на траве. Ему как-то вдруг стало все равно. Не видя выхода, он вновь взял бутылку в руки и выпил еще немного. Пришло ли опьянение или это была усталость, ему больше ничего не хотелось... Что за бред творится с ним? Какое-то безумие.

Он устало, можно сказать, что обречённо опрокинулся на спину и закрыл глаза.захотелось уснуть и проснуться утром дома, в теплой постели. И тут он почувствовал чьё-то еще присутствие рядом. Еркнат открыл глаза и увидел, что перед ним стоял Габит-ага, учётчик с фермы номер четыре. На его земле они сегодня нелегально косили сено.

– Вы... Вы... Откуда вы взялись?! – забормотал Еркнат, приходя в себя от неожиданности.

Но старый учётчик смотрел на него с любопытством и насмешкой и не произносил ни слова. Еркнат встал, окинул взглядом лежащих рядом и сладко спящих друзей и непроизвольно схватил в правую руку пустую бутылку, пытаясь приготовить к защите себя и товарищей непонятно от кого. Как мог этот старик бесшумно подъехать к ним на своём «бобике-газике-джикике»?..

Но тут учётчик улыбнулся и, поманивая его рукой, зашел за кабину машины. Через минуту он вернулся и снова поманил рукой, показывая в сторону, как бы говоря: «Пошли со мной!» Еркнат пошел за ним, думая, что тот зовет его к своему джипу. В любом случае, бред, творившийся с ним и его друзьями, завершился, и теперь надо было слушаться старого учётчика. Бежать, что ли, от него по степи?

Но, обойдя кабину вслед за стариком, Еркнат понял, что его кошмар еще не завершился, а успешно продолжается... Не «бобик» учётчика, не какой-нибудь другой транспорт стоял в открытой вечеряющей степи, а самая настоящая летающая тарелка! Причем она не лежала на земле, а стояла вертикально и искрилась всеми цветами радуги. Это был, наверное, на самом деле большой межпланетный космический аппарат, лишь с виду похожий на тарелку... И стояла эта тарелка, опять же, не перпендикулярно к земле, а слегка наклонно, под некоторым углом, отчего казалось, что она вот-вот упадёт или же покатится в сторону.

Габит-ага вернулся к Ерканату и, мягко взяв его за руку, повёл к этому огромному, неожиданно большому межпланетному кораблю, по мере приближения к нему заполнявшему весь горизонт... Они шли вдвоем, казалось, по воздуху, но под ногами ощущали какие-то ступеньки, некую невесомую опору. Они шли по этим невидимым ступенькам вверх, к овальному люку, откуда медленными волнами вытекал странный зеленоватый свет. Перед самым люком вдруг оказался полукруг площадки. Ерканат с Габитом-ага вступили на эту площадку, но двигались дальше, едва касаясь её ногами...

Далее Ерканат помнит лишь фрагменты своего пребывания на межпланетном корабле, видимо, хозяева тарелки на него как-то воздействовали, чтобы он многое из своего визита забыл. По времени он провел на корабле пришельцев полчаса, но иногда ему кажется, что там прошла вся его жизнь. Как это может быть?

Им открылся большой зал, с овальным потолком. Вдоль стен стояли несколько человек. Подойдя к ним ближе, Ерканат узнал, хотя уже не видел их много лет, жителей своего аула, работников и служащих совхоза и фермы. Все они, каждый в свое время, в свой час и день, в свой год и месяц, умерли несколько лет тому назад, а тут стояли, как живые, и даже улыбались ему... Теперь они, получается, жили на борту инопланетного корабля в роли хозяев?.. Что за спектакль? И кому он нужен посреди глухой степи? Это же за гранью всякой реальности и здравого смысла! И ещё одно, с чем никак нельзя согласиться, – весь этот спектакль разыгрывался для него одного? Но зачем?..

В одном из людей он узнал своего старого друга, тракториста, дальнего родственника по матери, Кабылжана, который улыбался ему как-то особенно приветливо. И тут этот самый Кабылжан выступил вперёд, поздоровался с ним по-старинному казахскому обычаю, пожав обеими руками его ладони. Потом пригласил Ерканата присесть в большое удобное кресло. Когда Ерканат уселся в кресло, Кабылжан произнёс:

– Мы приветствуем вас на борту нашего корабля. Просим прощения за этот, как вы выразились, спектакль.

От этих слов Ерканату стало не по себе. «Они что, и мысли читают?» – подумалось ему.

Но тут Кабылжан стал проявлять учтивость хозяина и сказал:

– Позвольте предложить вам бодрящий напиток. Вот, пожалуйста! – и он протянул Ерканату большой бокал из очень тонкого и прозрачного материала с какой-то цветной жидкостью, которая переливалась внутри опять же всеми цветами радуги. Ерканат недоверчиво взял в руки этот сосуд и посмотрел на Кабылжана. Тот приложил «бокал» к губам и сделал глоток. Ерканат после минутного раздумья поднес сосуд к губам и ощутил во рту странный вкус, словно он набрал полный рот грушевой мякоти, и осторожно глотнул это.

«Инопланетянин» Кабылжан продолжил:

– Приятного вам аппетита! У вас в руках оказался древний музыкальный инструмент. Этот кобыз в силу своей невероятной энергетической насыщенности в своё время не поддавался попыткам наших учёных снять энергетическую копию, не поддавался сканированию нашими приборами. Они нещадно горели... Я постараюсь говорить доступно, не перегружая свой рассказ лишними подробностями и научной аргументацией.

В этот момент Ерканата осенило, он вспомнил кое-что из научной фантастики, которой увлекался в школьные годы, и понял, что перед ним не Кабылжан и его сородичи, а их энергетические копии, представленные иноп-

ланетянами для него как наиболее привычные объекты, чтобы не вызвать у него, у Ерканата, психологический шок... На эту его мысль «Кабылжан» тут же откликнулся и сказал:

– Ну вот, теперь вам все понятно! И вы даже понимаете, почему я, «Кабылжан», говорю с вами на «вы». Так как же вам это доступнее объяснить?.. От напряжения! Да, да, энергетического напряжения, исходящего от древнего кобыза, не выдерживают наши сканеры! Сгорают! Этому инструменту несколько сотен лет! Сейчас им владеете вы! Будьте с ним очень осторожны! Слишком большое количество энергии сосредоточено в сделанном в далекой эпохе человеческими руками простом музыкальном инструменте... В других случаях мы с таким не сталкивались. Было, правда, одно зеркало, которое тоже не подчинялось нашим сканерам, а поглощало их излучение. На вашем Алтае это было... Мы оттуда тут же бежали, улетели прочь, чтобы не спровоцировать взрыв. Но об этом зеркале потом... Сейчас нас интересует «кобыз», как вы его называете... Эта «степная виолончель» плотно связана с прошлым, с его ушедшей силой «Ф» и энергией времени «Т». Мы побоялись разрушить его структуру, последствия чего могут быть необратимы. Поэтому решили, как это у вас принято говорить, обратиться к вам с открытым текстом. Но этим мы вмешались в вашу судьбу. За это приносим вам свои извинения и постараемся сделать так, чтобы это не отразилось на будущем. Вы понимаете, о чём я говорю?.. Я думаю, что вы нас поняли и неожиданностей не будет...

Закончив на этом свое объяснение, Кабылжан встал в один ряд с другими «сородичами»...

К Ерканату подошел Габит-ага, или тот, который им прикидывался, взял его под руку, и они пошли в сторону выхода из «тарелки».

Через какое-то минутное затмение Ерканат очнулся. Он сидел на пороге своего дома и держал в руках старый кобыз. Вокруг него стояли или сидели прямо на земле жители поселка, женщины, старики, дети... Увидев, что Ерканат открыл глаза, они дружно загалдели, а некоторые захлопали в ладоши...

Соседка Мария подошла к нему очень близко и сказала: «А я и не знала, что ты так хорошо играешь на кобызе! Молодец!»

– Что, я играл на кобызе? – воскликнул Ерканат. – Разве я на нем играл?

– Да, играл! – зашумели соседи. – Ты утром вышел во двор и начал на нем играть. Сначала как-то неуверенно, а потом все лучше и лучше! Ты так здорово стал на нем играть, что мы все услышали и пришли к тебе. Вот собрались почти всем селом, стояли рядом с тобой почти час и слушали. А ты как закрыл глаза, так их и не открывал, все играл и играл! Где ты этому научился? Так красиво, так сильно и уверенно, что дрожь по всему телу!

Тетка Мария сказала, утирая глаза уголком цветного платка: «По телевизору так красиво не играют, как ты играл. Так иногда грустно, а иногда бодро, весело. Здорово, одним словом. Я своего мужа покойного Кабылжана вспомнила... Спасибо тебе!..»

Завклубом Мажит, который тоже был здесь, среди односельчан, подошел к Ерканату и, похлопав его по плечу, воскликнул: «Ереке, будешь играть на наших концертах, мы первое место в районе возьмем! У нас теперь свой Курмангазы будет!»

Ерканат хотел возразить, что Курмангазы играл на домбре, а не на кобызе, но тут его внимание привлекла машина с огромной копной сена, которое свешивалось со всех сторон, достигая до земли. Копна была такая ог-

ромная, что при повороте задела соседский забор, но водитель Ихлас все же сумел избежать аварии, хотя копна и угрожающе шевельнулась, еле приметно скособочившись, но осталась на месте. Машина дотянула до дома Халела и Жалела, которые сидели тут же, в кабине, рядом с Ихласом.

Люди перед домом Ерманата повернулись к машине с сеном, которая, ревя, заехала задним ходом во двор дома Халела и Жалела. Теперь предстояло сено разгрузить, что тоже было немаловажным делом. Подростки побежали глазеть, как взрослые дяди будут это умело делать, а женщины и старики, видя, что Ерманат, взяв свой кобыз, ушел в дом, медленно разбрелись по своим делам.

На другой день Ерманат нашел дом старика Дабыла. Это был старый дом в другом конце села, с невысокой шиферной крышей. У входа во двор Ерманата встретил огромный белый пес – чабанская собака, борибасар-волкодав. Пес, узнав односельчанина, не проявил никакой агрессивности, а, пропустив Ерманата, молча улёгся посреди широкого двора, положив свою большую, умную голову на лапы. Через пару минут из дома вышел довольно-таки рослый парень и поприветствовал Ерманата. Из дома также вышла девушка, которая, взглянув на Ерманата, осталась стоять у двери.

– Да тут такое дело, – начал разговор Ерманат. – Я слышал, что у покойного Дабыл-ата, пусть покоится его прах с миром, был кобыз. Он, говорят, умел обращаться с этим инструментом...

– Старик умер. А я не знаю ни о каком кобызе! – вдруг встрепенулся парень. – Старика нет. И никаких теперь дел его в этом доме нет! Поищи где-нибудь в другом месте. А нас не беспокойте, понял! – и, свистнув собаке, которая с готовностью побежала за ним, направился к другому концу двора.

Когда Ерманат, покинув негостеприимный дом, прошёл уже с десятков метров, его сзади окликнули по имени: «Ерманат-ага!» Обернувшись, он увидел ту девушку, которая жила в доме старика Дабыла, скорее всего, его внучка. Она быстро подошла к нему и сказала:

– Ерманат-ага, я слышала, о чём вы спрашивали у моего брата. У дедушки Дабыла был кобыз, но он пропал. То ли его выкинули, то ли его у нас украли, но дома кобыза нет. Он всегда стоял в углу, за подушкой, в изголовье деда. Дедушка говорил, что ему его передал еще до войны старый-старый предсказатель, имени его я не помню...

– Этот кобыз сейчас у меня! – сказал Ерманат. – Я вчера играл на нем. Или мне показалось, что играл... Я нашел его и хотел бы вернуть хозяевам.

– Что вы, что вы! – заволновалась девушка. – Никому его не отдавайте. Тем более, не отдавайте его моему брату. Он его просто продаст знатокам, ведь это очень старая вещь. А потом, теперь ведь вы – прорицатель!

– Я – прорицатель?! – воскликнул Ерманат. – Не может быть!

– Вы, именно вы! – восторженно сказала девушка. – Я никому не скажу, что вы нашли кобыз и что вы играете на нем! Никому!

На этом они расстались, и девушка убежала за ворота старого дома старика Дабыла, а Ерманат пошел к себе домой. Он шел и улыбался загадочной улыбкой мудреца, ему показалось, что предчувствие истины коснулось его. Дома его ждал кобыз.

Орынбай Жанайдаров

«ВСКРЫТИЕ ИНОПЛАНЕТЯНИНА»*

Повесть

*Человек – лишь малый остров,
Пыль в пространстве ледяном.
Каждый человек – лишь остров,
Остров – крепость, остров – дом.
Курт Воннегут, «Сирены Титана»*

ОДИН НА МАЯКЕ

Вечность, распадаясь на десятилетия, сжималась до года, в котором он жил. Год, в свою очередь, рассыпался на двенадцать послушных месяцев, в которых торопливо бежали легкие недели. Так его время нисходило до того дня, в котором он обитал, просыпался каждое утро, зная, что вокруг никого нет, и лишь холодный арктический ветер, убивающий беззащитного человека за полчаса, ветер с тяжелого черного ледяного моря был единственным существом, с кем он мог поговорить, поспорить.

Ветер чаще всего был однообразен, дул он с востока на запад, не останавливаясь, не затихая. Ветер в любое время года был холодный и жесткий, поскольку дул он всегда с Северного Ледовитого океана, который был везде – на востоке, на севере, на западе. На юге был он сам, его одинокий маяк и весь остальной мир, находившийся за его плечами, за его спиной, под его кирзовыми сапогами, под его задницей...

Весь мир, вся эта гребаная планета Земля находилась сейчас на юге, и он был единственным ее представителем за тысячи километров от людей, черт его знает где.

Его маяк – каменное двадцатиметровое в высоту сооружение, построенное русскими каторжниками в начале двадцатого столетия, – возвышался над серым морским берегом, как перст указующий! А его обязанностью было поддерживать огонь на маяке, чтобы в далеком море моряки издали видели его свет и не отклонились бы, не удалились бы в невозвратно далекое странствие по суровому, страшному в любое время года беспощадно холодному морю.

Сакен, так его называли родители при рождении, был осужден постановлением тройки в 1935 году на двадцать пять лет, заменивших ему смертный приговор – расстрел. Из этих невыносимо долгих двадцати пяти лет два года его таскали по сибирским тюрьмам, лагерям и пересылкам, пока не забросили на этот пустынный холодный берег охранять морской маяк. И вот уже десятый год из этих двадцати пяти лет он – выдающийся казахский ученый, зоотехник-селекционер – жил здесь, немного южнее Северного

*Журнальный вариант.

полюса, совсем, понимаешь, рядом, по его степным меркам, всего в каких-то семистах – девятистах верстах от полюса, на берегу Ледовитого океана. Его географических познаний, усвоенных еще в средней школе, хватало, чтобы понять, что море перед ним Карское или Баренцево, а может быть, братьев Лаптевых, какая на хрен разница, и весь остальной мир, огромная, наполненная жизнью, животными, растениями-деревьями планета находилась внизу, к гребаному югу... Да, он об этом уже думал про себя... Не хватало только начать разговаривать с самим собой...

Все было южнее его маяка, и даже европейский Запад и монголо-китайский Восток, посылавшие ему жестокий и холодный ветер, и весь Советский Союз образца тридцатых годов двадцатого столетия находились южнее его плеч, рук, туловища и ног... Мир лежал под ним, под его ногами, он это понимал отчетливо, и этот безжалостный мир выбросил его из своих теплых оков на этот обледеневший полуостров.

Вина его заключалась в том, что когда в 1935 году из Китая, через восточную границу Казахстана, стали перегонять большие отары овец, чтобы пополнить численность баранов, истребленных в голодные 1929 – 1932 годы, он – Сакен, главный зоотехник области, – сказал, что вместе с этими овцами из сопредельного государства придут в наши края много различных заболеваний, в том числе туберкулез животных и бруцеллез, страшная напасть для животноводов, и что овец на границе нельзя принимать отарами, а надо исследовать каждую партию, а больных животных тут же уничтожать... До этого перегона из Китая среди животных Казахстана этих заболеваний не наблюдалось...

Несколько лет тому назад во время коллективизации вся живность в республике была уничтожена, а теперь перегоняли отары овец и коз, стада и табуны коров, косяки коней из северных районов Китая, где, кстати, жили все те же казахи, аргыны, керей или найманы, многие из них были близкими родственниками нынешних советских казахов. И зоотехник Сакен, увидев на перегоне, на границе, что среди животных есть больные бруцеллезом, понял, что и эта акция правительства обернется для несчастных казахов бедствием. Но никто его гневных слов не послушался, а его негодование не имело, казалось, никаких последствий. Лишь через неделю, уже в Семипалатинске, где он жил с семьей, а у него была и семья, жена и двое детей, ночью за ним приехали четверо сотрудников НКВД, и его арестовали, и после ночных же допросов и пыток его осудили, а потом отправили сюда, на этот пустынный берег зимнего океана.

Девять месяцев в году здесь лежал снег, все вокруг было ледяным, и раз в месяц с Большой земли приходил к нему сторожевой катер с пулеметами на борту и охраной, на котором ему привозили муку, тушу оленя или барана, он, зоотехник, так и не понял, что это было за животное, мясом которого люди поддерживали его жалкую жизнь. Туши были небольшие, замерзшие, весьма похожие на сайгачьи, но откуда здесь, на далеком Севере, сайгаки? За все эти годы он так и не понял, что «энкавэдэшники» кормили его тощакон, молодняком, телятами оленей и коров, не выживших в мороз и умерших прямо на стоянках. Стали бы они зеку привозить на маяк хорошее, не гнилое мясо, держи карман шире...

СЕВЕРНЫЙ МАЯК

Э то море в любое время года было холодным, поскольку Север Земного шара – это совершенно непостижимое и непокоренное место на Земле. Тем не менее и по этому темному холодному морю плавали корабли, транспортные, торговые и военные, и им был нужен маяк, горящий в темной

ночи огонь, дарующий надежду, или едва пробивающийся сквозь туман над волнами тусклый свет. Этот свет маяка предполагал, олицетворял наличие жизни на берегу, и только он – смотритель маяка – знал, что здесь, где он живет, нет никого, кроме него, что здесь безжизненная заледеневшая кромка земли. Маяк стоял на Краю Света.

Раз в полгода к нему приезжали метеорологи, они копались в своем метеорологическом ящике, который стоял в двухстах метрах от маяка, и, оставив ему пару пачек «Беломора», молча уезжали, мысленно пожелав ему здоровья. Разговаривать с осужденным на пожизненное проживание на маяке им было боязно, а вдруг это запрещено... Метеорологи каждый раз были другие, так что ни с одним из них он познакомиться или подружиться не мог.

Почти круглый год в небе над маяком висели серые облака, касаясь на недалеком горизонте тяжелых морских волн, и то это было в летнее и весенне-осеннее время, в другие месяцы над землей была зима, и в округе стоял мрак или полумрак, долгая Полярная ночь. В таких условиях он жил, как проклятый, выживая из зимы в зиму, из года в год. Ему казалось, что метеорологи и энкавэдэшники, навещавшие его, сами каждый раз сильно удивлялись, застав его в живых, удивлялись тому, что он способен переходить из длинной-предлинной ночи в другую, из одного короткого-прекороткого полярного дня в другой.

Летом ночи здесь были белые, светлые, солнце к полуночи лишь зависало над горизонтом и, постояв над ним пятнадцать минут, вновь начинало подниматься вверх... Весна – лето – осень здесь продолжались всего два месяца, остальное время года была зима. Весна была всего полмесяца, солнце разгоняло тяжелые тучи, обнажая синее чистое небо, на горизонте оно было даже чуть фиолетовое. Потом наступало лето, теплое, яркое, появлялась мягкая зелень, мох выползал на камни, карликовые деревья просыпались и пытались расти вверх, к солнцу, радуясь жизни... Осень могла быть несколько дней, но чаще всего она так и не наступала, откуда ни возмись, начинал падать снег, и вновь наступала зима. А потом приходила и дикая Полярная ночь с сумасшедшими метелями и шестидесятиградусными морозами. Он не знал, в каком месте, на каком расстоянии от его берега проплывают в холодную зимнюю ночь корабли и ледоколы и есть ли они вообще в этом море, эти железные, наполненные людьми и бензином, с моторными сердцами существа, но каждый день он был обязан зажигать на маяке электрический свет, для чего ему необходимо было неустанно следить за солярным генератором, дающим электричество маяку, озирающим своим тусклым светом окрестности, подающим его каменному жилищу, лежащему на дне маяка, освещению и некоторое тепло. Движок генератора должен был работать все время, постоянно, то есть ежедневно, без перерыва, для чего он обязан был заправлять его соляркой, и он следил за двигателем как мог. Но вот однажды в моторе что-то сломалось, и электричество перестало поступать наверх, к большому, остекленному толстым бронебойным стеклом полушарию, венчающему башню на макушке маяка, и маяк перестал светить. Он наивно думал, что отсутствие света на его маяке не заметят люди на Большой земле, но это оказалось не так. Через три дня приехали на сторожевом катере пять человек, среди них был офицер НКВД. Эта комиссия, иначе их и не назовешь, убедившись, что он не поломал ничего сам и что он еще жив, пару дней жила на маяке, пока механик исправлял аварию, поломку генератора. Именно в те дни из их разговоров он понял, что на Большой земле

началась война с Германией, узнал, что все эти люди, находящиеся так далеко от войны, мечтают попасть на нее, чтобы сражаться с фашистами, рвутся на фронт. Из разговоров же он понял, что немцы были разбиты под Москвой, что сейчас, весной 1942 года, война в самом разгаре. Он и сам знал, что сейчас весна 1942 года, следил за течением дней подобно Робинзону, но не вырезая зарубки – дни на дереве, а по настенному календарю, вполне современно. Радио на маяке не было. Это была бы для зека непозволительная роскошь.

А то, что немцы дошли до самой Москвы и были остановлены недалеко от нее, говорило о многом, это была для него большая новость. Прежде всего это было доказательством того, что страной руководил не гений, не бог, а обычный человек, который часто ошибался... Вот и доошибался до того, что немцы доползли до самой Москвы...

Офицер в звании капитана, о чем говорили нашивки на его синем мундире, уважительно посмотрел на него перед прощанием и сказал: «Ты, мужик, видать, из одного рода-племени с панфиловцами*. Который год здесь живешь, наладил хозяйство, баньку соорудил, вижу, одобряю...» Таково было признание его за крепкого человека. Вот только он не понял, кто такие «панфиловцы» и какое отношение он к ним имеет. А через несколько дней он забыл про это странное слово.

Его сильно встревожило известие о войне с фашистской Германией, она была нежелательна в любом случае. Он это хорошо понимал... И тут же загордился за своих земляков, которыми командовал неизвестный ему командир Панфилов, получалось, по словам офицера, что именно панфиловцы отогнали немцев от Москвы... Этих двух дней, пока механики и офицер были с ним на маяке, было достаточно для того, чтобы заполнить его бедную голову информацией для размышлений на целых полгода...

Еще он понял, что его маяк, ставший ему домом на многие годы, является стратегически важным объектом на Севере и что недалеко от маяка, возможно, в двухстах – трехстах километрах, или морских милях, или даже ближе, находится военная база для кораблей и подводных лодок Северного флота, откуда и приехали эти люди, отремонтировавшие его двигатель – генератор, движок-дружок, как он его называл.

Сакен усмехнулся тому, что назвал генератор своим дружком, так он свыкся с этим маяком, с этой землей, с этой своей судьбой.

Он еще не знал, что люди, оказавшись в полном одиночестве, среди этого мрака и полумрака, не выдерживают этой жуткой тьмы, мертвой зимней тишины, заброшенности, одиночества и часто сходят с ума через несколько недель жизни на маяке, и что морские начальники, отвечающие за регулярное функционирование маяка, перебрали десятки людей, разных профессий и разных национальностей, разного возраста, пока не наткнулись на него, казаха с высшим зоотехническим образованием, выпускника академии имени Тимирязева, что в столице СССР Москве, бывшего главного специалиста краевого управления сельским хозяйством... Осознавал ли он, что выжить в этих невыносимых полярных условиях помогали ему его древние гены степного животновода, привычные к длительному зимнему холоду, ветрам, буранам, крошечной космической тьме, в которой когда-то надо было жить его предкам, чтобы выжить, спасти

*Панфилов Иван Васильевич (1893 – 1941), Герой Советского Союза, генерал-майор, командовал 8-й гвардейской стрелковой дивизией, участвовавшей в героической обороне Москвы на Волоколамском направлении. Погиб в бою в ноябре 1941 года. В его дивизии, сформированной в Казахстане, воевало много казахов, 28 героев-панфиловцев остановили ценой своих жизней атаку 50 танков.

табуны и отары от гибели, стада коров, оберегая их от волков и мороза, чтобы степной народ не умер до весны от голода и холода.

Пять лет он учился в сельскохозяйственной академии, в студенческие годы недоедал, мерз в тонкой осенней одежде зимой, поскольку не мог позволить себе купить зимнее пальто, и все пять лет носил в холода отцовский тумак из лисьего меха... Учился он старательно, легко усвоил русский язык, думал, что все это ему пригодится в дальнейшей работе. И кому надо было его, отличного специалиста, загонять на далекий Север, сторожить эту каменную башню, на макушке которой обаян днем и ночью гореть свет? Кому-то, видно, надо было...

Каждое утро, проснувшись, Сакен умывался холодной водой, чистил зубы жестким зубным порошком желтого цвета, против цинги, как ему объяснили, а когда порошок кончался, ковырялся в зубах специально выструганными им самим палочками-зубочистками. Все равно Север сказывался, у него за эти годы сами собой, без всякой боли выпали три зуба, коренные, вставить на их место новые не было возможности, да и кто стал бы беспокоиться об его зубах...

Брился он своей старой бритвой, приобретенной им еще на воле, которую он всегда прятал то в складках одежды, то под подошвой сапога или ботинка. Бритва эта несколько раз выручала его в лагере, спасая от вооруженных заточками бандитов... Этот ритуал бриться он старался соблюдать раз в три дня, никогда не продлевал свою бородку, не запускал ее, не небрежничал. Мылся в бане, которую сам построил из камней, прежняя баня, построенная до него, была баней по черному, чадила и дымила. Однажды, моясь в этой бане, он чуть не задохнулся в ней, после чего развалил ее и построил новую, просторную, теплую, с маленькой, на одного человека, парной. Воду приходилось таскать заледеневшими ведрами из колодца с мутной водой, что было не легко, но надо было, ничего с этим не поделаешь. Изучая разные науки в академии, он проходил курс гигиены человека и животных, понимал, насколько она важна здесь, прежде всего, важнее всего... Только чистое тело и лицо, начисто выбритое, могли спасти его от губельного распада духа в одиночестве... Знания и тут помогали ему выжить в этих жутких условиях. Это он усвоил, это понял.

Сакен не надеялся, что ему скостят срок, уменьшат его долгие двадцать лет без права переписки с родственниками. Он не надеялся ни на кого, кроме самого себя. Он просто вычислил, что по окончании срока, его ссылки, ему будет пятьдесят пять лет, и оставшихся ему лет, если он все же выживет и ничего не изменится, ему хватит, чтобы подвести каким-то образом итоги этой жизни. И это все, что у него было и чем его наделил бог, в которого он почти не верил...

Верить в бога, значит, на что-то надеяться, быть благодарным ему за жизнь, а за что должен был благодарить создателя он, Сакен, в неполных тридцать лет вырванный из обычной жизни, замученный, как японский шпион, следователями, избитый железными прутьями, пытаемый огнем и водой, и голодом, и холодом. Он вновь вспомнил, как его и еще девятерых зеков держали неделю в холодном зимнем сарае, продуваемом ветрами, к концу недели выжил он один, не замерз, не заболел, как другие, не покончил с собой. Именно после этого испытания его отправили на этот маяк... «Крепок я оказался, однако», – подумал он про себя с гордостью.

Конечно, он сильно тосковал по своим раздольным казахстанским

степям, даже по заснеженной зимней буранной степи, с морозом в двадцать пять-тридцать градусов, которые здесь казались смешными...

Он часто представлял себе родную землю, чаще всего зимнюю степь. Там всю ночь мог буйствовать буран... А наутро буран затихал, и в степи снег сверкает под солнцем, и по этому снегу темными точками движутся всадники, и один из них держит на плече беркута. «Всадник с беркутом по девственному белоснежному насту выехал на охоту за лисицей...» – вспомнились ему стихи казахского поэта-классика.

«По девственному насту
Хоть к черту на рога,
Крепить души оснастку
Сквозь жгучий ураган,
И в самоотвержении
На отрицанье губ,
Скажу, что от рождения
Иначе не могу...»

– сами собой вспомнились стихи Вовки Горчакова, его студенческого друга, подававшего большие надежды выйти в поэты. Где ты, Вовка, жив ли, или погиб на фронте, или загублен властью, убит в одном из лагерей ни за что ни про что?

Книг иметь ему не полагалось, иногда только попадались ему старые газеты, которые он берег, как самого себя. Эти несколько выцветших старых газет о торжестве социализма в бедной стране были его скудной библиотекой. Из-за сенсорного голода, голода по новой информации, память стала выделять с ним разные штуки, иногда совершенно чудесные вещи, он стал почти полностью вспоминать прочитанное когда-то, как бы заново читая все, что было им некогда прочитано, едва ли не с первого класса. Вот и лезли ему в голову когда-то выученные им наизусть на школьных уроках стихи, а потом и другие, так называемые произведения литературы. Кому-кому, а именно ему, как никогда здесь, прежде всего нужна была литература – книги, книги, книги, сшившиеся ему в тревожных долгих снах...

Ему часто снилось, что он их держал в руках, перелистывал, читал неведомые во сне тексты. В одном кошмаре ему приснилось, что он нечаянно поджег страницы бесценной книги и в ужасе никак не мог потушить ее, а книга горела у него на глазах, и он обжигал пальцы, и плакал от злости, что огонь не гаснет... Пробуждение от этого кошмара было едва ли не самым счастливым его пробуждением, так он обрадовался тому, что это случилось с ним во сне, а не наяву. Это был настоящий голод по печатному слову, и его память, жаждущая новых типографских слов, выбрасывала из своих хранилищ тексты, из потаенных глубин вытаскивала фрагменты книг, целые стихотворения, даже иной раз на немецком языке, который он в незабвенном детстве изучал в школе... «Der Fichtenbaum steht algsam...»*

Так освежалась его память, подсовывая вместо новых старые, известные ему страницы, придавая им совершенно необычный, непостижимый, непередаваемый смысл. Лишь теперь, перечитывая в памяти старые книги, он понял, насколько были мудры авторы этих книг, гениальные степные поэты, которых он помнил на языке оригинала – казахском, и сильные рус-

*Первая строка из стихотворения И.В. Гете на «Севере диком стоит одиноко сосна...».

ские лирики, которых он читал, когда жил, учась, в Москве. Перечитывание в памяти прошлых книг помогало ему не сойти с ума.

Ух, ты, мы вышли из бухты,
А впереди
Великий океан,
Наши девушки
Спрятали рученьки в муфты...

– вспомнились вдруг ему слова песни из студенческого фольклора, и он закрипел зубами на свою подлую судьбу...

Из русских поэтов легче всех вспоминался Сергей Есенин, который был почему-то запрещен... Странно это было, такие простые, народные, можно сказать, стихи, и запрещены.

Где ты, где ты, отчий дом,
Гревший спину под бугром?
Синий, синий мой цветок,
Неприхоженный песок,
Где ты, где ты, отчий дом?

Мало кто знал, что у С. Есенина есть поэма о В.И. Ленине, которая начинается такими стихами:

Еще закон не отвердел,
Страна шумит, как непогода,
Хлестнула дерзко, за предел
Нас отравившая свобода?..

Точные слова. Именно, «нас отравившая свобода...» Рано, товарищи, поверили в свободу... Что интересно, студент-Сакен читал эту поэму о Ленине в общей тетради Вовки Горчакова, в которую тот записывал полюбившиеся ему стихи. В печатном виде он ее не видел. Но неужели и эта поэма, посвященная вождю мирового пролетариата, была запрещена? Если это так, что тогда надо писать во имя строительства социализма и коммунизма, одни только восхваления другому вождю – И. В. Сталину? И это будет литература, продолжающая А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого? Абсурд...

СТАТЬЯ О МАРСЕ

Уезжая, офицер, рассказавший ему о панфиловцах, сжалился над ним и как бы нечаянно бросил на пол, уронил вроде как свернутую вчетверо вчерашнюю газету «Известия», которая лежала на дощатых половицах, пока все они, приехавшие ремонтировать движок, не вышли из жилых помещений, не погрузились в катер и не отплыли прочь. Вчерашняя газета – для Сакена это было такое счастье, которое невозможно было как-то оценить! Лишь когда затих шум двигателей и сторожевой катер удалился на значительное расстояние, лишь тогда Сакен, провожавший их, бегом помчался в свою берлогу и жадно схватил газету обеими руками. Газета пахла свежей типографской краской, запах которой он вдохнул в себя с наслаждением. Весь оставшийся короткий летний световой день Сакен читал ее, наслаждаясь чтением нового тек-

ста... И потом еще несколько дней читал... Все в этой газете было наполнено дыханием великой войны, которая шла по украинской и русской земле, и каждая информация сообщала о подвигах красноармейцев на фронте, даже описывались некоторые эпизоды боев, о награжденных орденами и медалями. Лишь на последней странице газеты было несколько статей, посвященных мирной жизни. Одна из этих статей называлась «Наука должна служить жизни!», а написал ее ученый Г. А. Тихов, и вот что в ней говорилось:

«Долг ученых – своей деятельностью содействовать расцвету жизни на нашей планете – Земле. А ученых-астрономов, астрономических ботаников интересует жизнь и на других планетах. Я, как представитель этой области, позволю себе рассказать вкратце о работе сектора астроботаники Академии наук СССР, изучающего возможности растительной жизни на планетах солнечной системы, и в первую очередь на планете Марс.

Марс больше похож на Землю, чем все другие планеты, движущиеся вокруг Солнца. Планета Марс находится от Солнца приблизительно в полтора раза дальше, чем Земля, и потому климат на ней значительно суровее, чем на Земле. Однако в теплых местах Марса климат несколько мягче, чем в таких местах на Земле, как Верхоянск и Оймякон в Якутии. Вот почему с первых шагов своей работы сектор астроботаники начал изучать жизнь земных растений на высоких горах и в субарктике, где климат всего больше похож на марсианский. Марс значительно меньше Земли. Из одной Земли можно было бы сделать пять таких шаров, как Марс.

Марс вращается вокруг своей оси 24 часа 37 минут – сутки на нем не длиннее земных. К тому же ось вращения Марса наклонена к плоскости его пути от Солнца почти в точности под таким же углом, как ось вращения Земли. Поэтому на каждом полушарии Марса происходит в течение его года смена сезонов, как на Земле. Но так как год Марса равен 687 земным суткам, т. е. он почти вдвое длиннее земного, то и сезоны на Марсе почти вдвое длиннее земных.

Значительно большая часть поверхности Марса имеет кирпично-красный цвет, напоминающий цвет некоторых земных пустынь, и с полным основанием считается марсианскими пустынями. Значительно меньшая часть имеет более темный цвет, переходящий периодически в течение марсианского года от синевато-голубого до желтого и синего, что весьма напоминает сезонные изменения цвета земных листопадных растений. Однако, как и на Земле, некоторые темные места Марса круглый год сохраняют одинаковую окраску, которая, в отличие от земной, не зеленая, а синевато-голубая и даже фиолетовая. Эти цветовые изменения на Марсе давно уже дали повод считать, что на Марсе есть как листопадная, так и хвойная растительность. Однако против предположения, против гипотезы о наличии на Марсе растительности выдвигалось несколько существенных возражений.

Уже 10 лет тому назад астроботаника объяснила это явление следующим образом. Известно, что инфракрасные лучи Солнца несут половину его тепла. Поэтому земным растениям в умеренном и жарком климате эти лучи излишни, растениям от них слишком жарко, и они ими отбрасываются.

На Земле между растениями и животными существует тесное взаимодействие и связь. Растения впитывают из воздуха углекислый газ и вместе с водой образуют из него органические вещества – сахар, крахмал и другие, а освобождающийся при этом кислород выделяется в воздух. В свою очередь, животные питаются растениями, дышат выделяемым ими кислородом и выдыхают в воздух углекислый газ, который идет на воздушное питание растений. Таким образом, можно думать, что при существовании на Марсе растений там должны быть и животные.

Какие же следы существования животных можно наблюдать на Марсе? Существование животных бессловесных выявить и наблюдать нельзя. Можно обнаружить присутствие только разумных существ по тем изменениям, которые эти существа производят на своей планете. В свое время мысль о существовании на Марсе разумных существ поддерживалась открытием на Марсе «каналов». Однако эта мысль встретила сильные возражения вплоть до отрицания существования самих «каналов». Я не принадлежу к сторонникам отрицания каналов, так как некоторые из них я сам фотографировал и весьма отчетливо наблюдал глазом в хорошую астрономическую трубу. Но здесь я хочу обратить внимание на другое явление, которое весьма трудно объяснить действием простых физических и химических сил. Повернем задачу в обратном направлении. Спросим себя, можно ли было бы увидеть в наши сильные трубы с Марса те изменения, которые производят люди на поверхности Земли?

Не менее увлекательные перспективы рисуются и перед учеными других наук. И, конечно, для всех ученых ненавистна сама мысль о войне. Поэтому все ученые Советского Союза, как один, с радостью подписались под обращением Всемирного совета мира с требованием о прекращении войны... Все наши мысли – о жизни, о ее драгоценности, все наши силы – на ее сохранение и продление. И я заканчиваю возгласом: да здравствует жизнь во всей Вселенной!»

Под статьей стояла подпись автора: Г. А. Тихов, член-корреспондент Академии наук СССР.

Прочитав статью, Сакен недобро подумал про себя: «Этого ученого бы к нашему следователю на пару допросов, вот тогда стало бы понятно, о чем бы он стал мечтать...» И вновь вспомнились тяжелые дни и месяцы сидения в тюрьме, допросы и пытки, пытки... Следователь добивался от него, чтобы он признался в том, что является японским шпионом и поэтому ведет подрывную деятельность в животноводстве социалистического Казахстана...

Но сама статья ему понравилась, написана она была живо и интересно, а главное, со знанием дела. Сразу было видно, что автор не боится, что его признают марсианским шпионом... И по той же статье получалось, что условия жизни на Марсе и у него, у Сакена, здесь, на северном острове-полуострове, примерно одинаковы, такой же смертельный холод, и лишь иногда несколько теплых дней в году, так что ему приходится выживать, как марсианским растениям или животным, если таковые, конечно, на Марсе есть. Но Марс – это так далеко, его хорошо видно невооруженным глазом в ясную ночь, вон он – красная большая пуговка на темно-синем небе, весьма похожая на гранатовое зерно, такого же цвета да и такого же размера...

Если верить этой статье, то получалось, что условия жизни на Марсе почти ничем не отличаются от жизни в арктической Приполярной зоне, то есть от его жизни на маяке... Зимой до минус шестидесяти градусов по Цельсию, лета практически нет, снег и лед, но в те несколько недолгих недель, пока стоит полуторамесячная весна – лето – осень, жизнь кое-как пробивается сквозь холод и мрак, цветет мох и лишайник, карликовые деревья тянутся к солнцу, все вокруг зеленеет. Чем не Марс!

НАДПИСЬ НА СКАЛЕ

Странным образом эта статья в газете натолкнула его на другую мысль. Пять лет тому назад, когда его везли сюда, на маяк, в Красноярске снарядили небольшой пароходик, который назывался весьма странно – «Пио-

нерный», с шестью членами экипажа, седьмым был капитан, старый русский моряк. Вот они, и с ними Сакен, отправились по Енисею на север. Конвоя рядом с ним уже не было, да и куда бежать, не прыгать же в ледяную воду Енисея, глубокую и мощную реку. Так что заключенный Сакен свободно бродил по палубе, озирали окрестности, густо поросшие соснами и елями. Мимо проплывали редкие сибирские села, иногда виделись местные жители, женщины, дети да старики. Но большей частью на реке и на берегу никого не было, крутые берега да отвесные скалы, да деревья на этих скалах

И вот, когда плыли по земле хакасов, у села Новоселово на южном склоне утеса, который моряки называли Городовая стена, он вдруг увидел на одной из скал древнюю надпись, сделанную руническим письмом, то есть древнетюркской клинописью. Сначала матросы обратили его внимание на двух оленей, которые были изображены поверх клинописи, выбитой на скале. Два оленя, самец и самка, по замыслу художника предваряли надпись, которая была выбита древним художником-грамотеем на скале на языке далеких предков Сакена. Подобные надписи Сакен научился различать, дружа со своим школьным товарищем Губайдуллой Айдаровым, который был фанатиком древней письменности и все пытался доказать, что у тюрков была не только письменность, но и книги были, и мифология, и алфавит, и все остальное, обозначающее древнюю культуру. Он научил Сакена различать древнетюркские клинописные буквы, показал ему, какая черточка что обозначает и каковы особенности древнего письма. Всего в алфавите древних тюрков было 24 буквы...

Можно сказать, что Сакену в этот момент помогло само провидение, потому что пароход вдруг замедлил ход и остановился прямо против надписи... И вот пароходик стоял, качаясь на легких речных волнах, матросы и капитан кораблика, как и Сакен, уставились на эту высоченную надпись, возвышавшуюся над ними на скале.

Надпись была выбита, точнее, выгравирована на камне, в ней было, кроме изображения оленей, две строки древних букв. Тишина откуда-то пришла вдруг на корабль, матросы затихли, словно ожидая чего-то...

И тогда Сакен, зек, которого везли неизвестно куда на Север, шевеля губами, стал читать надпись на скале, как будто перед ним были строки из книги или из газеты.

«Когда враги и преграды были уничтожены, – читал он, – о мать река Кем (Енисей), и нас соединила глубокая артерия, то мы все как добрые друзья твой живем. Это наши исконные земли. Здесь я воздвиг крепость...»

Выше скалы, на берегу, в самом деле виднелись какие-то каменные сооружения, возможно, развалины той самой крепости, которую собирался построить предок...

Матросы, молча слушавшие Сакена, продолжали молчать, не решаясь нарушить таинство расшифровки древнего текста, с уважением глядя на зека, как на инопланетное чудо...

И тут пароходик стронулся с места, скала с изображением поплыла в сторону и вскоре исчезла. Сакен долго смотрел в ту сторону, где все еще высилась скала, на глазах его заблестели слезы.

Про себя он подумал: «Спасибо тебе, друг мой лучший, Губайдулла, что не поленился обучить меня древнему письму. Тысячу раз тебе спасибо! Видишь, я оказался способным учеником, через столько лет не забыл твои уроки, даже смог прочесть древние слова...»

Скорее всего, эта надпись была выбита по приказу правителя этой местности, чтобы засвидетельствовать в монументальной форме свое право на дан-

ную территорию, а также посредством обращения к такому крупному природному явлению, как река Енисей, или, как сказано в надписи, «Мать река Кем», так она называлась в древности, призвать соплеменников к миру и согласию. Видимо, недавно была война за эти же земли, и теперь после окончания войны этот правитель и велел сделать между, узаконивая свою землю.

Где ты теперь, друг мой Губайдулла, жив ли, здоров ли, не арестован ли, как тысячи твоих умных соотечественников?..

Эта надпись и удивительное чтение ее, так сказать, оригинального текста не только всколыхнули волну воспоминаний в памяти Сакена, но и вызвали разговоры среди членов экипажа «Пионерного»... Белобрысый матрос по фамилии Рыбаков, которого другие так и называли «Рыбак», или «Рыбачок», подошел к Сакену и прямо, без предисловий, спросил: «Слушай, Сакен, это на каком же языке ты читал каракули на скале?»

– На древнетюркском! – спокойно ответил Сакен, внутренне насторожившись.

– На каком, на каком? Это какой еще древнетюркский? Это турецкий, что ли?

– Мы, казахи, тюрки. Нашими предками были древние тюрки. Это была их земля, и эта надпись на древнетюркском языке! – с достоинством ответил Сакен.

– Ну, ты, чурка, даешь, на древнетюркском!.. Вот заливает, а! – стал глумиться Рыбаков. – Это когда же они здесь жили, на нашей сибирской земле, в какие времена? Ну, ты и академик!..

– Две тысячи лет тому назад... – едва сдерживая себя, ответил Сакен. Он вдруг понял, что ему, зеку, здесь ничего не угрожает и он может говорить свободно, как на воле. Конвоиров рядом с ним не было...

Капитан, которому было поручено доставить Сакена на маяк, старый мудрый человек, он много раз проплывал по реке мимо этой древней надписи, возвышавшейся на берегу реки, мимо этих странных букв с рисунками оленей. И как всякому капитану, плавающему по могучему Енисею, ему хотелось узнать, что же на ней, в самом деле, написано. И вот теперь со слов Сакена он все же узнал ее содержание и был доволен услышанным. Он и выручил Сакена, резко окликнув назойливого матроса: «Рыбаков, тебе что, делать нечего, марш на камбуз, займись уборкой палубы! Пошел!..»

«Слушаюсь!» – козырнул матрос Рыбаков и побежал выполнять поручение капитана.

В бедной голове вечного смотрителя маяка Сакена статья члена-корреспондента Тихова и древняя надпись на скале каким-то образом сомкнулись, сошлись вместе, между ними обнаружилась некая потаенная связь, значение которой он еще не понял...

СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЛО

В тридцатые годы прошлого жестокого века многие люди, граждане СССР, и не знали, что на них были заведены уголовные дела, по которым, если они утверждались в центре, людей арестовывали. Такое же дело было заведено за несколько дней до ареста на Сакена, а арест и последовавшее после него заключение в тюрьму были лишь логическими продолжениями этого. И сейчас, глядя на низкие облака, смыкавшиеся с тяжелыми морскими волнами, он вспоминал обстоятельства своего заключения под стражу. Он так часто вспоминал те злополучные дни, что иногда ему так и хотелось заорать на весь белый свет: «За что-о-о-о! За что вы мучаете меня, люди!

Что я вам такого сделал? Ведь я тоже человек! Человек же я!..» Но поскольку вокруг было белое безмолвие да шум морских волн, он молчал, иногда только тяжко вздыхал и продолжал терпеть эту подлую жизнь в этом обманчивом бренном мире...

Неизвестным нам сотрудником НКВД Сакен изобличался в том, что является членом антисоветской националистической организации и активно ведет подрывную работу. «Необходимо его арестовать и привлечь к судебной ответственности по статье 58 – 10 – 11 Ук РСФСР», – писал в своей служебной записке некий лейтенант, фамилию которого Сакену не сказали... Именно после этой записки Сакен был арестован и препровожден во внутреннюю следственную тюрьму НКВД Казахской ССР.

На первом же допросе ему предъявили обвинение в антисоветской националистической деятельности, в связях с троцкистами и правыми. Прошло всего лишь два года, как он вступил в партию, в ВКП (б), как она называлась тогда, считал себя преданным коммунистическому делу человеком, и обвинение, прозвучавшее в кабинете следователя, показалось ему какой-то злой шуткой, ошибкой, чудовищной по своей нелогичности и потому несостоятельной. Никакой антисоветской деятельностью он не занимался, поскольку в большей степени его работа состояла из командировок в различные районы области и края, и кого он мог агитировать против советской власти? Коров или быков, что ли, которых он же спасал от эпидемий, которые на языке зоологов называются «эпизоотии»? Л. Д. Троцкого он никогда в жизни не видел, знал, что тот находился в ссылке в Алма-Ате некоторое время, а потом уехал дальше, в Турцию, в Европу, в Америку, где его и убили... Правые? А кто они – правые? Те, что правее от него, или от кого правее? А он тогда кто, левый? А центристы тогда кто?

В следственное дело Сакена был вложен рапорт другого сотрудника, который писал следующее: «Довожу до вашего сведения о том, что 7 октября текущего года на допросе обвиняемого Сакена (далее следовала его фамилия) я требовал правдивых показаний, в чем мне арестованный отказал, запирался в течение тринадцати суток. Он ругался нецензурными словами, вел себя неадекватно, пытался избить меня, выхватил стул и замахнулся, пытаясь ударить, но мною стул был отобран. (После этой сцены в камеру ворвались охранники, и Сакен был сильно избит.) Свидетелем этого был следователь Баймурзин. Арестованный ругался в адрес органов НКВД, следствия и пытался ударить свою голову о стену...»

В момент отчаяния Сакен решил вышибить себе мозги и более не видеть, не слышать, не чувствовать ничего, ибо издевательства следователей были невыносимы.

Перед судом ему предъявили для ознакомления и подписи протоколы допросов, и он с удивлением прочел в них, что активную борьбу с ВКП (б) он начал еще в 1922 году, когда впервые выступил как организатор группы националистов... Но ведь тогда он жил в Москве, в студенческом общежитии и не был членом партии... А потом он был в этом институте единственным казаком, и кого же он тогда агитировал в националисты, русских, что ли, своего друга Вовку Горчакова, что ли? Или другого дружка, еврея Ленку Трахтенбройда? Хороши казахские националисты... Кроме всего прочего в протоколе было указано, что у него в квартире нашли и изъяли оружие, браунинг № 96389, и к нему семьдесят один патрон... Никакого пистолета у него никогда не было, он понадобился «следакам», как непроверяемая улика, от которой никак не отвертеться. Хранение огнестрельного оружия в тайне от властей – это уже готовая статья... В описи имущества

было указано, что в его доме нашли четыре ковра, дорогостоящие, которые опять же были изъяты. Между тем это были не ковры, а текеметы, цветные циновки ручной работы, сделанные руками его матери в девичьи годы и пришедшие в дом его отца в качестве приданого. Таких паршивых нелепостей в его деле было много, и он помнит, что, прочитав про «ковры», он закрыл глаза и в который раз подумал: «Сойти с ума, что ли, от всего этого...» Но такого счастья, как сумасшествие во время следствия, ему не досталось. А кто-то другой, попав в такие же условия, наверняка сходил с ума, съезжал с катушек и отправлялся напрямиком в лазарет, а оттуда уже в сумасшедший дом... Имитировать сумасшествие, как легендарный Камо, он не мог, не сумел бы...

Далее рукой следователя было написано, что «...в последнее время, когда группировочная борьба внутри ВКП (б) была разгромлена в известной мере, он якобы вошел в антисоветскую организацию, созданную в 1927-28 годах путем объединения с наиболее активными националистами Ходжиковым, Рыскуловым и другими, тогда и была, видите ли, создана контрреволюционная организация, в руководящий центр которой входили Рыскулов, Нурмаков, Садвакасов, Кулумбетов... Эти люди были известны ему, с двумя-тремя из них он контактировал по работе, они встречались ему и на совещаниях в краевом исполкоме, в обкоме или райкоме в Семипалатинске, в Алма-Ате. Ужасно было, что список так называемых националистов следователи в его деле продолжали пополнять, теперь в него вошли Мендешев, Асылбеков, один из них был министром юстиции, и другие... Со всеми ими он якобы встречался на всеказахстанском съезде Советов в 1928 году. Да, там было очень много людей... Оказывается, в ходе разработки пятилетнего плана они, националисты, разработали свои планы по подрыву мероприятий Советской власти и потом стали продвигать на ответственные посты своих людей, чтобы сорвать планы государства.

– Зачем вам все это? – спросил Сакен на последнем допросе у следователя. – За что вы нас преследуете?

– Вы ввергли своей преступной деятельностью народ Казахстана в голод и лишения, из-за вас погибли голодной смертью тысячи и тысячи ваших же соотечественников, вы специально неправильно истолковали идеи сталинской коллективизации! – был невозмутимый ответ.

– Ах, вот в чем дело! – едва не воскликнул Сакен, уже уставший удивляться. Только теперь он понял, что эти люди придумали, как им обвинить казахских интеллигентов в голодной смерти в конце двадцатых – начале тридцатых годов миллионов простых казахов. Так они их же, казахов, сделали причиной гибели сотен и тысяч соплеменников... Ради того, чтобы их обвинения выглядели правдоподобными, ради этого и нагромождались одно на другое все эти сфабрикованные дела. Но это обвинение было ужаснее ужасного, он хотел было сказать, но не стал говорить, что в эти голодные годы, когда люди буквально умирали на улицах городов и сел, в аулах, он сам и его семья в Семипалатинске едва не погибли от все того же жестокого голода, когда коллективизаторами были отобраны все излишки скота, то есть весь скот без остатка, и бедным людям, не имевшим ни зерна про запас, ни своих огородов, приходилось очень худо.

Большевики не хотели понимать, что казахи-животноводы по природе своей тем и отличаются от многих других оседлых народов, что у них в хозяйстве не имелось ни пашен с зерном, ни огородов с овощами, ни фруктовых садов. А был у них только скот, который, вырастив, они осенью обменивали на пшеницу, крупы, те же овощи, те же фрукты, те же ткани на

платья и другую одежду. Увидев во дворе у бедного казаха единственную лошадь, единственную корову да двадцать-тридцать баранов, колонизаторы думали, что этот казахский бедняк и есть настоящий бай – богач, эксплуатирующий чужой труд... Между тем большинство казахов имели именно такое хозяйство, перегоняли эту маленькую отару по степи и остатки скота обменивали. Баями и богатеями в степи были те, кто имел в собственности по нескольку тысяч коней, сотни коров и тысячи баранов, но в обязанность такого хозяина входило, чтобы его работники – бедные казахи – были живы и здоровы, ибо только из бедных семей вырастали батыры, защитники огромных территорий степи... Так были взаимосвязаны в Великой Степи богатые и бедные...

Увидев, что в хозяйстве у бедного имеется от десяти до двадцати баранов, коммунисты под видом коллективизации отняли у этих людей весь скот, и тогда эти бедные семьи начали вымирать от голода, ибо были отняты источники их существования... В самом деле, для русского крестьянина, имеющего несколько десятин земли, на которой он выращивал хлеб, пахавшего эту землю на единственной лошадке, такой же как он казахский бедняк, имевший несколько животных в хозяйстве, казался богачом... Но почему тогда бедный казах ходил в таких же лохмотьях, как его русский брат? Задумываться над этим было некогда, но зато была директива Ф. Голощекина: «Отобрать у казахов весь скот до последнего ягненка!..»

В октябре 1930 года на берегу все того же Черного Иртыша, через который многие казахи семьями и родами бежали в Китай, спасаясь от коллективизации, лежали огромные холмы загубленного скота, который не только отобрали у людей, но и тут же зарезали, устроив настоящую бойню на берегу. Мясо убитых животных – коров, лошадей, баранов и коз – свалили тут же в кучу в ожидании парохода, который должен был прийти на следующий день, чтобы отвезти этот груз в областной центр. Пароход не прибыл ни через день, ни через два, ни через неделю, мясо сотен животных, слегка прикрытое соломой, сгнило, не дождавшись холодов, пропало, а зимой в этот край пришел голод, который начал косить людей железной косой.

Сакен решил не подписывать протоколы собственных допросов, он не хотел ставить свою руку под этим клеветническим документом и прямо сказал об этом следователю. Тот только усмехнулся и позвонил по телефону в медчасть. Пришел врач с медицинской сумочкой, он сделал Сакену укол, и сознание его отключилось. Похоже, что после этого укола, или нескольких уколов, он стал признаваться во всем том, что ему предъявляли в качестве обвинения. На пересылках он узнал о том, что многих других просто обманывали, убеждая подписать признательные заявления, обещая сохранить жизни родных и близких. Но стоило только подписать признание, как человека тут же судили, а его семью, родных и близких арестовывали, обвиняя в пособничестве врагу народа, и отправляли в тюрьму. Женщин направляли в Акмолинский лагерь для жен изменников родины – Алжир, а детей загоняли в детские дома и приюты, где им была уготована жалкая участь детей «врагов народа»...

После того как его ознакомили с его уголовным делом, а потом укололи, чтобы, как он понял позднее, он сам поставил подпись своей рукой под признательным протоколом, был суд, перед которым его ничем не кололи, не били, и он, вполне придя в себя, отказался от всех обвинений, которые ему предъявил судья, и заявил: «Все, что здесь творится, – это оговор моего честного имени, ни в какой антисоветской организации я не состоял, никакой подрывной деятельностью не занимался, никаких разговоров, поро-

чащих меня, не вел, ни с кем, ни в каких связях не находился. Я член коммунистической партии с 1930 года, и если суд признает меня невиновным, готов вернуться к своей работе, чтобы честно исполнять ее...»

Но судьи, выслушав его, возражать или что-то говорить по делу не стали. Им все было известно заранее. Сам суд длился всего двадцать минут, прокурор зачитал обвинение. Адвоката на процессе не было, Сакен, получается, защищал себя сам. Сам себя оговорил, сам себя обвинил, сам себя защищал... Он не запомнил, в какое время суток проходило судебное заседание, не заметил, в окна не посмотрел, сосредоточенный на своей судьбе. Серая мгла охватила его сознание. Страх, предчувствие кошмарного конца сковали его волю. Прошло всего пять минут, и трое судей вернулись в зал судебного заседания, и старший из них зачитал ему приговор: высшая мера наказания – расстрел.

Он совершенно безучастно воспринял приговор и уже в камере попросил листок бумаги, на котором написал прошение о помиловании. Неизвестно, что сыграло главную роль – его прошение или что-то еще, но через пару дней его снова доставили в зал суда, где объявили, что высшая мера наказания – расстрел – заменена ему на двадцать пять лет заключения без права переписки с родными и близкими.

Сейчас, когда он вспоминал обстоятельства своего следственного дела, шел уже 1943 год, и он не знал, да и не мог знать, находясь в ссылке на маяке, что жестокого наркомана Генриха Ягоду сменил не менее кровожадный Н.И. Ежов. А после Ежова к власти пришел иезуит Лаврентий Берия, под началом которого некоторые некоторые прошлые дела были пересмотрены, и за фальсификацию уголовных дел и злоупотребления служебным положением некоторые работники НКВД, мучители невинных людей, сфабриковавшие на них уголовные дела, были, в свою очередь, арестованы и уничтожены в 1939 и 1940 годах... Тем не менее его, Сакена, приговор не был никем отменен... Кому какое дело до какого-то казаха-ветеринара, гниющего на далеком арктическом маяке... Говорят, что И. В. Сталин на вопрос: «Что нам делать с оправданными после повторных процессов людьми?» – невозмутимо ответил: «Ми нэправилно осудили нэвиновных, они уже отсыдэли свой срок и теперь стали нашими врагами... Пусть сидят дальше, зачем нам освобождать врагов – а?...» И Сакен, как и многие другие невиновные люди, продолжал торчать на этом острове или полуострове, обреченный на одиночество и верную гибель. Рано или поздно суровый климат и одиночество должны были его погубить.

ЯВЛЕНИЕ ИЛЬЯСА

Стремительно летели однообразные и муторные дни и недели, в Европе и Азии огромное количество людей при помощи огнестрельного оружия истребляли друг друга, а он все так же жил на маяке, один, срывая с отрывного календаря листок за листком, день за днем, неделю за неделей. Он бы, наверное, совсем одичал, если бы не приезды с Большой земли людей, которые не забывали о нем, об еще одном зеке в этой огромной стране, состоящей из многих миллионов людей, половина которых находилась на свободе, а вторая половина была под следствием. Такая это была страна.

Ильяса привез весной 1945 года все тот же сторожевой катер, на котором приплывали с Большой земли энкаведэшники, метеорологи и механики. С утра Сакен суетился по своим хозяйственным делам, как бы почувствовав значительные перемены в жизни. Он давно понял, что военно-мор-

ская база находится от его острова на расстоянии 10-11 часов езды по морю, может быть, в 200 морских милях. В полдень, увидев сторожевой катер издали, он стоял и ждал на берегу, надеясь на чудо, на известие о том, что отменили его приговор и он отправляется домой. Но вместо отмененного приговора к нему на остров привезли Ильяса, такого же, как он, тюрка, не казаха, а кумыка, и тоже зека, но только Ильяс был зек странный, он был, как оказалось, зек добровольный...

Люди, которые привезли Ильяса, были совсем другие, не те, что были до того, пока ими командовал сердобольный капитан, уже ушедший добровольно на фронт. А Сакену начинало казаться, что между ним и суровым капитаном ГБ начинали устанавливаться какие-то пока не уловимые, но симпатии... Или это ему только казалось... Также Сакен был рад тому, что он не рехнулся от одиночества в полярные зимы и бесконечные ночи и в здравии встретил второго соотечественника.

Приученный к молчанию и безропотному подчинению, Сакен стоял и наблюдал, как Ильяс сошел вместе с сопровождавшими его лицами с катера, а потом оказался рядом с ним.

– Меня зовут Ильяс, – сказал новоприбывший и протянул руку для рукопожатия.

– А меня зовут Сакен, – ответил Сакен, пожимая крепкую, сухую правую кисть Ильяса.

Молоденький офицер ГБ в синей шинели с погонами лейтенанта объяснил Сакену, что теперь Ильяс будет жить с ним на маяке, на что Сакен радостно кивнул и заулыбался. У него появился друг, да еще и свой, азиат, вдвоем лучше, чем одному.

Он не мог знать, что по разрядке Ильяс должен был заменить его, уже умершего от холода или сошедшего с ума от одиночества. Не только здесь, на маяке, но даже на Большой земле, на острове, носящем имя его открывателя Франца Иосифа, люди сходили с ума, не вынеся лишений, холода, голода, ночного полярного мрака.

– Посмотрим, посмотрим, – сказал молоденький офицер, – посмотрим, как вы тут заживете вдвоем... – Офицер, только что окончивший специальные курсы контрразведчиков, еще помнил рассказы Джека Лондона типа «Белого безмолвия», в которых люди, попавшие в аналогичные условия, гибли или убивали друг друга... «Может быть, вы тут перегрызете друг другу глотки, а мы на вас посмотрим, после чего вычеркнем, наконец, вас из списка живых!» – хотел сказать он, но промолчал.

Но, не произнеся эти роковые слова, он ухмыльнулся про себя, глянув на Сакена молодыми, но уже злыми глазами непримиримого стража интересов коммунистического государства, и дал команду своим людям к отплытию. Катер медленно удалился от берега, и они, два зека, остались вдвоем, одни на острове. Но вдвоем – а это ведь здорово как хорошо!

Все это походило на некий эксперимент, который кто-то продельвал с Сакеном. Сначала несколько лет его держали одного. Потом, убедившись, что он не сошел с ума, не повесился, не утонул в холодном море, привезли к нему другого человека. Жаль, конечно, что не женщину... Но и мужчина, известное дело, – это было неплохо, все-таки живая душа. Могли гэбэшники ради шутки завести к Сакену и женщину, но тогда здесь, на острове, возникла бы само собой семья, а это гэбэшникам было ни к чему. Так шутить они еще не умели...

То, что как на возможную замену ему, Сакену, привезли мужчину, что-бы Сакен обучил пока его всем премудростям жизни на маяке, было хоро-

шо во всех смыслах. Теперь они могли успешно охотиться на больших морских животных, моржей, пополнив свои запасы пищи. Одному трудно было вытащить тушу убитого острогой моржа из воды...

Первые пять-шесть дней Сакен не мог наговориться с Ильясом, расспрашивал и расспрашивал его обо всем, что только мог вспомнить о жизни на Большой земле, на континенте, лежащем там, внизу, под Полярным кругом.

Это было удивительно, что вот они, два тюрка, казах и кумык, оказались вдвоем на северном маяке, далеко от родной земли, далеко от людей.

Сакен был несказанно рад, что теперь он не один, и еще более был он рад тому, что его новый спутник оказался кумыком. Кумыки – это ногайский народ, потомки древних кыпчаков.

Долгими зимними вечерами, чаще всего перед сном, Ильяс рассказывал ему о людях, с которыми ему приходилось встречаться в тюрьме, на пересылках, в тайге на лесоповале.

Хотя вот уже несколько десятилетий в степи царило всевластие красных «держиморд», прошла коллективизация, унесшая миллионы казахских жизней, многие в те трудные времена продолжали считать казахов «кочевниками», которые умели только пасти скот, перегоняя его с места на место. Даже и сейчас есть такие «деятели», которые так считают. Откуда им знать, что среди кочевников каждое столетие рождались крупнейшие личности, которые на много лет вперед провидели судьбу народа...

Ильяс был коренастый крепкий мужчина, сорока пяти-пятидесяти лет. Он был арестован в 1937 году, отсидел под следствием два года, ни в чем не признался, был сильно бит и пытан, прошел все круги ада в застенках НКВД. По личной просьбе тогдашнего первого секретаря автономной республики его не расстреляли, а оставили в живых... В 1944 году он был неожиданно освобожден, но под чужим именем... До ареста он был известным в своей республике человеком, и вот теперь, при условии, что не будет настаивать на возврате своего имени и прежнего положения, его оставили жить еще некоторое время на земле... Чужое имя, таким образом, спасло его от неминуемой гибели. Это, конечно, невероятная история, но она произошла именно с ним... Дело в том, что до ареста Ильяс был знаменитым писателем, известным далеко за пределами своей маленькой советской автономной республики... И вот, освободившись, он поехал к себе домой, под чужим именем, находясь под прокурорской акцией защиты свидетеля, которая в те далекие времена почти не применялась... Но, приехав к себе на родину, он вдруг обнаружил, что все его книги изданы и переизданы, даже то, что находилось в рукописях, было бережно сохранено и вышло в свет в виде новых красивых книг. Это было еще одно чудо, на которое он не мог и надеяться, но об этом, он только теперь стал догадываться, позаботился все тот же первый секретарь ЦК республики... Оказалось, что он великий классик, случайно погибший в 1939 году. В тех же школьных учебниках литературы и истории стояли над его произведениями даты его жизни и смерти... А затем в этих книгах, учебниках и хрестоматиях был опубликован текст его произведений, все как прежде, без изменений, он стал классиком отечественной литературы. Так судьба над ним посмеялась и в этом случае. Он, неузнанный, бродя по улицам родного города, видел огромные плакаты, предвещавшие его пятидесятилетний юбилей, и поэтому не зашел ни в одну контору, ни в одно учреждение, в которых его могли узнать по внешности... Растерянный, он не знал, что ему делать, но ностальгия оказалась сильнее всего, и он поехал в свой родной аул. Размышляя, почему это с ним произошло, он пришел к выводу, что, поскольку он ни в чем

не признался, никого не выдал, не предал, НКВД не могло его взять и уничтожить. Понять свою жизнь, как прихоть судьбы, он опять же не хотел. Да, за счет программы защиты свидетеля он остался жить, но свидетелем чего он был, какого события? Свидетелем исторических процессов, происходящих вокруг, или все же свидетелем какой-то конкретной истории, в которой кто-то все-таки преступник, а он свидетель обвинения... Он не понимал, не знал, ему никто не сообщил о сердобольном и честном секретаре ЦК, спасшем его от физической смерти, которому его имя нужно было, чтобы хоть как-то спасти национальную литературу от полной гибели... Связанные по рукам вмешательством высокого лица в это уголовное дело, люди из НКВД не могли выпустить его на свободу просто так, извинившись за ошибку. НКВД никогда ни перед кем не извинялся и не собирался извиняться. Его выпустили на волю, вручив паспорт другого человека, и с этим поддельным паспортом он вернулся однажды к себе домой, но в живых его родителей уже не было, жена вышла замуж за другого человека и уехала. Так что опознать его никто не мог... И совпало таким образом, что в те же дни в его родном ауле, в 1944 году, состоялись его же юбилейные торжества, на которые прибыло много гостей. Хотя в условиях войны юбилей не мог быть очень уж пышным и широким, но небольшой праздник-той и затем байга, конные скачки-состязания состоялись. Ему очень хотелось признаться, что он жив, вот он – живой, стоит в родном ауле, посередине площади перед магазином, но здравый смысл пересилил, и он не произнес ни слова... Иначе какой же это будет юбилей классика, если сам классик, оказывается, еще жив... И что ему оставалось делать?

И все же один человек его узнал... Он встретился с ним, когда стоял прямо под своим портретом, перед трибуной, которую возвели по случаю праздника и на которой должно было стоять и смотреть байгу местное начальство... И они, почетные гости, уже сидели и стояли на трибуне, а рядом с ней колыхался на ветру его, Ильяс, большой портрет с цифрой – 50, и тут его родной племянник наткнулся на него, проходя мимо, он спешил посмотреть байгу... А байга в тот день проходила в открытой степи, недалеко от его родного аула, кони скакали вокруг сопки, на которой все это и происходило... Всадники, в основном это были дети, поскольку взрослые жокеи почти все поголовно были призваны на войну, должны были скакать вокруг сопки на разные дистанции почти весь день. Лошади с удалыми мальчишками в седлах мчались, обгоняя друг друга. Самая большая байга, любимое зрелище степняков, должна была длиться несколько часов, поскольку кони намерены были проскакать вокруг огромного холма два круга, то есть два раза обогнуть холм. Все это было очень и очень красиво!..

Племянник Ильяса спешил рассмотреть байгу, он желал победы своим всадникам и своим лошадям, пробегая мимо, он мельком взглянул на Ильяс и сказал ему: «Здравствуйте, Ильяс-ага!..» И побежал дальше... Но тут смысл происходящего с трудом, но стал доходить до него, и племянник замедлил шаги, а потом и вовсе остановился... Потом повернулся и побежал к нему. Подойдя вплотную, он, бледный, сходящий с ума, сказал теперь трясущимися губами: «Это вы, Ильяс-ага?» А над ними колыхался плакат с портретом классика отечественной литературы и цифрой – 50.

«Это я! – ответил Ильяс и прижал палец к губам. – Тихо... Молчи... Никому ни слова... Иначе нам обоим конец!..»

Племянник упал от испуга на колени и ойкнул. Потом протянул к нему руки... А Ильяс отвернулся от него и пошел прочь, подальше от трибуны, от этой толпы людей, приветствующей скачущих на конях, от толпы род-

стенников, женщин и стариков, которые тоже могли узнать его... Могли опознать его, как и племянник, который, сидя на земле, плакал оттого, что в таком раннем возрасте сошел с ума. Ему не было и двадцати лет...

После поездки домой, на свой собственный юбилей, Ильяс явился в областное управление ГБ, объяснил своему следователю ситуацию, в которой оказался, и попросился куда-нибудь подальше от родной своей земли, куда-нибудь, пусть даже на Север... Так и он оказался на маяке, помощником смотрителя маяка, и метеорологом, и радистом, и кем-то еще, кем он мог быть. Ильяс имел техническое образование, а литература в свое время была его замечательным увлечением. Эта беда, приключившаяся с ним, привела к тому, что он перестал писать совсем, не мог более сочинять стихи и прозу, его литературный дар подкосил его собственный юбилей, на который он попал в качестве постороннего лица.

БИТВА ЖЕЛЕЗНЫХ МОНСТРОВ

В тот день море было спокойным, ярко светило солнце, забравшись под самое небо, и лишь несколько небольших облачков бессмысленно болтались по огромной синеве. Сакен и Ильяс перед маяком пилили двуручной стальной пилой дрова для субботней бани и сначала даже не заметили, что на морских волнах что-то происходит. Отдаленный пушечный выстрел, потом другой послышались на горизонте, и когда зеки, сразу насторожившись, посмотрели на море, то их удивлению не было границ. До этого они видели только «свой» сторожевой катер, который не достигал в длину и двадцати метров, а тут на далеких волнах, у самого горизонта возвышался и палил в небо из зенитных пушек большой крейсер... Над ним, над крейсером, казалось, ничего не было, но матросы на корабле продолжали часто-часто стрелять из зениток высоко в небо, как будто над ними летел и угрожал им самолет. «Шух-шух-шух-шух-шух...» – слышался орудейный залп, снаряды разрывались под самым небом, и, подняв глаза, чего они давно не делали, зеки увидели высоко-высоко вне сферы взрывов большой черный круглый объект... Этот объект, прозванный позднее всеми любителями чудес «летающей тарелкой», не висел на месте, а неслышно скользил по небу, стремительно передвигался, да с такой скоростью, что попасть в него артиллерийским снарядом было невозможно. И не просто так с корабля пытались попасть в него, хотя это было и немислимо, объект не был безобидным. Регулярно, каждые пять-шесть секунд из него вылетала резкая белая молния, которая или вбивалась в море рядом с кораблем, или попадала в сам корабль. Корма крейсера уже горела, чадя черным дымом, зеки почти не видели людей на корабле, только какие-то мелкие черные точки, которые бегали по палубе туда-сюда, а некоторые выбрасывались за борт, в ледяную воду...

– Плохо дело! – сказал Ильяс Сакену. – Вон тот черный шар, – так он назвал «летающую тарелку», – похоже, немецкий...

– С чего ты взял, что шар немецкий? – спросил Сакен недоуменно.

– Да откуда у русских такая техника! Без крыльев, без рук, без ног...

«В самом деле... Откуда?..» – подумал Сакен. Ему стало немного обидно за своих русских с их грубой, гремящей, стучащей, сверхнадежной техникой... Но вот такую технику, как этот железный шар, они изобрести не смогли.

«Шух-шух-шух!» – пушка с крейсера дала последний залп, и тут прогремел мощный взрыв, который вывернул нутро корабля наизнанку, и корабль

начал тонуть. И тут в небе, со стороны солнца, наконец-то, видимо, с Большой земли, скорее всего по вызову с корабля, появился истребитель, который должен был сразиться с «летающей тарелкой». Раздалась очередь из его пулеметов, которая, кажется, задела железный шар...

Между тем корабль продолжал тонуть, и люди стали прыгать за борт по несколько человек сразу...

– Они даже не успели спустить на воду шлюпки, несчастные! – воскликнул Ильяс.

– Люди не выживут, не доплывут до нас в холодной воде!.. – сказал Сакен Ильясу. – А у нас ни лодки, ни плота... Ничего у нас нет!

– Смотри! Смотри! – закричал Ильяс. – Он его подбил!..

Сакен посмотрел туда, куда показал Ильяс, и увидел, как над тонущим кораблем пронесся большой серебристый истребитель. Взмахнув крылами, истребитель поднялся вверх, разворачиваясь, и тут Сакен заметил, что «летающая тарелка», или «черный шар», как ее назвал Ильяс, мчится вслед за самолетом, не отставая от него... Из тарелки вырвался белый луч, который пронзил истребитель, и тот загорелся ярким красным пламенем, а потом за ним потянулся черный дым. Самолет сгинул в волнах...

– Смотри! Смотри! – снова закричал Ильяс. И тут Сакен с ужасом увидел, что «летающая тарелка» летит прямо на них... На их маяк. На них, на двух веков...

– Черт знает что! – выругался Сакен. – Что это такое?

– Вот именно, was ist das? – в тон ему произнес восторженно Ильяс.

Между тем «летающая тарелка», стремительно приближаясь и увеличиваясь в размерах, промчалась над ними и с грохотом упала на дальние прибрежные камни...

– Что за тип самолета? – спросил Сакен у Ильяса, но тот только пожал плечами, с тревогой продолжая глядеть на море... Не проплыв и двадцати метров, люди тонули в ледяной воде, а за спинами плывущих к маяку медленно погружался в черные волны крейсер. Через несколько минут все было кончено, как будто ничего и не было. Мир безмолвия вновь поглотил все громкие звуки, только что издаваемые кораблем, самолетом, «летающей тарелкой», и только они, двое, два советских зека, стояли на берегу все такого же открытого небу и солнцу моря.

Делать было нечего... Все, что произошло, находилось вне их досягаемости, они не были участниками этих стремительных событий, а лишь нечаянными свидетелями... Сакен и Ильяс переглянулись и отправились искать «летающую тарелку», так этот объект назвал Сакен, или «железный шар», как его назвал Ильяс.

«ЛЕТАЮЩАЯ ТАРЕЛКА» – КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ ИНОПЛАНЕТЯН

И вот, вооружившись острогой, с помощью которой Сакен охотился на моржей и тюленей, они пошли к тому месту, куда упал потерпевший аварию объект. Вскоре они нашли его... Это был металлический аппарат дисковидной формы, диаметр его был около тридцати метров, в высоту – около шести метров. «Тарелка» врезалась боком в береговой грунт и там застряла.

В верхней и нижней частях поверхности аппарата находились выпуклые иллюминаторы, по шесть штук с каждой стороны. Металл обшивки по цвету походил на полированный алюминий. В местах соединения верхней и нижней частей металл был темнее. В нижней части корабля располагалась

овальная дверь размером 1 на 0,75 метра. От удара об землю она приоткрылась... Каких-либо посадочных устройств типа колес или лыж, или еще чего-либо Сакен и Ильяс не обнаружили. Они робко, страшно боясь, вошли через дверку внутрь. Их глаза увидели большое, светлое, освещаемое изнутри помещение, в котором находились три вращающиеся сиденья и приборное обеспечение на стенах. В одном из кресел лежало тело пилота. Оно было маленьким, сначала они подумали, что это ребенок... Рост его не превышал 1,2 метра. Он был одет в серебристый комбинезон. Пилот лежал, свисившись головой вниз. Когда Сакен поднял его голову, чтобы рассмотреть, ожидая увидеть лицо карлика или ребенка, ужас охватил его. Пилот не был человеком... И он дышал, он был жив...

Открыв глаза, он увидел Сакена и улыбнулся ему... Ильяс, с острой в руках стоявший за Сакеном, охнул и медленно опустился на пол. От шока он потерял сознание.

ПОРТРЕТ ИНОПЛАНЕТЯНИНА

Выражение лица у инопланетянина было почти детское, наивное, и Сакен сразу решил назвать его про себя «Бейимбетом», поскольку таким наивным, беспомощным мог быть только один человек на Земле, замечательный писатель Бейимбет Майлин, лучший среди казахских писателей новеллист и рассказчик.

Сакен, вспоминая студенческое время, неожиданно как-то для себя извлек из памяти следующие сведения о человеке. Эти сведения о положении человека в природе из вузовского учебника биологии весьма полезны будут для тех, кто думает, что человек есть нечто исключительное, некий супер или сверх нечто. Человек на самом деле не является никаким исключением в мире животных. В нем нет ничего особенного такого, чтобы так уж гордиться своим обликом или еще чем-то... Вот что вспомнил Сакен:

«Человек занимает в природе следующее место:

царство — животные,
 подцарство — многоклеточные,
 тип — хордовые,
 подтип — позвоночные,
 класс — млекопитающие,
 отряд — приматы,
 семейство — гоминиды,
 род — гомо (Homo),
 вид — сапиенс (sapiens).

Сформировался «человек разумный» 30 000 лет тому назад. Человек — существо социальное, живущее в искусственно созданной им самим среде, которую постоянно меняет», — так было написано в учебнике, который заучивал наизусть в свое время московский студент казахского происхождения...

И вот теперь, столкнувшись, нос к носу, с инопланетянином, Сакен пытался сравнить себя — человека разумного, Homo sapiensa с другим разумным существом. Получалось, что все параметры с «Бейимбетом» у него совпадали... Оба они были животные, то есть у каждого из них имелся живот, который обеспечивал жизнеспособность всего организма, существа они были опять же многоклеточные, хордовые, позвоночные, млекопитающие, при-

маты, то есть обезьяноподобные. И только теперь начинались различия – Сакен был гоминидом, а кем был в таком случае «Бейимбет»? Тоже гоминид, или все же инопланетянин? Если «Бейимбет» гоминид с далекой планеты, то какова степень его «гоминидности»?

Цвет тела у «Бейимбета» был серым, покрытым небольшой шерсткой... Голова была похожа на грушу, подбородок зауженный. Глаза карие, а зрачки вертикальные, как у кошки, значит, он мог видеть и в темноте... Рот имел не щелевидное отверстие, как у человека, а был овальным. У него не было губ, вокруг края рта была красная кайма. Во рту был ряд зубов, на нижней челюсти зубов было больше, чем на верхней. На животе не было пуповины, также не были как-то хотя бы обозначены половые органы. На пальцах рук и ног были не ногти, а заостренные коготки.

Вероятно, от удара при приземлении или же в воздушном бою у «Бейимбета» была сломана нога, и на заживление ее требовалось время. Он безропотно принял в своем «доме» двоих землян, только улыбался им и что-то произносил на своем кошачье-птичьем языке... Но через несколько дней общения, все так же лежа в своем просторном вращающемся кресле, которое служило ему и ложем для сна, морщась от боли, он начал разговаривать с ними на русском языке...

Так они стали прозывать инопланетянина «Бейимбет», и даже иногда обращались к нему с этим именем, на которое тот живо откликался. «Бейимбет» быстро усвоил русский язык, на котором к нему обращались Сакен и Ильяс, а вот они, напротив, выучить его язык не смогли. Из этой замысловатой смеси птичье-кошачьего и невесте еще какого языка, на котором изъяснялся инопланетянин, они так и не смогли запомнить или воспроизвести ни слова. Не может человек говорить на языке других существ или животных...

Так они прожили на этом диком полуострове несколько недель, изучая инопланетянина и исследуемые им. И что странно, после «битвы железных монстров» и падения «летающей тарелки» к ним более никто не приезжал, не навещал ни Сакена, ни Ильяса. Они не знали, что инопланетянин был не только существом высшей расы, но и практически магом, и его магическая сила не подпускала к этому острову людей, пока он лечился от ранений в своей «тарелке». У инопланетянина было достаточно способностей и силы, чтобы не подпустить к себе, к своему космическому аппарату людей, он умел закрываться от них достаточно надежно. Люди, если инопланетянин сам не пожелает, не смогли бы контактировать с ним...

Питались они мясом моржей и тюленей, которых подбивали на берегу или среди льдин. «Бейимбет» не мог есть их пищу, его организм не смог бы освоить ни капли мяса или жира тюленя или моржа. В его «летающей тарелке» имелась небольшая ниша, подойдя к которой, он слегка касался ее рукой, и из ниши выпадал ему в руки небольшой тубик с питательным веществом, который и поддерживал его силы.

Гоминиды, к которым принадлежал «Бейимбет», называли себя народом «Бледные Лисы». Они летели на своем звездолете, путешествуя по космосу, и на окраине Солнечной системы обнаружили, что на третьей от звезды планете имеется биологическая жизнь. Весь экипаж их звездолета некоторое время находится в состоянии психического шока от этого известия. Теперь они не могли покинуть пределы Солнечной системы, не исследовав землян и их человечество, их планету.

Но тут на Земле началась большая война между людьми, и Бледные Лисы, находясь за орбитой Марса, были вынуждены погрузиться в анабиоз-

ный сон, пока война не завершится, поскольку они не могли выступить с их невероятным космическим оружием на чьей-либо стороне...

Около семи оборотов вокруг Солнца совершила Земля, прежде чем земляне прекратили свою последнюю войну...

И тогда Бледные Лисы проснулись и отправили «Бейимбета» на Землю. Его шлюпка, которую люди позднее стали называть «летающей тарелкой», в первую же экспедицию на Землю, после прохождения атмосферы, в одном из северных морей планеты наткнулась на большой крейсер, охотившийся за американскими подводными лодками... «Бейимбет» хотел вступить с моряками в контакт, но был обстрелян. В ответ он ударил по крейсеру из своих лучеметов...

ДВА ГОДА И ЦЕЛАЯ ВЕЧНОСТЬ

В одной из бесед с людьми инопланетянин сказал следующее: «Меня предупреждали, что я не должен вмешиваться в дела людей. Но у вас тут, оказывается, все еще идет война, разумные существа уничтожают других разумных существ. Этот корабль, который подбил мой аппарат, за несколько минут до этого глубинными бомбами потопил подводную лодку, в которой были около ста человек... Мой аппарат находился высоко над кораблем, когда и в него попал снаряд из их пушки... Мой аппарат потерял прежнюю маневренность и стал мишенью для пушек с корабля... Тут еще этот самолет, который напал на меня и стал преследовать. Пришлось, защищая себя, уничтожить их. Я тяжело ранен. Мне надо лечить себя, а это займет много времени.

Они хотят сбросить атомную бомбу на людей, я должен был им помочь, но не сумел, не долетел до тех людей. Через два ваших земных года я оживу, – неожиданно сказал им «Бейимбет», – вот тогда посмотрим, что нам делать!» – и с этими словами он закрылся в анабиозной камере, которая должна была залечить его раны, восстановить органы, вдохнуть в него новую жизнь. В таких камерах инопланетные пилоты, как понял Сакен, могли жить в спящем состоянии десятки, сотни, возможно, тысячи лет, пока их корабль летит в космосе, преодолевая миллионы и миллионы километров, отделяющие одну звездную систему от другой.

Инопланетянин «Бейимбет» не отличал немцев от русских, американцев от немцев, американцев от русских, японцев от американцев. Многие события на планете, во время которых то и дело самолеты бомбили города, танки крушили стены домов вместе с людьми, крейсера топили подводные лодки, а подводные лодки, в свою очередь, торпедировали крейсера, теплоходы и такие же, как у них, но чужие подводные лодки, были засняты Великим Компьютером и показаны в снах «Бейимбету» и его друзьям. И хотя им после того как они проснулись, было запрещено вмешиваться в жестокие деяния людей, но любопытство, присущее всем живым и разумным существам, едва не погубило его, «Бейимбета».

СОН САКЕНА

Так они зажили втроем на маяке – Сакен, Ильяс и «Бейимбет», с той только разницей, что теперь им никто не докучал, не приезжал к ним. Иногда зеки беседовали друг с другом о том, что с ними будет, когда действие магии «Бейимбета» прекратится, как они объяснят свое это фактическое отсутствие. Потом пришли к выводу, что, скорее всего, им засчитают то

время, которое к ним не приезжают люди с Большой земли, как побег, и успокоились. Какая разница, если к их бесконечному сроку прибавят еще несколько лет... Надежды на то, что когда-нибудь их заключение окончится, у них не было.

Однажды приснился Сакену сон, в котором их троих – его, Ильяса и «Бейимбета» – расстреливали красноармейцы. И вот стоят они – трое совершенно невинных людей, двое землян и один инопланетянин, руки и ноги у них связаны, у бетонной стены, а напротив них солдаты с винтовками – карабинами образца 1924 года, сделанные уже при советской власти на Тульском оружейном заводе. И снилось ему, Сакену, удивительное, что они – трое – мыслят в этот страшный момент совершенно одинаково и думают они об одном и том же... Он, Сакен, высоко держит голову и говорит как бы всем своим видом: «Смотрите, вы, бойцы Красной Армии, почему вы нас расстреливаете, по чьему это приказу, ведь суд заменил мне смертную казнь на ссылку в двадцать пять лет». А Ильяс, снилось Сакену, в чем выразился парадокс сна, думает про себя: «Слушайте, вы, красноармейцы сраные, ваши следователи не доказали моей вины, поскольку ее вообще не было, и сами же следователи взяли меня под защиту свидетеля, якобы я все еще представляю для следствия какую-то ценность. Ха, я собственными глазами видел свой собственный юбилей, для своего народа я теперь бессмертен, вечен. Мне и смерть теперь не страшна. Но все равно, за что вы меня расстреливаете, ведь я отказался от жизни среди людей, хотя заслуживаю не только самой жизни, но и всех почестей, которые воздают писателям-классикам и другим выдающимся личностям. Вы меня хотите убить за то, что я могу спутать в головах людей живых и мертвых?»

А «Бейимбет», который вообще не человек, но Сакену снилось, что он улавливает и его мысли, якобы говорит красноармейцам: «Слушайте, вы, товарищи-господа красноармейцы! Я-то вообще не землянин, так как же вы меня расстреливаете? Хотя бы немного изучили бы меня, мой летательный аппарат... Я вам что, иностранный шпион?.. Или я инопланетный шпион, черт бы вас побрал! Я бы мог принести людям много пользы, рассказать о своей цивилизации, показать ее достижения. Говорили мне мои наставники: «Не вмешивайся в дела этих глупых людей, они ничего не понимают, они не ведают, что творят. Ничего хорошего из твоего вмешательства не выйдет, а я не поверил им, балбес! Но все равно, за что вы меня расстреливаете?..»

Так стояли они, трое, перед строем красноармейцев, приготовившихся стрелять, в одних белых рубашках, выстиранных Сакеном в ледяной проруби, босиком, на каменном полу в каком-то каземате. Стоявшие напротив них семеро солдат Красной Армии ждали приказа офицера. Наконец-то появился и он, среднего роста, рябой, с жесткими черно-седыми волосами на голове, с длинными усами, с неизменной трубкой в правой руке, в коричневом, отливающим сталью френче, в мягких кавказских сапогах без каблучков, такие сапоги в казахских аулах называются «мяси»... Его-то и ждали солдаты. Он поглядел на расстреливаемых, усмехнулся и произнес: «Старый режим, новый режим – все равно – режем!» И хотел уже махнуть рукой с трубкой, чтобы солдаты стреляли, но тут Сакен проснулся от своего кошмара.

НА ВОСТОК!

Так прошло два года, и «Бейимбет», державший во власти своей магии их остров и их самих, как и обещал, проснулся. Вышел из анабиозной камеры он совершенно здоровым, только немного похудел. Нога его зажила... Первое, что он заявил землянам, это был возглас: «Они меня покинули!..»

Сакен и Ильяс, переглянувшись, не понимая, в чем дело, спросили его: «Кто тебя покинул?» «Бледные Лисы» меня покинули, – запричитал «Бейимбет», – они считают, что я теперь заражен человеческой агрессией, общаясь с вами, стал на вас похож, и теперь я получеловек, полубледный лис...»

Сакен представил, что где-то в космической дали мчится, как говорят люди, «сломя голову», большой звездолет с Бледными Лисами, бегущими в ужасе от Земли, и ему стало искренне жаль бедного пилота, оказавшегося одиноким, брошенным на произвол судьбы товарищами.

Несколько дней после пробуждения «Бейимбета» они растерянно занимались каждый своим делом. Зеки исправно следили за тем, чтобы маяк функционировал, помогая далеким кораблям идти по курсу. А «Бейимбет», в отчаянии, то пускался в какие-то непонятные пляски, то подолгу молчал, то что-то шептал про себя. Скорее всего, он молился своим богам, просил их о милости.

Но вот он собрался с духом и однажды сказал им: «Люди! Пока вы тут двое работаете на маяке, другие уже создали атомное оружие и даже его использовали в двух случаях. А атомное оружие у нас, у Бледных Лисов, запрещено законом. Там, где мы его обнаруживаем, мы его уничтожаем. Корабль мой в порядке, я его отремонтировал и теперь могу на нем лететь. Я завтра на рассвете поднимусь в воздух. У меня на корабле два места свободных. Предлагаю вам лететь со мною. Полетим туда, где есть атомное оружие, и уничтожим его!»

«А где оно есть?» – недоуменно спросил Сакен.

«Атомное оружие есть у тех, кого вы называете «американцами». К ним и полетим, если хотите. Если нет, то я полечу один».

При этих словах Ильяс дернул Сакена за рукав и произнес: «Улетев в Америку, мы рискуем никогда не возвратиться на родину...»

«Разве тебя кто-то там ждет... Ты же сам рассказывал мне о том, как они тебя там встретили... Допустим, мы сели в его аппарат и полетели домой... Кто тебя там встретит? Нами может заинтересоваться только госбезопасность или милиция, которые снова нас арестуют. И тогда только гибель...»

Да, возвращаться назад, в родной Казахстан, где были их родные, но где их ждали новое следствие, новый срок, не было смысла. А что ждет их впереди? Америка? Вражеская страна, незнакомые люди, неизвестный язык. Это «Бейимбету» все равно, на каком языке общаться, он может выучить любой язык. А им каково будет? И все же Америка означала свободу и жизнь. А возвращение домой – не свободу... Похоже, у них не было выбора...

Наутро, в последний раз обойдя вокруг маяка, зеки как бы попрощались с ним и двинулись к «летающей тарелке» «Бейимбета». Они все трое вошли в нее, уселись в пилотские кресла и посмотрели друг на друга... Начиналась другая жизнь...

«Бейимбет» тронул рычаги управления, его аппарат поднялся в воздух. И они полетели на восток, туда, где поднималось уже полярное солнце, чтобы еще один раз осветить своим ярким светом ледяное море, льдины, уходящие к полюсу однообразной белой массой, холодные каменистые берега северной земли и одинокий, брошенный людьми маяк на одном из островов в Ледовитом океане.

КАТАСТРОФА

То, что произошло потом, много раз было описано в различных газетных, журнальных и книжных публикациях, стало предметом фантастичес-

ких кинофильмов и прочих инсинуаций, ничего общего не имеющих с действительными событиями. Как свидетельствуют некоторые издания, 24 июня 1947 года гражданский пилот, летевший над Каскадными горами в штате Вашингтон, наблюдал дисковидный «самолет», летевший с высокой скоростью. Хотя это не было первым известием о появлении таких объектов, оно было первым, привлекшим широкое внимание средств массовой информации. За ним последовали сотни других сообщений. Многие из них поступили от исключительно надежных военных и гражданских источников. Эти сообщения имели следствием независимые попытки различных слоев армейского командования определить природу и назначение этих небесных объектов в интересах национальной обороны. Был опрошен ряд свидетелей, проведено несколько безуспешных попыток использования самолетов с целью преследования указанных «дисков» в полете.

Аппарат, на котором летели «Бейимбет, Сакен и Ильяс, потерпел аварию 2 июля 1947 года в штате Нью-Мексико, расположенном примерно в семидесяти пяти милях к северо-западу от Росуэльской авиабазы, которая в наше время стала называться Уолкер-Филд.

Как говорили позднее свидетели, инопланетный корабль дисковидной формы имел диаметр около двадцати семи метров. По периметру располагался ряд иллюминаторов, почерневших от воздействия высоких температур. Аппарат был эвакуирован на авиабазу Райт-Паттерсон (штат Огайо).

По описаниям очевидцев, пилоты, погибшие при неудачной посадке НЛО, выглядели так: рост – от 1,5 метра до 1,7 м. Головы и торсы непропорциональны. Глаза широко посажены и слегка заужены. Глазные яблоки большие и запавшие. Нос приплюснутый, с двумя отверстиями. О зубах, выпавших от северной цинги, информации нет. Вместо ушей, отмороженных в лютой мороз, небольшие углубления. Волос на голове немного, скорее есть небольшой пушок. Руки длинные и тонкие, в опущенном состоянии достигают колен. На руках по пять пальцев, как и у людей. Пальцы были черны, с поломанными ногтями, от постоянной ежедневной работы с углем... Между пальцами кожа исхудавших рук такова, что ее можно принять за кожистую перепонку...

Половые органы как у обыкновенных земных мужчин. Крайняя плоть обрезана у двоих пилотов. Анализ крови показал, что это вполне человеческая кровь. Красная, густая...

Кровь есть, но это не кровь в привычном смысле этого слова. У одного из пилотов кожа серая, словно покрытая небольшой шерстью. Шея тонкая, голова большая. Вес тела – около 38 килограммов... Вес исхудавшего подростка. Кто же попал в руки «гостеприимных» американских военных?

Бросалось в глаза то, что их тела были относительно плоские, без выделяющейся грудной клетки и вытянутые. Они имели длинные руки и короткие ноги и были одеты в красные одеяния, причем такие яркие, что их цвет вызывал боль в глазах. В эти костюмы их одел «Бейимбет». Материал костюмов был инопланетного происхождения.

ЭПИЛОГ

Так погибли инопланетянин «Бейимбет», настоящее имя которого мы так и не сумеем воспроизвести из-за недоступности для нашего произношения его языка, смотритель северного маяка Сакен и метеоролог Ильяс, неизвестные миру пилоты неизвестной земной науке летательного аппарата. Их летательный аппарат не потерпел аварии при посадке, а был сбит летчи-

ками-истребителями американских ВВС. Гибель так называемого «инопланетного летательного аппарата», происшедшая недалеко от города Росуэлла 2 июля 1947 года, стараниями американской разведки была превращена в миф для газет...

Неким режиссером Реем Санталей и оператором Джеком Барнетом был сделан документальный фильм «Вскрытие инопланетянина», который был показан в Соединенных Штатах, а потом и во всем мире. На территорию СССР (СНГ) фильм «Вскрытие инопланетянина» попал лишь в 1992 году когда уже завершилась неудачная перестройка и была отменена так называемая «красная цензура», главный карательный инструмент коммунистической идеологии.

В фильме было пересказано все то, что мы уже знаем, только своим языком, характерным для средств массовой информации конца двадцатого столетия.

«Страшна смерть пилота космического корабля в незнакомой атмосфере, на незнакомой планете... Но еще страшнее неправда, предназначенная народу. Мы не знаем: может быть, люди «большой» науки, подобно Хайнеку, имеют определенные цели? Ведь, в самом деле, не думают же они, что тысячи зарубежных ученых, не говоря уже о наших, дурачат людей, чтобы просто посмеяться, а Генеральная Ассамблея ООН в свое время созывала специальный политический комитет только для того, чтобы кто-то отверг самую суть излагаемых на этом форуме документов?» – писал один из авторов в статье про НЛО.

Стремление все объяснить, то есть сказать все ясным языком, – это значит, говорить известными словами и понятиями. При объяснении совершенно неизвестного явления известными понятиями – все сводится к известному. Тогда зачем же изучать, если это уже названо известным? Так рождаются все «земные» версии происхождения НЛО...

Конгрессмен Дэн Фоулей, избранный в конгресс как раз в штате Нью-Мексико, так сказать, избранник народа, только на их, американский свободный нрав, предложил учредить в этом штате специальный праздник в честь «прошлых, нынешних и будущих» инопланетных гостей. Сам мистер Фоулей родом из Росуэлла, где, как утверждают, в 1947 году разбилась «летающая тарелка». Так что уфологические проблемы знакомы ему не понаслышке.

«День инопланетянина», который я предлагаю учредить, позволит улучшить отношения между обитателями всего космоса, известными и неизвестными!..» – поясняет он свою инициативу.

По замыслу конгрессмена, праздник должен проводиться ежегодно, во второй четверг февраля. Впрочем, и без того каждый июль, в годовщину обнаружения обломков, «в честь гибели Сакена и Ильяса, казаха и кумыка, мужчин, ученых, просто хороших людей, жертв сталинских репрессий... В честь и инопланетянина «Бейимбета», – хотелось бы добавить нам...

АНУАР АЛИМЖАНОВ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПИСАТЕЛЯ

(к 80-летию со дня рождения)

«Нет у нас сегодня долга более высокого, чем борьба за саму жизнь, за справедливость, за человечность... Степень осознания нашего долга есть мера нашей ответственности перед народами наших стран, перед Человеком», — говорил Ануар Алимжанов, первый секретарь правления Союза писателей Казахстана, в своем докладе на V конференции писателей стран Азии и Африки 4 сентября 1973 года в Алма-Ате (он и был главным организатором этого форума).

В этих словах — сам Ануар как журналист, писатель, как Человек.
12 мая сего года ему исполнилось бы 80 лет...

Ануар с таджикским поэтом Мумином Каноатом.
Алматы. 1966 г.

Он ушел в мир иной в возрасте 63 года...

Имя Ануара, я уверен, известно не только читателям «Простора» и любителям литературы Казахстана, но и всем почитателям его таланта в пределах и далеко за пределами СНГ. Его произведения переведены на десятки иностранных языков. Сам он побывал почти в шести-десяти странах мира во главе или в составе писательских делегаций СССР, или сам один, по личному приглашению известных деятелей культуры. Где бы он ни был, всегда интересовался историей, литературой той страны, ее народа и, разумеется,

им рассказывал о своей родине, о родном народе, его культуре, быте и обычаях.

Ануар Турлыбекович был лауреатом Госпремии Казахстана, премии ЛКСМК, международных премий имени Дж.Неру, Агустино Нето, журнала «Лотос», 8 лет руководил нашим Союзом писателей, был председателем Совета республики Верховного Совета СССР, где завизировал документ о распаде Советского Союза!.. Главное — был Гражданином! Его не хватает нам в сегодняшнем сложном периоде жизни Отечества. Наше утешение — читать и перечитывать его произведения, черпать из них мудрость, учиться оставаться Человеком несмотря ни на какие трудности.

Авторитет Ануара Турлыбековича был высок особенно в бурлящем черном континенте — молодых странах Африки. Он оказывал большую помощь местным писателям в установлении контактов с коллегами из стран Европы, Азии, Латинской Америки, США.

Вот мнение башкирского классика Ахияра Хакима:

«Ануар был прекрасным организатором, а по характеру — борцом. За те годы, когда он руководил Союзом писателей Казахстана, Алматы стал центром многих общесоюзных литературных встреч... Будучи и одним из признан-

ных лидеров афро-азиатского писательского движения, он меня привлек к работе в этой области. Своим знакомством с крупнейшими писателями зарубежных стран — друзьями и соратниками самого Ануара — во многом обязан ему. Среди них: Фаиз Ахмад Фаиз, Алекс Ла Гума, Мукерджи Азиз Несин, Муин Бсису, Кэн Дзабуро Оэ, Бэгзин Явуухулан и многие другие».

Борец Ануар, однако, был слишком скромнен, прост. Я лет двадцать общался с ним, но не знал о его выступлениях с высоких международных трибун. Потому что ему была чужда самореклама, не любил рассказывать о своих больших делах, как наши некоторые «великие» поэты, писатели, ученые, политики, первое слово которых «Я!».

По ходу составления сборника воспоминаний к 80-летию со дня рождения Ануара я обнаружил в архивах его статьи: «Полигон должен быть закрыт!» (выступление на международной конференции «Экологическое состояние и здоровье жителей г. Семипалатинска и Семипалатинской области», 1989 г.), «Чтоб не остаться под атомным пеплом!». Великолечно, восхитительно!.. В обеих статьях он страстно призывает правительства всех стран остановить гонку вооружений, уничтожить ядерные запасы. Последняя статья — это его речь, произнесенная с высокой трибуны Палаты общин Великобритании. Известно, что эта трибуна предоставляется не каждому, а только деятелям, пользующимся большим международным авторитетом. Ануар Турлыбекович — единственный казах, удостоенный этой чести.

Многогранен был талант Ануара Турлыбековича. Я думаю, что его не хватает всем нам в сегодняшнем сложном периоде жизни Отечества. Наше утешение — читать и перечитывать его произведения, черпать из них мудрость, учиться оставаться человеком несмотря ни на какие трудности.

Габбас КАБЫШУЛЫ,
писатель, лауреат международной литературной премии «Алаш»,
Почетный журналист Казахстана

ДОБРОЕ НАЧАЛО

М

Мухтар АУЭЗОВ
Апрель, 1961 г.

ГОНЕЦ БОЛЬШОЙ ИСТОРИИ

Это был, пожалуй, первый казахский писатель-

В творческой биографии Алимжанова ключевую роль сыграл великий Мухтар Ауэзов, который на филологическом факультете КазГУ (отделение журналистики) читал ему лекции, принимал зачеты и экзамены, а потом напутствовал в литературу, написав теплое предисловие к первой его повести «Караван идет к солнцу» (1963). Благодаря рекомендации Учителя Алимжанов стал делегатом Первой конференции писателей стран Азии и Африки в Ташкенте (1958). Помог тайному отъезду Мухтара Ауэзова в Москву (спасая его от КГБ). Внес огромный личный вклад в становление и развитие этого прогрессивного движения. Творческое и гражданское призвание оказались для Алимжанова неразделимыми. Печататься он начал с 1952 года, членом КПСС стал в 1953-м – год смерти Сталина. Интерес к древней и новой истории Востока, и в частности турков и Казахстана, определял в его творчестве пафос первооткрывателя, поборника исторической правды, создавал ему высокий авторитет лидера среди писателей-«шестидесятников» (О. Сулейменов, С. Санбаев, Э. Габбасов, А. Кекильбаев, М. Магауин).

Ануар с классиком пакистанской литературы, общественным деятелем Фаизом Ахметом Фаизом. г. Карачи.1974.

У него была устойчивая репутация выдержанного советского писателя, признанного не только в Казахстане (главный редактор «Казахфильма», газеты «Казах адабиети», Первый секретарь правления СП Казахстана), но и в Москве (собкор «Литературной газеты», корреспондент «Правды», член правления СП СССР). Но это не означало, что писал Алимжанов «по указке партии». Его вдохновляла прежде всего идея всемирного братства и единства людей (книга очерков «Белый друг, желтый друг, черный друг», 1958).

Образы свободолоубивой пальмы, «гневною океана», с уже знакомым по Горькому буреви́стником и символической «очистительной бури», которая началась на заре XX века, были сквозными в его рассказах и повестях 60-70-х годов. Современники платили ему признанием в разных концах мира. Так, премией Ленкомсомола был отмечен «Караван», Госпремией КазССР – «Синие горы», премией им. Дж. Неру – «Сувенир из Отрара». Открытость и смелость алимжановской публицистики даже по меркам его времени была порой даже рискованной. В очерке о Ш. Уалиханове, «фанатично любившем свой народ» и не скрывавшем своего недовольства царским деспотизмом, Алимжанов не побоялся процитировать следующее откровение Шокана: «Прежде всего я люблю свой народ, потом Россию, потом все человечество» («Шокану – быть!»).

Пакистан, Индия, Марокко, Турция, Африка, Европа, Россия – вот далеко не полный перечень стран и континентов, с которыми писатель был творчески связан, ко-

Виктор БАДИКОВ,

СИМПАТИЧНЫЙ, ЗАСТЕНЧИВЫЙ...

Нина СКАЛКОВСКАЯ-ПЛАТОНОВА,

**ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР. ПЕРВАЯ СЕССИЯ
БЮЛЛЕТЕНЬ № 5 ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА РЕСПУБЛИК**

Утреннее заседание

Р. З. Мирзоев,

Председательствующий.

Алимжанов А. Т.,

Председательствующий.

Председательствующий:
Калиев Ж.,

Председательствующий.
Хасанов О. Т.

Председательствующий.

А. Т. Алимжанов:

Ануар Алимжанов

ПОЛИГОН ДОЛЖЕН БЫТЬ ЗАКРЫТ!

Сегодняшнее вот это собрание – это часть работы, выполнявшейся до этого. Сегодняшняя тема – это нечто, о чем мы опасались даже заговорить в течение десятилетий. Мы долго обманывались сами и, случалось, обманывали друг друга. Иногда, говоря неправду, мы и сами начинали верить ей. Но ложь в нынешних обстоятельствах будет подобна смерти. Все зашло слишком далеко –

мы сами нанесли ущерб и себе, и своей земле. Речь не столько о Семипалатинском полигоне, сколько о том, что экология казахской земли поставлена на грань... Да, мы все буквально на грани. *Казахстан стал ареной не просто ядерных испытаний – сам наш народ подвергнут испытаниям.* То бедствие, жертвой которого стали жители Семипалатинска, – это не проблема одного лишь Казахстана, а проклятие и Алтая, и Сибири, и целого полушария. Сегодня мы осознали, к скольким несчастьям привело то, что

раньше рассматривалось как нечто, достойное огорчения и не более. Цифры, приведенные только что академиком Саимом Балмухановым, действительно пугают. По числу новорожденных с ментальными дефектами наша земля занимает одно из первых прискорбных мест во всем мире. И такие жертвы повсюду – и в Семипалатинске, и в Мангистау, откуда я прибыл сюда. Вообще, ситуация там крайне непростая. Посетив и Жанаозен, и Ескиозен, я могу сказать следующее – потомки тех, кто в прошлом сражался за свободу края, в настоящем стали лишними на родной земле и лишились работы. Всякое терпение иссякает, и они восстали против такого притеснения, но вместо понимания были встречены армейскими автоматами, были изолированы и лишены воды-еды на несколько дней.

Мы тут коснулись темы бездумной власти. При обсуждении этого нельзя винить только одного человека или просто «Москву». Проблема в некоторых наших деградировавших кадрах – тех, кто не чувствует ответственности перед окружающими, кто может лишь выполнять приказы сверху.

Хоть я и уважаю армейских деятелей, но здесь генерал-лейтенант (*начальник полигона А.Ильенко. – Г.К.*) подействовал на меня удручающе. Мы все слышали, что он сказал. Но, генерал, поймите же – вы предстали перед народом.

Приказ маршала – это одно, требование народа – это совсем другое. Народ требует закрытия полигона!

Сегодня было заслушано множество докладов, но главный вопрос так и не был озвучен. Это вопрос о состоянии нашей земли после сорока лет испытаний. Были ли проведены исследования слоев почвы? Какова величина ущерба?

В самом начале испытаний картина была очень мутной. Мы не обладали нужными знаниями. Как подчеркнул академик Саим Балмуханов, земля сейчас сосредоточила в себе целый скоп опасностей. Что мы сможем предпринять, когда все это оголится и выйдет на поверхность? *Какие вопросы выживания встанут перед нашими потомками? Неужели мы оставим им в наследство лишь отравленную почву, отравленную воду и такой же воздух? Чистые ручьи и плодородная земля превращены в опасную зону. Наша природа в очень печальном состоянии. Наш Казахстан в опасности.*

На первый взгляд, кажется, что все новое, прогрессивное и передовое собрано в Казахстане, но на самом деле в этом и кроется глубочайшее противоречие. С одной стороны, мы видим, что подвергаем собственные жизни большому риску, уничтожаем флору и фауну. С другой стороны, нас убеждают, что именно такими методами развиваются обороноспособность государства и наука. Быть может, это мнение присуще только мне, но за 30 лет путешествий по разным странам Земли я был свидетелем многих событий и встречался, беседовал с огромным количеством людей – и убедился, что движение за мир действительно справляется со своей миссией. В нынешний момент нет человека, сумасшедшего достаточно, чтобы нажать «красную кнопку». Хотелось бы верить, что и в будущем таких безумцев не будет, но история полна случайностей, произойти может всякое.

Движения за запрет ядерного оружия не просто злостный финт и не предвыборная уловка. Оно не нуждается в рекламе. У истоков движения стояли великие ученые вроде Альберта Эйнштейна, знаменательные общественные деятели Страны Советов вроде Николая Тихонова и Александра Корнейчука. Наши Каныш Сатпаев и Мухтар Ауэзов в том числе. В 1952–53 годах последние были преследуемы не только за выдуманную «националистичность» их произведений и трудов, но и за высказывания против ядерных испытаний на нашей земле. Сатпаев и Ауэзов открыто озвучивали свои позиции по этому поводу на встречах в московских университетах, при обмене мнениями с писателями и учеными. А сейчас мы представляем все так, будто это движение – достижение наших рук и наших умов. Мы только продолжатели. Но сейчас мы все и те, кто родился уже в дни испытаний атомных бомб, должны довести это дело до конца! И цель нашего заседания именно в этом!

И если военные круги или эксперты, или Комитет государственного планирования Союза скажут, что не могут перенести или закрыть полигон по той причине, что на его содержание было уже потрачено слишком много средств, – знайте, это не оправдание!

Казахстан за эти годы дал несколько миллиардов пудов зерна. Не забудем и о нефти и газе, текущих по несметному количеству трубопроводов. А как же добытый уран и золото, и многое другое? Все это богатство нашей земли уже сторицей окупило любые расходы!

Нам хватает бед и кроме этого полигона. Например, промежуток между Алтаем и Монголией буквально задыхается от дыма и копоти, которые летят с заводов Экибастуза. Не будет преувеличением назвать этот регион особенным для нас, казахов. Так же, впрочем, как и Мангистау. Поэтому наша земля должна быть освобождена от полигона, и миллионы гектаров уже отравленной – но все же нашей, родной – земли должны быть возвращены хозяевам!

Народ был отравлен радиацией, казна была безвозмездно опустошена – как это можно назвать?

Сегодня перед нами выступала одна женщина. Она пришла не «на мир поглядеть и себя показать», она пришла оттого, что переживает за будущее своих сыновей – защитников родины. Она сказала правду, которую мы все поняли и приняли.

Нам нужны действия, а не словесные баталии. Не нужно превращать все это в собрание ради собрания. Создавая фонд «Невада», мы должны решать свои, а не чужие проблемы. Не нужно забывать уже сделанное до нас с вами.

Хотелось бы немного рассказать об этой Неваде. Прошлый декабрь я провёл в Америке. А американский сенатор Мюллен Берлих в прошлом месяце посетил Алма-Ату в сопровождении советника президента США по советско-американским отношениям. По просьбе сенатора мы встретились, и наш разговор затянулся на три часа.

Посол США в СССР Метлак тоже был в Алма-Ате. Когда товарищ Колбин три раза упомянул о том, что мы инициировали наше движение, посол никак не отреагировал. И позже, на встрече в редакции «Казахстанской правды», на очередное сообщение об этом движении он ответил лишь сухим: «Я в курсе».

Сенатор, в свою очередь, пошутил в разговоре со мной: «Как вы думаете, если некая страна использует частное имя части другой страны – должны ли они платить за это?» Это было ответом на мой вопрос о наших планах основать фонд «Невада». «Я не буду сравнивать наш полигон и ваш полигон – это неприемлемо, – сказал он и пояснил: – Стroeение почвы территории штата исследовалось и обсуждалось в Сенате на протяжении 15 лет. С привлечением лучших специалистов были проведены расчеты поведения почвы при различных воздействиях. 15 лет обсуждались вопросы хранения остатков топлива атомных электростанций. Сенат был убежден, что в Неваде можно и проводить испытания, и хранить ядерные отходы. Заверено, что полигон не будет загрязнять окружающие территории в течение 500 лет. А семипалатинский объект не даст таких гарантий и на 5 лет. Причина в том, что в те времена, когда строился ваш полигон, таких бедствий, как чернобыльское, не было – он строился в полном неведении. Разумеется, катастрофы непредсказуемы, и глупо было бы винить ученых в недалновидности. Но именно поэтому *делать вид, что полигон не таит опасностей и полностью подконтролен, – преступно, да, преступно по отношению к местному населению*».

Я предстал перед вами на этой трибуне как уполномоченный казахской литературы и Казахского комитета защиты мира и хочу выразить одну просьбу. Сейчас на волне демократизации создаются всякого рода фонды – один за другим, и часто просто слова заменяют реальные действия, заметна страсть к собраниям. В этом повинны работники идеологии, кадры районного, областного и Центрального комитетов партии. Но ведь идеология управляема и направляема. Идеология – база всех социальных движений.

И, если мы хотим, чтобы борьба против ядерных взрывов не затухла, организация фонда и открытие расчетного счета – это правильный шаг, но необходимо заранее разработать план расхода средств на этом счету. Деньги на правое дело должны так же право расходиться. Верхом цинизма было бы простое наглое выбивание денег из народа, и без того хлебнувшего горя. Нельзя допустить нецелевое расходование! Средства должны быть в чистых руках! Государство и всякого рода организации уже начали делить эти деньги, оправдываясь тем, что, дескать, фонду нужна реклама и нужен штат и прочее. Перед подобными действиями нужно крепко задуматься – разве вы, в первую очередь, не патриоты? Если да, то пресекайте такие низкие попытки – ради нас с вами, во имя общечеловеческих ценностей и идеалов!

В общем, полигон непременно должен быть закрыт, сколько бы это ни стоило, закрыт, перемещен – не важно, но уже настала пора отдать дань жертвам этого

чудовища, символа безумства человека, памятника неразумности! Число жертв сегодня исчисляется тысячами, а сколько их будет в будущем... Это требование должно буквально трубить во всех наших призывах и резолюциях!

В нашем собрании не участвуют члены московской комиссии – оно и понятно, ведь есть ряд фактов, крайне неудобных для них.

Итогом нашего собрания должно стать твердое, непоколебимое решение, а не увертливая болтовня, – сейчас не время играть в дипломатов. Когда-то Горбачев опирался и верил в мораторий – напрасно. Это прошлое. В настоящем же *мы, опираясь на волю народа, должны сформировать документ-резолюцию, которая будет исполнена! Наш разум требует этого, ради светлой памяти погибших!*

Спасибо!

1989 г.

Примечание составителя

Это – выступление Ануара Турлыбековича на научно-практической конференции «Экологическое состояние и здоровье жителей города Семипалатинска и Семипалатинской области Казахской ССР», которая прошла 17-19 июля 1989 г. в областном центре.

ЧТОБ НЕ ОСТАТЬСЯ ПОД АТОМНЫМ ПЕПЛОМ

Когда-то Время считалось чисто формальной категорией, и потому, если речь касалась сложных, не поддающихся быстрому решению вопросов, люди говорили: «Время рассудит», – а человека, испытавшего горе, успокаивали: «Время залечит все раны». Таким образом, люди уклонялись от ответов на острейшие вопросы, выдвигаемые жизнью, самоуспокаивались и в какой-то мере следовали тому девизу, что был начертан на поясе царя Соломона: «И это пройдет...».

Впрочем, утверждают, что такая же надпись была и на поясе царя гуннов Атиллы и на поясе Батыя. Наверное, Атилла и Батый, как и Соломон, имели в виду быстротечность человеческой жизни, ее трагизм, связанный с потерей силы и молодости. Ведь в те времена только храбрость и сила, да собственный ум (впрочем, как и сейчас) помогали человеку – будь он воин, царь, пахарь или раб, подобно Спартаку – добиваться своей цели. То были времена юности человечества. Люди тогда не знали о порохе и атомной бомбе, побеждали в честном бою, в единоборстве. Кажется, что человек в те времена сам мог определить свою судьбу, свою участь, судьбу своих потомков. Но глубокий трагический смысл, заключенный в формуле: «Время рассудит...» и в словах: «И это пройдет» состоит в том, что люди (разве что кроме авантюристов, подобных Саддаму Хусейну или Гитлеру, способных на все) выражали свою покорность судьбе, року.

Но двадцатый век в своем неудержимом развитии не только в технической самооснащенности, но и в пробуждении самосознания народов мало полагается на судьбу и рок, на философские формулы прошлого. Социальные революции, национально-освободительные движения, рождение новых государств – все это привело к иной оценке Времени. Оно, Время, стало для нас материальным, физически ощутимым не только из-за реактивных лайнеров, быстро перебрасывающих нас с одного конца света в другой, не только из-за неожиданных, как это бывает порой, революционных всплесков, резко меняющих судьбы не сотен, а миллионов людей. Но и оттого, что в мире сейчас накопилось столько оружия, что каждый из нас оказался атомным заложником. Мы сейчас уже на собственной шкуре ощущаем ледяное дыхание приближающейся ядерной и

экологической катастрофы. Апокалипсис близок. Нынче речь уже идет не о судьбах отдельных людей, народов, но о судьбе природного и культурного наследия, переданного нам предками; речь о нашей колыбели – планете Земля; речь идет о выживании. Об этом не хуже меня знаете и вы, господа, сидящие в этом зале, прибывшие сюда с благородной миссией – внести лепту в дело спасения мира. Среди присутствующих немало участников минувшей войны, и они помнят, как к кровоточающим ранам минувшей войны, под занавес были добавлены еще два ужасающих клейма на тело Земли – Хиросима и Нагасаки.

Вслед за США в 1949 году атомную бомбу создали мы – Советский Союз, и она была взорвана на моей земле. Завладев новым оружием, мы к идее о «мировой революции» добавили идею о «покорении Пространства и Времени».

Абсурдные идеи рождают абсурдные поступки. США изобрели бомбу, чтобы силой управлять миром. СССР изобрел бомбу, чтобы не отстать от США, противостоять ему. Так мир был поделен на сферы влияния двух сверхдержав. Началось атомное противостояние, которое требовало и по сей день требует еще большей гонки вооружения. К ядерному вооружению потянулись другие страны и обрели его. Тайные склады, чрево подводных лодок и бомбовозов заполнены ядерными боеголовками. Сама земля наша превратилась в пороховую бочку. Нагнетание страха поборниками холодной войны напрягало нервы людей. Но живой организм не выдерживает бесконечной напряженности. И вот уже не только общественность, но и люди, так или иначе причастные к созданию этих адских бомб, подобно Жолио-Кюри и Андрею Сахарову, открыто и на весь мир заявляют о своем неприятии орудия массового уничтожения, они потребовали прекратить испытания...

Мы были свидетелями грандиозного размаха антиядерного движения в 60-х, 70-х, особенно в 80-х годах в США и европейских странах, в Японии и Индии, не остался в стороне от мощных проявлений общественной активности конца восьмидесятых годов и Казахстан. Мы помним стойкость английских женщин, пикитировавших базу в Гримен-Комон, мы помним, как маленькие лодки борцов за мир преграждали дорогу могучим военным кораблям с атомным грузом. Под влиянием общественности на какое-то время атомные испытания прекращались, а затем продолжались вновь. В США уже произведено более одной тысячи восьмидесяти ядерных взрывов, не считая Хиросимы и Нагасаки, в Советском Союзе – 715. Франция провела 180 взрывов, в Великобритании произведено более сорока, в Китае – более тридцати раз...

Из семисот пятнадцати испытаний, проведенных в Советском Союзе, 467 взрывов совершено в местечке Дегелен в Казахстане, из них – 124 наземных и 343 – подземных. Как казах – сын казаха, я должен сказать здесь, что все эти взрывы проводились в священном уголке нашей земли, где родилась древнейшая легенда о прекрасной любви Козы и Баян, воспетой во всех жанрах нашего искусства и литературы... Этот уголок земли является святыней нашего народа, нашей культуры, как и Ясная Поляна Льва Толстого для русских, как и тот уголок Шотландии, где родился Роберт Бернс, – для шотландцев, как места, связанные с именем Байрона для англичан. Кстати, стихи Байрона впервые во всей Центральной и Средней Азии прозвучали на казахском языке в последней четверти прошлого века именно там, где ныне находится полигон и проведены 467 ядерных взрывов. Байрона и Пушкина на казахский язык переводил наш великий поэт Абай, без которого немыслима казахская национальная культура. Он родился, жил и умер там, где произведены эти 467 взрывов. В тех местах родился и наш знаменитый писатель Мухтар Ауэзов, чьи романы, повести и рассказы известны английским читателям. Вместе с ним там же, в Семипалатинске, учился и выдающийся советский геолог, академик

Каньш Сатпаев. В Семипалатинске зародилась истинно братская дружба великого русского писателя Федора Достоевского с казахским ученым-путешественником Шоканом Уалихановым, и, наконец, там же, в Шингиских горах близ Дегелена и Абралы, где расположен полигон, в начале тридцатых годов агенты НКВД подстрелили, а затем добились выдающегося поэта-толстовца Шакарима, вся вина которого заключалась в том, что он ненавидел зло и насилие и, как и его учитель Лев Толстой, проповедовал ненасильственный мир, призывал людей к гражданскому согласию. Поверив в благородство лозунгов, он поддержал Октябрьскую революцию, но, увидев, с какой жестокостью насаждается коллективизация в казахских аулах, потрясенный, он ушел в горы, стал отшельником. Но пуля ищеек из НКВД настигла его.

Дорогие друзья, я задерживаю ваше внимание на этих фактах из истории моего народа потому, что мы собрались здесь осудить Зло. Но Зло многолико. Для моего многострадального народа любой атомный взрыв, где-бы он ни происходил – у нас в Дегелене или Абралы, или где-то на острове в океане, или в пустыне Китая, или в Муруроа, – болью отдаётся в сердцах. Потому что он знает, какие страдания причиняют эти взрывы всему живому, всей окружающей среде. Каждый из 467 взрывов отравлял наши родники и реки, калечил людей, калечил детей в утробах матерей.

Каждый из 467 взрывов был попранием чести и достоинства моего народа, ибо они проводились на его земле без его согласия, проводились в колыбели его культуры...

Акцентируя не только на практической, физической, но и на моральной, нравственной стороне дела, мне хочется спросить:

Допустимо ли подобное в самой России, на родине Льва Толстого в Ясной Поляне? Допустимо ли такое на земле, где родился Шекспир или Диккенс, Бернс или Байрон? Я отвечу сам: конечно, нет! Это невозможно. А отсюда вытекает, что испытания в колыбели казахской культуры – это глумление над исторической памятью народа, который в двадцатом веке уже трижды испытал геноцид: в 1904-1905 годах, в 20-х, а затем в тридцатых годах из-за искусственно созданного голода. Кстати, всю правду об ужасающей трагедии тех лет, о планомерном уничтожении казахского народа, о геноциде написал британец, ныне здравствующий ваш писатель и историк Роберт Конквест в своих книгах «Большой террор» и «Жатва скорби». Спасибо ему от имени казахов за правду! Правда нынче, как и всегда, слишком дорога для нас.

Хочу быть правильно понятым, господа! Я говорю обо всем этом не потому, что где-то можно, а где-то нельзя испытывать ядерное оружие. Любое испытание оружия безнравственно, античеловечно, где бы оно ни проходило. Логика требует, чтобы я добавил к сказанному и о том, что и писатель Ауэзов, и ученый Сатпаев, о которых я упоминал, не раз бывали в зараженных радиацией регионах еще в 50-е годы, пытаюсь как-то облегчить участь своих земляков, пытаюсь еще тогда, в пору тоталитарного режима выразить свой протест. За это они подверглись гонениям по сфабрикованным обвинениям в «национализме», а после они погибли от раковых опухолей.

12 августа 1953 года там же, в Абралы-Дегелене, был произведен наземный взрыв водородной бомбы, асанный Андреем Сахаровым в его «Воспоминаниях». Написав о том, как ужасен был этот взрыв по своей силе, Сахаров не рассказал, да и не мог предвидеть последствия этого взрыва.

Господа, заметьте, я говорю лишь об одном взрыве, а их на моей земле, как я уже упоминал, было 467! Так вот, господа, перед взрывом этой первой советской водородной бомбы военные все же решили временно отселить от эпицентра жителей, расположенного очень близко к месту взрыва, села Кайнар, оставив на месте для опыта (как кроликов) 42 молодых здоровых человека. На сегодня

из них погибло от лучевой болезни 37, остальные пятеро тяжело больны. Кроме того, 17 жителей Кайнара умерло от лейкозов, 14 человек, пораженных радиацией, покончили жизнь самоубийством, 170 человек погибло от раковых опухолей. В Кайнаре – этом маленьком ауле – сейчас 28 детей страдают слабоумием, родились уродами.

Такова трагедия, таковы жуткие факты, касающиеся лишь жизни одного села после одного взрыва! У нас сотни тысяч людей, зараженных радиацией: разрушен генофонд нации, и мы не знаем, что еще ожидает нас в будущем – после этого очередного геноцида? Каковы будут последствия ядерных взрывов, последствия гибели Аральского моря и последствия экологической катастрофы, охватившей Казахстан...

Я передаю руководству Си-эн-Ди поименный список умерших от радиации и живых, но уже зараженных радиацией жителей аула Кайнар. Здесь отныне мы должны говорить, основываясь только на фактах. Мы должны составить Книгу о тех, кто погиб в мирное время от ядерных испытаний...

У нас атомные взрывы проводят тайно. Здесь мы узнали дату предстоящего испытания в США, где будет опробована английская бомба, и о взрывах во Франции. Но нам не легче от такой гласности, когда мы бессильны что-либо сделать против.

Если трагедия Хиросимы и Нагасаки разразилась в августе 1945 года, то трагедия казахской земли, ее народа длится по сей день, начиная с августа 1949 года. А в августе 1988 года в Казахстане началось уничтожение ракет среднего и малого радиуса действий. На эту акцию мы пригласили представителей многих стран. Наблюдая за уничтожением ракет, мы радовались, полагая, что наконец-то в конце туннеля забрезжил свет. Но затем узнали, что вместо уничтоженных появились новые, более усовершенствованные в качественном отношении ракеты и у США, и у СССР.

И вот мы по-прежнему стоим у края пропасти. И хотя уходит в прошлое «холодная война», хотя рухнула Берлинская стена – символ конфронтации Запада и Востока, хотя мы уже тысячекратно убедились, что безопасность не может быть ядерной (трагический пример тому – Чернобыль), хотя нет уже никаких оправданий испытаниям ядерного оружия – вопреки всем законам логики взрывы продолжают.

Правда, истина требует сказать и о том, что СССР многократно выступал с благородными предложениями и намерениями, он приглашал другие страны к всеобщему и полному разоружению, к прекращению ядерных испытаний. Но сам не очень-то придерживался своих намерений. Лишь однажды, в 1985 году, объявив односторонний мораторий, почти на полтора года закрыл свои полигоны. А с осени прошлого года до 24 октября нынешнего у нас не слышно было атомных взрывов ни на полигоне в Дегелене, ни на Новой земле. Парламент Казахстана обратился в правительство СССР с требованием навсегда закрыть полигон в Дегелене. Ныне это уже требование суверенной республики, без согласия которой – если соблюдать международное право – невозможны никакие испытания на ее территории.

В свою очередь, Верховный Совет СССР обратился к парламентам и правительствам всех государств о всеобщем запрещении ядерных испытаний. Казалось бы, вновь появился свет в конце туннеля. Ан нет. После всех этих обнадеживающих обращений 24 октября 1990 года, в день начала традиционной международной Недели действий за разоружение, отмечаемой ежегодно во всем мире по инициативе Организации Объединенных Наций, СССР произвел ядерное испытание на Новой Земле. Попытка молодых ребят из «Гринписа» («Зеленый мир») остановить взрыв, закончилась тем, что их арестовали наши военные моряки. Я встречался с этими

ребятами и так же, как при встрече с парламентариями в Палате общин, отвечая на вопросы, вел диалог о взрыве на Новой Земле.

Что это? Вызов мировому общественному мнению и самой идее разоружения?! Или очередное упрямство наших военных? Ведь статья в «Правде», опубликованная в день взрыва на Новой Земле, под заголовком «Почему должны молчать ядерные полигоны страны?» не что иное, как попытка оправдать действия военных и возродить «образ врага», игнорируя все аспекты горбачевского «нового мышления». Автор статьи ведет речь о новом «пороге» испытаний, т.е. его дозировке, говорит о новом поколении ядерного оружия, которое готовит США, и на этой основе выступает... «в целях безопасности»... за продолжение ядерных испытаний в СССР. Что это? Вновь борьба за приоритеты, вновь противостояние?! Ведь за аргументом о повышении «надежности и безопасности»... кроется бесконечный процесс совершенствования и обновления аядкого оружия.

Итак, если идти по этой логике, то мы окончательно застрянем в порочной круговерти, неминуемо ведущей к апокалипсису – к ядерной катастрофе, масштабы которой непредсказуемы, а финал – наша гибель!

Разум бьет в набат, требуя остановиться. Немедленно прекратить соревноваться в производстве адских машин смерти! Закрыть полигоны, приступить к уничтожению всех видов оружия массового уничтожения. Об этом сегодня рано утром, стоя у разрушенных в минувшей войне стен собора в Ковентри, говорил архиепископ Кентерберийский на церемонии в честь Дня поминовения, об этом шла речь со сторонниками мира на Трафальгарской площади у колонны Нельсона и Вестминстерском аббатстве в Лондоне во время наших встреч.

Давайте объединим усилия, чтобы пройти этот путь – путь Разума – до конца нынешнего века. Этого требует от нас Время, которое, отбросив тоталитарную идеологию, разрушив Берлинскую стену, сблизив Запад и Восток, вновь обратив наше внимание к общечеловеческим ценностям, дает нам шанс на выживание, на то, чтобы построить безъядерный мир во имя жизни наших потомков, нашей Земли. Я призываю вас к согласию и объединению усилий во имя жизни не только от своего имени, как казахский парламентарий, но и от имени своего народа, испытавшего трагедию атомных взрывов; это же могут сказать белорусы и украинцы, опаленные радиацией Чернобыля, могут сказать и народы Севера, что живут на Новой Земле.

Мудрость – не в упрямстве, а в понимании историчности Времени. Упустив момент, можно потерять не только авторитет великой державы, но и остаться под атомным пеплом.

Мы должны заставить правительства стран – обладателей ядерного оружия – прислушаться к голосу Разума во время предстоящего в январе 1991 года обсуждения этой проблемы в ООН.

13. 11. 1990 г.

Подборку материалов подготовил
Габбас КАБЫШУЛЫ

ВЕРА НАПОЛНЯЕТ СЕРДЦЕ ЧЕЛОВЕКА ЛЮБОВЬЮ

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в Казахстане

16 января этого года по приглашению Президента страны Нурсултана Назарбаева Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл прибыл с Перво-святительским визитом в Республику Казахстан. Самолет с делегацией Русской Православной Церкви совершил посадку в столице Казахстана Астане.

17 января Святейший Патриарх Кирилл совершил чин великого освящения Успенского кафедрального собора, после чего возглавил Божественную литургию в новоосвященном храме.

В этот же день от имени председателя Сената Парламента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева в честь Его Святейшества был дан прием во дворце торжеств «Салтанат сарайы», после чего Предстоятель Русской Православной Церкви и члены сопровождающей делегации прибыли в Алматы. Здесь, в Казахском государственном академическом театре оперы и балета имени Абая, состоялась встреча Его Святейшества с общественностью города и представителями СМИ. Вечером этого же дня Святейший Патриарх Кирилл посетил Никольский собор.

Утром 18 января, в Крещенский сочельник, Предстоятель Русской Церкви совершил Божественную литургию и великое освящение воды в Вознесенском кафедральном соборе.

Затем в резиденции Президента Казахстана в Алматы состоялась встреча Его Святейшества с Президентом Республики Нурсултаном Назарбаевым, после чего Перво-святитель возложил венок к Мемориалу Славы казахстанцев, погибших в годы Великой Отечественной войны.

Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси (Гундяев Владимир Михайлович)

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл (в миру Владимир Михайлович Гундяев) родился 20 ноября 1946 года в г. Ленинграде. Отец – Гундяев Михаил Васильевич, священник, скончался в 1974 году. Мать – Гундяева Раиса Владимировна, преподаватель немецкого языка в школе, в последние годы домохозяйка, скончалась в 1984 году. Старший брат – протоиерей Николай Гундяев, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии, настоятель Спасо-Преображенского собора в г. Санкт-Петербурге. Дед – иерей Василий Степанович Гундяев, узник Соловков, за церковную деятельность и борьбу с обновленчеством в 20-х, 30-х и 40-х годах XX века подвергавшийся тюремным заключениям и ссылкам.

По окончании 8-го класса средней школы В. Гундяев поступил на работу в Ленинградскую комплексную геологическую экспедицию Северо-Западного геологического управления, где и проработал с 1962 по 1965 год в качестве техника-картографа, совмещая работу с обучением в средней школе.

После окончания средней школы в 1965 году поступил в Ленинградскую духовную семинарию, а затем в Ленинградскую духовную академию, которую закончил с отличием в 1970 году.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в Астане. 2010 г.

С 26 декабря 1984 года — архиепископ Смоленский и Вяземский.

С 1986 года — управляющий приходами в Калининградской области.

С 1988 года — архиепископ Смоленский и Калининградский.

С 13 ноября 1989 г. по 2009 г. — председатель Отдела внешних церковных сношений (с августа 2000 года — Отдел внешних церковных связей), Постоянный Член Священного Синода.

25 февраля 1991 года возведен в сан митрополита.

27 января 2009 года Поместный Собор Русской Православной Церкви избрал митрополита Кирилла Патриархом Московским и всея Руси.

Инtronизация Святейшего Патриарха Кирилла состоялась 1 февраля 2009 года в Храме Христа Спасителя.

Первосвященный визит Святейшего Патриарха Кирилла в Казахстан стал значимым событием в общественной и религиозной жизни не только казахстанцев, но и всех людей доброй воли, живущих на постсоветском пространстве. Новомученики и исповедники земли казахстанской, испившие здесь чашу скорбей в годы массовых политических репрессий и гонений на Церковь и принявшие мученическую кончину, явили миру удивительную силу духа, сохранив в тех невероятных условиях веру, надежду и любовь. Именно эти главные ценности призваны сегодня сохранить мир и спокойствие в душах и сердцах миллионов людей, помочь обрести силу для преодоления трудностей в нашей земной жизни.

...У врат Успенского кафедрального собора Предстоятеля Русской Православной Церкви встречали аким Астаны Имангали Тасмагамбетов, иерархи и священнослужители, православные верующие.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил чин великого освящения Успенского кафедрального собора, после чего возглавил Божественную литургию в новоосвященном храме. По окончании богослужения митрополит Мефодий обратился к Предстоятелю Русской Православ-

3 апреля 1969 года митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом (Ротовым) был пострижен в монашество с наречением имени Кирилл. 7 апреля им же рукоположен во иеродиакона, 1 июня того же года — во иеромонаха.

С 1970 по 1971 годы — преподаватель догматического богословия и помощник инспектора Ленинградских Духовных школ; одновременно — личный секретарь митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима и классный наставник 1-го класса семинарии.

12 сентября 1971 года возведен в сан архимандрита.

С 1971 по 1974 годы — представитель Московского Патриархата при Всемирном Совете Церквей в Женеве.

С 26 декабря 1974 года по 26 декабря 1984 года — ректор Ленинградской духовной академии и семинарии.

14 марта 1976 года хиротонисан во епископа Выборгского. 2 сентября 1977 года возведен в сан архиепископа.

ной Церкви со словами приветствия и преподнес Его Святейшеству икону преподобноисповедника Севастиана Карагандинского.

Преподобноисповедник Севастиан Карагандинский (в миру Степан Васильевич Фомин)

Родился в Орловской губернии в бедной крестьянской семье. В 1909 году был принят в скит Оптиной Пустыни келейником к старцу Иосифу. В 1917 году был пострижен в мантию с именем Севастиан. В феврале 1933 года отца Севастиана арестовали и приговорили к 7 годам заключения. Преподобноисповедник отбывал заключение в Карагандинском ИТЛ (Карлаге); после освобождения остался в селе Большая Михайловка под Карагандой. Лишь в 1955 году верующие добились официального разрешения властей на регистрацию религиозной общины в Большой Михайловке. Был построен храм, освященный в честь Рождества Пресвятой Богородицы. 22 декабря 1957 года, в день празднования иконы Божией Матери «Нечаянная Радость», митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф (Чернов) возвел отца Севастиана в сан архимандрита и наградил Патриаршей грамотой «За усердное служение Церкви». Схиархимандрит Севастиан скончался 19 апреля 1966 года, на Радоницу. Погребен на Михайловском кладбище. Прославлен в 1997 году как местночтимый святой Алма-Атинской епархии. 4 ноября 1997 года честные мощи преподобноисповедника были перенесены в новый храм Рождества Пресвятой Богородицы в Караганде. Причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в августе 2000 года.

Святейший Патриарх Кирилл вручил церковные награды: митрополит Астанайский и Алма-Атинский Мефодий был награжден орденом преподобного Серафима Саровского I степени, аким Астаны Тасмагамбетов – орденом преподобного Серафима Саровского II степени. Патриарших наград были также удостоены благодетели, принимающие активное участие в созидании и благоуукрашении кафедрального собора.

В Первосвятительском слове Предстоятель, в частности, сказал:

– Для меня большая радость вступить на землю Казахстана в первый год моего Патриаршего служения. Богу было угодно сделать так, что программа изменилась, и мы начали свое шествие по казахстанской земле с ее новой столицы, с освящения этого величественного кафедрального собора. День, в который мы совершаем это великое деяние, особенный. Сегодня совпадают две даты – Неделя, то есть воскресенье, перед Крещением Господним, и Неделя о Закхее, первое подготовительное воскресенье перед Великим постом. В этом году мы будем праздновать праздник Пасхи 4 апреля – это самая ранняя Пасха из всех возможных, поэтому и подготовка к Великому посту начинается уже на Святках.

Сегодня читалось замечательное зачало из Евангелия от Луки, в котором говорится об обращении Закхее (Лк. 19:1-10). Закхей – мытарь, то есть сборщик податей, говоря современным языком, налоговый инспектор. Народ не любил сборщиков податей, потому что они собирали подать не для своего народа, а для римских оккупантов. Потому в глазах народа мытари были предателями, отступниками, а значит, и богохульниками, великими грешниками. И вот Господь посещает Иерихон. Его окружает огромная толпа людей, и вдруг на дерево взбирается мытарь по имени Закхей. Из-за своего малого роста он не может увидеть Спасителя и взбирается для того, чтобы посмотреть на Него. Можно ли представить, чтобы сейчас на дерево влез какой-нибудь государственный чиновник? Сказали бы, что он с ума сошел. Наверное, так на Закхея и посмотрели. Если бы это было простое любопытство, мы бы

сегодня о Закхее не говорили, мы просто не знали бы его имени. Но в его деянии было нечто великое: Закхей уничтожил себя, смирил себя перед людьми, чтобы увидеть Спасителя. Вот такой была внезапная внутренняя потребность, такой невероятной силы тяготение к чистоте и святости, которые Христос являл людям. Закхей взобрался, и Господь подошел к нему и сказал: «Закхей, спускайся, Я сегодня буду в твоём доме» (см. Лк. 19:5). Это был уже абсолютный вызов всем: пойти в дом к предателю, разбойнику, вору, к тому, кто наживался на благополучии других людей. И одно только слово Спасителя преобразует Закхея. Он вдруг осознает всю бездну своего падения, всю глубину своего заблуждения и говорит: «Господи, если кого я обидел, я четверо-ему воздам» (Лк. 19:8). Это были не простые слова: наверное, нужно было отдать почти все, что имел Закхей, чтобы вернуть людям несправедливо взятое у них. Но он во мгновение решается на этот поступок, и Господь говорит, что ныне пришло избавление и дому Закхея (Лк. 19:9-10).

Это событие очень многому нас учит. Каждый из нас совершает грехи. Чем выше человек по своему положению, тем чаще его грех влияет на других людей. Грехами мы всегда обижаем других, будь то коллеги по работе или наша семья, наши родители или наши дети, наши мужья или наши жены. Грех всегда несет людям горе, хотя иногда нам кажется, что он так глубоко внутри нас, что никто его и разглядеть не может. Это неправда – грех всегда разит других; грех разрушает самого человека, но несет несчастье и другим людям. Пример Закхея учит нас, что, каким бы грешником каждый из нас ни был, какая бы тяжесть ни лежала на нашем сердце, у нас есть возможность привлечь к себе Божию любовь и Божию милость. И нам не нужно забираться на деревья – нам следует просто обрести решимость, которую обрел Закхей, и исповедовать пред Богом эту решимость простить других людей, вернуть то, что мы несправедливо у них взяли, будь то материальные ценности или нечто иное, разделить с людьми свою жизнь, отдать им часть самого себя. И тогда мы услышим замечательные слова, которые Господь сказал Закхею, о том, что и на нас распространяется принесенное Христом спасение людей.

Если мы сумеем в предстоящие дни Великого поста поработать над собой, проанализировать свою жизнь, свои поступки, свои мысли, попытаемся их исправить, то даже небольшие наши усилия приведут к тому, что мы станем лучше. Ведь человек в своей жизни никогда не стоит на одном месте; а если стоит, значит, он деградирует, становится хуже. Только движение вперед означает развитие и умственное (это хорошо знают те, кто учится), и нравственное, и духовное, и материальное; только движение вперед возвышает человека. Вот нам и даются такие дни, как дни Великого поста, чтобы мы могли пред Богом, принеся покаяние, взять под контроль свои мысли и поступки и двигаться вперед, навстречу Господу.

Замечательно, что сегодня происходит возрождение веры среди народов, которые прошли через суровое время государственного атеизма. Именно эти народы, как никакие другие в мире, осознают, что такое жизнь без Бога. Жизнь без Бога – это жизнь без нравственного мерил. Если Бога нет, то все дозволено, как сказал великий Достоевский. Если мы отрицаем Бога, то кто будет судить наши поступки? Конечно, если нарушим закон, нас ждет суд. А если закон будем соблюдать, а внутри творить грех и неправду, кто нас будет судить? Но если мы верим в Бога, если мы понимаем, что Бог наш судья, то осознание этого важнее всякого страха перед судом и наказанием человеческим.

Страх Божий есть великая нравственная сила, которая ориентирует человека и помогает двигаться вперед, преодолевая разрушительное тяготе-

ние греха. Наверное, именно поэтому мы, пройдя через годы государственного атеизма, и строим сегодня храмы Божии.

Его Святейшество выразил глубокую благодарность Президенту Казахстана, местным властям и митрополиту Мефодию за то, что в новой столице нового Казахстана был воздвигнут этот величественный кафедральный собор.

– Именно вера дает людям возможность правильно строить свои отношения со всеми – не только с людьми, близкими по крови или религии, но и с теми, кто имеет иные религиозные убеждения, и даже с теми, кто чужд любой религии, потому что **вера наполняет сердце человека любовью, а любовь преодолевает любые человеческие разделения**, – подчеркнул Патриарх Кирилл. – Вот почему, когда мы строим храмы, мы закладываем фундамент здоровых человеческих отношений. Через развитие духовной жизни мы созидаем здоровую общественную жизнь, мир и согласие поверх всех тех границ, которые существуют в любом человеческом обществе. И я надеюсь, что этот Божий храм, как и многие другие храмы, появившиеся на казахстанской земле, будут содействовать созиданию и дальнейшему процветанию многонационального и многорелигиозного Казахстана.

В память о посещении сего святого места Его Святейшество преподнес в дар собору икону Божией Матери «Казанская» с памятной надписью, а каждому из верующих с Патриаршим благословением – маленькую иконочку с изображением праздника Крещения Господня, словно скрепляя внутренней духовной связью не только всех верующих, но и всю Русскую Православную Церковь.

Успенский собор

Проектно-изыскательские работы по строительству в новой столице Казахстана кафедрального собора Казахстанского митрополичьего округа начались в 2004 г. Спустя два года были совершены закладка камня и освящение фундаментной плиты Успенского собора, а первое богослужение совершено на Пасху в том же году.

К Пасхе 2009 г. закончено возведение стен и сводов собора, началась облицовка наружных стен белым мрамором; в августе этого же года митрополит Астанайский и Алма-Атинский Мефодий совершил освящение пяти куполов и крестов собора.

17 января 2010 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил великое освящение главного престола в честь Успения Пресвятой Богородицы в верхнем храме собора. Боковые приделы верхнего храма посвящены святым равноапостольным Кириллу и Мефодию, учителям Словенским, и Архистратигу Михаилу и прочим Небесным Силам бесплотным. Престол нижнего храма посвящен Собору новомучеников и исповедников Казахских.

Общая площадь собора составляет более 2000 кв. м, вместимость – до 4000 человек, высота храма – 68 м. В настоящее время завершаются работы по монтажу мраморного пола, иконостаса и паникадил. Настоятель и куратор строительства – благочинный Астанайского церковного округа архимандрит Серапион (Дунай).

17 января от имени председателя Сената Парламента Республики Казахстан Касым-Жомарта Токаева во Дворце торжеств «Салтанат Сарайы» в Астане был дан прием в честь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, на котором присутствовали первый заместитель министра иностранных дел Республики Казахстан Абылкаев, аким Астаны Тасмагамбетов, вице-спикеры обеих Палат Парламента Республики Казахстан, Чрезвычайный и Полномочный Посол Россий-

ской Федерации в Республике Казахстан Бочарников, митрополит Астанайский и Алма-Атинский Мефодий.

Обращаясь к собравшимся, Святейший Патриарх Кирилл поблагодарил Нурсултана Назарбаева и Правительство Казахстана за теплый прием. Предстоятель Русской Церкви высоко оценил деятельность руководства Казахстана, направленную на развитие и укрепление добрых межрелигиозных и межнациональных отношений в стране.

По прибытии в Алматы Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл ответил на вопросы представителей электронных СМИ.

Как подчеркнул Святейший Владыка, пастырские поездки позволяют понять, «что есть Русская Православная Церковь». Юрисдикция Русской Церкви, совершающей пастырское попечение о многих народах, распространяется на территорию многих государств, и в каждом государстве есть свои особенности. «И Патриарх должен это видеть, знать, понимать, чувствовать, чтобы не делать ошибок и содействовать нашему православному народу в том, чтобы люди жили согласно воле Божией и Божиему закону в тех условиях, в которых они находятся», – отметил Святейший Владыка.

Отвечая на вопрос об участии мирян в возведении храмов, Святейший Патриарх сказал: «Духовенство осуществляет руководство, а все делается руками и, в значительной степени, по воле мирян. Очень важно, что храмы возводятся по воле нашего православного народа. Поэтому наибольшее количество наград, в том числе Патриарших, вручаемых за заслуги в строительстве храмов, – это награды нашим мирянам».

Успенский собор в Астане

* * *

В Государственном академическом театре оперы и балета имени Абая прошла встреча Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с общественностью города. Среди гостей – первая леди страны Сара Назарбаева, иерархи и священнослужители, сопровождающие Святейшего Патриарха Кирилла в ходе Первосвятительского визита в Казахстан, представители государственных структур и общественных организаций, а также традиционных религий Казахстана.

Солнцем и светлым дождем встретил Патриарха Кирилла город. Приветственными песнопениями встретил Его Святейшество детский хор Свято-Никольского храма Алматы. К торжественному событию в фойе театра была организована рождественская выставка детских поделок: юные воспитанники воскресных школ представили свои работы: рисунки, картины, новогодних зайчиков, елочек и даже целый город мастеров из цветной бумаги...

Курс – на межнациональный диалог

Под разливанный звон колоколов на сцену театра взошел Святейший Патриарх Кирилл. Его сопровождал Митрополит Астанайский и Алматинский Мефодий. Зал – полная чаша – тепло и сердечно рукоплескал.

– Для меня огромная честь открыть нашу встречу, которая, безусловно, имеет большое значение для многонационального Казахстана, для всех его граждан, независимо от вероисповедания и национальности, потому что мы как никто другой в мире, демонстрируем свое дружелюбие, миролюбие, толерантность, уважение друг к другу, – сказал правящий архиерей Мефодий. – На этом-то и зиждется феномен Казахстана, который способствовал в немалой степени тому, что наша страна в этом году председательствует в ОБСЕ. Основой всего этого является та великая нравственность, которую проповедуют и исповедуют основные религии Казахстана – православие и ислам.

Как отметил в Первосвятительском слове Святейший Патриарх Кирилл, побывавший на казахстанской земле 27 лет назад, все изменилось до неузнаваемости и причина перемен в том, что Казахстан стал динамически развивающимся государством. Причем возникло это государство в Великой степи в период всеобщего развала, когда вокруг в ряде мест постсоветского пространства возникали межэтнические конфликты. В некотором смысле Казахстан оказался в особо трудном положении, ведь это по-настоящему многонациональное и многорелигиозное сообщество людей.

– Мы помним, сколь мощные националистические силы стали активно выступать на политической арене в период распада Советского Союза; помним, к каким катастрофическим последствиям приводили эти межэтнические конфликты в ряде мест постсоветского пространства. Такие конфликты, действуя как приводной механизм, обрушивали нормальную жизнь людей: проливалась кровь, возрастала напряженность, подогревалась ненависть. Ничего подобного не произошло в Казахстане. Наверное, многие думали, что здесь-то и «рванет»: так много разных народов и религий, такие огромные пространства... Не произошло этого!

Размышляя над тем, почему это не произошло в Казахстане, любой честный наблюдатель отметит совершенно особую роль Первого Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева. Я очень уважаю вашего Президента и ценю все, что он сделал для Казахстана, для казахстанско-российских отношений, для организации сотрудничества на постсоветском пространстве; он действительно заложил основы такой государственности и создал такой общественный климат, который снял все возможные опасения, связанные с развитием межэтнических и межнациональных конфликтов. Тот факт, что Казахстан избран сегодня председателем ОБСЕ, не случаен. Это признание роли Казахстана, в том числе в налаживании межнационального, культурного и межрелигиозного диалога.

Каждая страна и каждый народ – бесценное сокровище цивилизации

Фобии, ненависть, вражда нередко связаны с националистическими историсофскими идеями и теориями. В Казахстане не существует национальных и исторических фобий: никто не держит зла на прошлое, никто не ищет в прошлом то, что может осложнить отношения между странами и народами на постсоветском пространстве. Это замечательный пример для всех. Мы знаем, как в некоторых других странах намеренно акцентируются такие моменты истории, которые могут ранить чувства той или иной нации, создать образ врага в лице других народов.

– И я хотел бы сердечно поблагодарить и Президента, и весь народ Казахстана, которые сделали так много для того, чтобы страна жила в мире, в спокойствии, с доброжелательным отношением ко всем, – подчеркнул Святейший Патриарх Кирилл.

– У казахского народа есть национальная особенность, связанная, по большей части, с восточной ментальностью. Подобная черта есть и у русских, но в Казахстане она проявляется особенно ярко, – это гостеприимство. Люди на Востоке очень гостеприимны: иногда на последнее, что у него есть, человек накрывает стол, чтобы угостить гостей. Но сейчас я бы хотел упомянуть о совершенно особом проявлении казахского гостеприимства. Сюда, в Великую степь, в самые тяжелые годы политических репрессий XX века привозили множество заключенных. Общественным сознанием они воспринимались как враги народа, с которыми было опасно общаться. Теперь мы понимаем, что абсолютное большинство репрессированных было невиновно, но ведь в то время никто этого не знал, и подвергшиеся репрессиям люди воспринимались как преступники. И что же происходило, когда доставленных эшелонами или грузовиками заключенных оставляли в степи в холодную ненастную погоду? Множество людей погибло, но сколько обреченных остались живы только потому, что простые люди, жившие на этой земле, не боялись протянуть руку помощи так называемым врагам народа! Доброта была сильнее, чем страх перед наказанием. Я думаю, что никогда в России и в других странах постсоветского пространства не будет забыт этот опыт общения с казахским народом в тяжелейшую годину народных страданий. Может быть, в ответ на эту доброту Господь споспешествует сегодня успешному развитию Казахстана.

В современном Казахстане религиозное и национальное многообразие не отражается негативно на человеческих отношениях, ибо здесь привыкли оценивать людей, прежде всего по их душевным качествам. Уверен, что ментальность казахского народа, исторический опыт и замечательные традиции в сочетании с мудрым государственным руководством способствовали созданию государства, в котором гармонируются межнациональные и межрелигиозные отношения.

Напомню слова Президента Казахстана, который свидетельствует, что каждая страна и каждый народ – это бесценное сокровище цивилизации. Богатство мира заключается в его многообразии, и своим примером, говорит Назарбаев, мы наглядно демонстрируем, что разные народы и разные религии вполне могут сосуществовать и развиваться в благоприятных мирных условиях.

Я хотел бы выразить надежду и уверенность, что в соответствии с этими мудрыми принципами Казахстан будет развиваться и впредь, что и далее будут строиться такие межнациональные отношения, дабы народ имел поддержку со стороны власти в проявлении своих национальных и религиозных чувств, в реализации своих культурных особенностей, и чтобы каждый представитель любого народа имел возможности для интеллектуального развития и для профессиональной карьеры.

Сегодня, как, может быть, никогда, людям разных стран, разных народов, разных религий необходимо находить общий язык, чтобы объединять свои усилия. Непредвзятый взгляд на происходящее сегодня свидетельствует о возникновении перед человеческой цивилизацией опаснейших вызовов: род человеческий сталкивается с такими проблемами, с какими никогда не сталкивался раньше. Действительно, человек не может быть спокоен, когда сообщается о том, что совершен террористический акт, о том, что нищета и голод губят людей.

Весь мир всколыхнула трагедия Гаити. У этой страны тяжелая судьба. В свое время, когда она была французской колонией, там находились тюрь-

мы, куда из Франции отправляли людей на пожизненное заключение. Это был страшный уголок мира. Потом страна освободилась от колониального ига, но, к сожалению, в отличие от своего соседа – Доминиканской Республики – не смогла наладить жизнь и встать на тот путь развития, который привел бы людей к благополучию. Мне приходилось бывать на этом острове, разделенном между двумя странами: Доминиканская Республика и Гаити воспринимаются как два мира. Одна часть острова процветает, в другой царят преступность и политическая нестабильность.

Теперь же тяжкие проблемы этой части острова многократно усугублены катастрофическим землетрясением. С экранов телевизоров мы видим бездну человеческого страдания.

Казахстан, как и другие страны, не понаслышке знает, что такое землетрясение. Обычно в случае тяжелых природных катастроф люди организуются, начинают помогать друг другу, создавать условия для реализации внешней помощи. На Гаити же мы сейчас видим нечто противоположное: люди погибают от голода, жажды, болезней и от рук преступников; можно представить себе, в каком аду сейчас находятся жители Гаити.

О значении человеческой нравственности

У нищеты, голода, преступности, наркомании, коррупции, на фоне которых развивается человеческая трагедия в этой разрушенной землетрясением стране, много исторических, экономических, политических, социальных, климатических причин; в конце концов, велика роль личности в истории. Однако нельзя забывать, что именно глубинное состояние человеческого духа лежит в основе многих проблем современного общества – от наркомании и преступности до загрязнения окружающей среды.

Богу было угодно заложить в нас нравственное чувство, которое познается голосом совести. Именно этим чувством, в первую очередь, человек и отличается от всего животного мира, ведь разум в той или иной мере свойственен и животным. Так, наблюдая за собаками, иной раз поражаешься их разуму, дипломатии, хитрости.

Однако в человеческой природе, помимо инстинктов и разума, есть нравственное чувство. Это очень важная черта человека, отличающая его от других живых существ нашего мира. Именно в этом тайнике человеческой природы, в этом тайнике души и происходит все – как говорит Писание, *из сердца человека исходят злые помыслы* (Мк. 7, 21). И если эти помыслы мы претворяем в злые деяния, то уже вторично, в какой области они будут осуществляться: в политике ли, в экономике ли, будем ли мы бездумно тратить природные ресурсы, которые Бог нам дал, и загрязнять окружающую среду, или создавать несправедливые отношения, провоцируя голод, социальные потрясения и употребление наркотиков, при помощи которых некоторые пытаются вырваться из тяжелых условий земного бытия, забыться в виртуальном мире грез.

К сожалению, старшее и среднее поколение людей, воспитанное в годы атеизма, практически никогда не задумывалось о значении человеческой нравственности. Как вы помните, нам говорили, что базисом общественных отношений в любой социально-экономической формации является экономика. Но на самом деле экономика вторична, первична же человеческая личность. Экономика призвана обслуживать потребности человека и потребности человеческого общества. Но человек не может жить только ради экономики – иначе чем он будет отличаться от бобра, который всю жизнь строит в водоеме плотины?

У нас есть высшие цели, и одной из них является реализация нравственного чувства человека. Хотя в истории религиозные чувства проявлялись

по-разному (мы знаем, что были религиозные войны; порой люди, прикрываясь верой, творили зло), но сама по себе религия призвана поддерживать нравственное чувство в человеке, не давать этому чувству угаснуть – а угаснуть оно может очень легко. Религия помогает людям сохранять сильным голос своей совести. В этом, в первую очередь, социальное значение религии. Конечно, вера приводит человека к Богу, открывает ему путь в Царствие Небесное, но если оценивать роль религии социологически, то это, в первую очередь, работа по сохранению нравственного чувства.

Иногда нам говорят: чтобы решить проблему преступности, нужно воспитать правовое сознание, добиться того, чтобы люди знали законы. Но мне приходилось посещать тюрьмы, и я был поражен, общаясь с теми, кто находится в заключении. Немалое число из них – это талантливые, образованные люди, которые знают законы лучше, чем мы с вами, и тем не менее нарушают эти законы. Так почему же бабушка в деревне, не зная закона, не нарушает его, а люди просвещенные сознательно идут на нарушение закона, причем так, что порой сеют вокруг себя смерть и разрушение? Все зависит от того, что в сердце. О том же говорит апостол Павел, отмечавший, что язычники *естественно законное творят* (Рим. 2, 14), – то есть они по своей природе делают то, что правильно, ибо природа человека от Бога одарена нравственным чувством.

Для того чтобы исполнялись законы, чтобы процессы в области политики, экономики, социальной жизни несли в себе добро, улучшали человеческие отношения, повышали качество жизни, необходимо жить по закону совести. И если современный человек забудет об этом, это может повлечь страшные последствия, потому что научно-технический прогресс настолько вооружает человечество, что в его силах сделать с собой все, что угодно, вплоть до самоуничтожения.

Пекитесь о добром перед всеми людьми

Нужно также сказать и о том, что решение многих проблем, которые сегодня обрушиваются на человеческую цивилизацию, требует сотрудничества, координации действий. Среди таких вопросов, требующих общих усилий, – и изменение климата, о котором сегодня много говорят, и проблема загрязнения среды, и международный терроризм и преступность, и многое другое. Экономический кризис высветил еще одну проблему – проблему «дутой» экономики, в рамках которой деньги являются не итогом реальных затрат труда, умственного или физического, а лишь результатом умения работать с так называемыми ценными бумагами. Во многом эта проблема – нравственная; решить же ее можно только всем вместе.

Я хотел бы еще раз вспомнить слова Президента Казахстана. Так, он выразил уверенность в том, что все крупные проблемы современного мира могут быть разрешены путем диалога и совместных усилий. Русская Православная Церковь полностью согласна с таким подходом. Ведь и Священное Писание нам говорит: *пекитесь о добром перед всеми людьми. Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми* (Рим. 12, 17-18). Поэтому вопросы организации сотрудничества между людьми разных взглядов и убеждений, людьми доброй воли, очень важны на уровне любого человеческого объединения – семьи, трудового коллектива, деревни, города. Мы можем себе представить счастливую семью, где все, как лебедь, рак и щука, тянут в разные стороны? Единственный путь решения общих проблем – взаимная поддержка и согласие, которое достигается через диалог. И если диалог помогает на уровне семьи и коллектива, то он может и должен помочь на уровне всего человеческого рода.

23 сентября 2003 года по инициативе Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева в Астане открылся I Съезд лидеров мировых и традиционных

религий. К вам приехали люди разных религиозных взглядов и убеждений – кстати, некоторые из них до приезда в Казахстан не могли друг другу руку протянуть, не говоря уже о том, чтобы сесть за один стол. В рамках форума начался серьезный разговор о судьбах мира, о роли религии в устройении общества. Главной задачей Съезда стало объединение усилий религиозных лидеров для уврачевания и предотвращения конфликтов на религиозной почве, для выработки новых форм международного сотрудничества. Пользуясь случаем, я бы хотел выразить свою признательность и Президенту страны, и казахскому народу за то, что именно здесь, на этой благодатной земле, были предприняты такие замечательные инициативы.

Хотелось сказать несколько слов о жизни Русской Православной Церкви в Казахстане. Я хотел бы отметить, что за последние годы формат отношений между Русской Православной Церковью и властями Республики Казахстан стал максимально доверительным. В этом я вижу заслугу и Президента страны, который, как мне хорошо известно, испытывает к Православии глубокое уважение; и местного церковного руководства, в первую очередь, митрополита Мефодия.

Православная община республики ощущает поддержку и внимание со стороны государственных властей, пользуется уважением народа. Отраднo, что 7 января – праздник Рождества Христова – является выходным днем на всей территории Казахстана. Это знак уважения к тем, для кого Рождество является одним из самых важных дней в году.

Русская Православная Церковь – это не только Церковь Российской Федерации. Русская Церковь совершает пастырское попечение о людях, которые живут в разных государствах в ближнем и в дальнем зарубежье, в том числе здесь, на земле Казахстана. Свидетельство современному миру о духовных ценностях в православной традиции, о ее вкладе в культурное единство народов – одна из задач моего Патриаршего служения.

Еще раз хотел бы поблагодарить народ этой страны за любовь и уважение, которые они испытывают к Православной Церкви, к ее духовному и культурному наследию. Надеюсь, что так будет всегда, ведь Православие – это неотъемлемая часть многовековой истории Казахстана и его народа, а значит, и часть его будущего.

Пример любви и преданности Богу

Известно, что христианство в Казахстане имеет глубокие исторические корни. По преданию Церкви, уже святые апостолы Варфоломей, Филипп, Матфей и Фома распространяли Евангелие в Индии и в соседних с нею странах, к которым относятся среднеазиатские земли и территория Семиречья. После вхождения Казахстана в состав Российской империи наша Церковь стала активно развивать свою деятельность на его территории, и в XIX – начале XX века началось повсеместное строительство храмов в различных пограничных крепостях и городах. В их числе – Покровская церковь в городе Верном, Петропавловская Вознесенская церковь, церковь святых Константина и Елены в городе Акмолинске и другие. Были основаны самостоятельные православные епархии, территории которых охватывали современный Казахстан, – Омская, Туркестанская, Оренбургская, Семипалатинская. Была создана система церковно-приходских школ: появились Алма-Атинская двухклассная женская церковно-приходская школа, Лепсинское мужское двухклассное приходское училище, церковно-приходская школа в станице Каскеленской и ряд других.

В XX веке, в период безбожного лихолетья, когда миллионы людей подвергались преследованиям и предавались смерти, в том числе за их религиозные воззрения, казахская земля стала местом ссылки и исповед-

нического подвига тысяч и тысяч православных христиан, среди которых были и архиереи, и священники, и монахи, и множество мирян. Среди них есть великие святые, которые теперь непрестанно молятся Богу за Казахстан и за его народ. Думаю, многие ощущают их молитвенную помощь, находясь в этих политых священной кровью местах.

На Юбилейном Архиерейском Соборе нашей Церкви, который проходил в 2000 году в Москве, более 200 человек, которые засвидетельствовали свою веру в Казахстане (многие из них мученически погибли), были причислены к лику святых, в том числе ревностный архипастырь священномученик Пимен (Белоликов), епископ Верненский и Семиреченский; священноисповедник Николай (Могилевский), митрополит Алма-Атинский и Казахстанский; печальник многострадального народа преподобный Севастиан, старец Карагандинский; преподобномученики Алма-Атинские Серафим (Богословский) и Феогност (Пивоваров). В черте южноказахстанского города Чимкента находится место расстрела и захоронения выдающегося иерарха XX столетия священномученика Кирилла (Смирнова), митрополита Казанского, и с ним 25 человек, также причисленных к лику святых. В городе Уральске отбывал ссылку священномученик Серафим (Звездинский), архиепископ Дмитровский. В селении Кара-Тюбе проходил свой мученический путь старец московского Данилова монастыря преподобноисповедник Георгий (Лавров).

Всех новомучеников и исповедников, освятивших своей кровью эту землю, сейчас невозможно перечислить. Пример любви и преданности Богу казахстанских святых стал той силой, благодаря которой возгорелись верой сердца многих тысяч людей, окрепло их упование на Бога, победившего смерть и даровавшего нам воскресение.

Залог доброго будущего

Сегодня Православие – это вторая по численности традиционная религия в Казахстане. Число православных составляет около трети населения страны. Со времени обретения Казахстаном независимости шел процесс преобразования церковного управления в стране для лучшей координации церковной жизни. В 1991 году из Алма-Атинской епархии, ранее единственной на всей территории республики, была выделена Уральская и Чимкентская. Решением Священного Синода от 16 июля 1995 года была образована межъепархиальная комиссия правящих архиереев, несущих послушание в Республике Казахстан, под председательством Преосвященного Алма-Атинского. Постановлением Священного Синода от 7 мая 2003 года с целью улучшения координации религиозно-просветительской, издательской, социальной и прочей общественно значимой деятельности православных епархий Казахстана был образован митрополичий округ, включающий Астанайскую, Уральскую и Чимкентскую епархии, с центром в Астане и с возглавлением митрополитом Астанайским.

Сегодня в нашей Церкви активно развивается образовательная и просветительская деятельность, социальная работа, молодежное служение. Я призываю к тому, чтобы все эти церковные служения получили развитие в каждом нашем приходе, вне зависимости от того, в какой стране эти приходы находятся. Убежден, что такие труды приносят пользу всему народу, людям разных убеждений. Эти труды содействуют поддержанию нравственного чувства в душе человеческой. Поэтому хотелось бы надеяться на поддержку церковных, социальных, просветительских и молодежных инициатив со стороны органов власти Республики Казахстан. Ведь, заботясь о людях, об их физическом и духовном здоровье и благополучии, мы будем вместе заботиться о будущем страны.

Наша Церковь совершает свое служение во многих дружественных государствах, между народами которых в течение веков установились проч-

ные узы взаимоотношений во всех областях жизни. В годы Великой Отечественной войны наши народы плечом к плечу защищали мир от коричневой чумы. С особым чувством я возложу венок к монументу в память казахстанцев, погибших в годы Великой Отечественной войны, потому что мы помним, какую огромную роль сыграли дивизии, сформированные на казахской земле, в защите нашего, тогда общего, Отечества, в том числе его столицы – города Москвы. Это наша общая память.

Современное развитие наших народов показывает, что потенциал их взаимодействия не исчерпан. Наши страны играют важную роль на евразийском политическом и экономическом пространстве. Поэтому считаю крайне важным поддерживать и укреплять конструктивное взаимодействие между властями, общественностью и народами наших стран, между религиозными сообществами, духовенством, особенно между религиозными лидерами. В этом я вижу залог доброго будущего.

Нам необходимо понимать, что если мы действительно хотим подлинной взаимопомощи между странами, то должны стремиться к сохранению и укреплению общих духовных и культурных корней, которые формировались на протяжении столетий. Об их неразрывной связи красноречиво свидетельствует творчество великого казахского поэта и просветителя Абая Кунанбаева, который первым на казахской земле перевел Пушкина, Лермонтова, Толстого и Бунина. В зале, названном его именем, мы с вами сейчас находимся.

Ныне часто на первый план выдвигается сотрудничество между нашими народами и государствами в сфере экономики. Это сотрудничество действительно очень важно, и мне хотелось бы поздравить народы Белоруссии, Казахстана и России с оформлением единого таможенного пространства и с успехами на пути координации экономической политики. Но по настоящему крепким и полноценным будет лишь такое взаимное общение народов, которое основано на общей исторической памяти, на общих ценностях и на взаимной братской поддержке. Только такая основа позволит мирно и по справедливости преодолевать любые расхождения интересов.

Надеюсь, что руководство всех стран единого исторического пространства, сформированного духовными и культурными факторами нашего общего бытия, будет прилагать усилия для того, чтобы эти духовные, культурные, исторические факторы никогда не подвергались разрушению, но, напротив, сохраняли свою актуальность и способность плодотворно влиять на все сферы отношений между народами и государствами. Уважение к этой общей истории, общей традиции, общей системе ценностей не имеет ничего общего с «имперскими вздыханиями».

Русская Православная Церковь с уважением относится к суверенитету, к национальному выбору каждого из народов. Но разве суверенитет и национальный выбор означают отрицание истории, ее поругание, ее разрушение? Разве каждый суверенитет должен быть непременно нацелен на конфронтацию, на разжигание конфликтов и противоречий? Совсем нет. В условиях государственного суверенитета и независимости люди, вышедшие из общей исторической традиции, могут и должны сохранять тесные взаимоотношения, братские связи, чтобы вместе решать проблемы, с которыми они сталкиваются.

Это мой первый визит в Казахстан, и я очень рад, что он был совершен в первый год моего Патриаршества. Я очень хотел побывать на казахстанской земле именно в этот первый год, чтобы тем самым засвидетельствовать глубочайшее уважение и любовь к казахстанскому народу, ко всем тем, кто живет на этой благословенной земле.

Я молюсь, чтобы народ, живущий здесь и с уверенностью смотрящий в будущее, мог еще более радовать всех нас своими замечательными достижениями. Как пастырь Церкви я молюсь Господу о том, чтобы Он ниспос-

лал Свое благословение на все добрые дела и начинания людей, которые здесь живут, на весь народ Казахстана; молось, чтобы благословение сопутствовало деятельности руководства государства и всех, кто несет высокую ответственность за будущее страны.

Благодарю вас всех за эту возможность встретиться с вами, почувствовать тепло ваших сердец, увидеть ваши лица. Для меня это большая радость. Пусть Господь хранит всех вас.

Митрополит Мефодий поблагодарил Его Святейшество за искреннее, доброе и теплое выступление, проникнутое духом любви, которое вечно соединяло и соединяет близких людей и дальних. Это чувство, которое способно объединить людей независимо от того, самостоятельное ли это государство или входит в состав других объединений, чувство, свидетельствующее о том, что им пользуется цивилизованное человечество.

– Именно чувство любви и высокой нравственности отличает человечество от всего живого. Любовь – это не просто красивые слова, произнесенные Архипастырем со сцены, это та повседневная забота и глубочайшие переживания, которые передает служитель церковный и церковь своему народу, – сказал в завершении Митрополит Мефодий.

Его Святейшество с удовольствием поделился с участниками встречи своими размышлениями, ответил на многочисленные вопросы, в том числе затронул тему жизни по совести и самую таинственную – тему счастья.

На вопрос, как жить верующему человеку в мире, где столько соблазна и искушения, Патриарх Кирилл ответил так:

– Жизнь по вере – это жизнь по совести. Верующий человек больше понимает эту связь, чем это может позволить себе человек не религиозный. Почему люди, даже не будучи религиозными, стараются не делать плохих поступков? Каждый ответит по-разному. Один скажет, меня так научили, другой – так народ наш живет, у нас есть такая традиция. Если человек не верит в Бога и не верит, что после смерти будет другая жизнь, какое имеет значение все эти традиции, живешь-то один раз, а жизнь такая скоротечная. Она кажется долгой, пока тебе 20, а после 40 человек начинает понимать, что что-то он сделает, а что-то уже никогда не сделает. А когда переваливает за 50, то больше появляется трезвого взгляда на жизнь, я уже не говорю о тех, что оборачиваются назад и удивляются, что так все быстро пролетело. Для неверующего человека, если он начинает серьезно думать о жизни, возникает большое искушение: а зачем нужно следовать таким условностям, как нравственность, чистота отношений между мужем и женой и многие другие вопросы, которые становятся бессмысленными. Некоторые говорят: а мы живем для будущих поколений. Тоже неубедительный ответ. Почему другое поколение предпочтительнее нынешнего? Не каждое ли поколение имеет свою ценность? А у верующего человека есть ответ: нужно жить так, потому что пред Богом предстанем. И Бог будет судить. Страх перед Богом, и я говорил об этом на проповеди в Астане, очень важное понятие, оно помогает человеку дисциплинировать самого себя. Каждый верующий человек знает, что пролетят эти 60-70 лет как миг, а дальше – Вечность. Поэтому религиозное мировоззрение способно поддерживать нравственное чувство в человеке куда более значительно, чем нерелигиозное. Тем не менее я не хочу ничего плохого сказать в адрес неверующих людей. Среди них есть люди нравственные. Но нравственность человека, который убежден в том, что все закончится со смертью, очень отличается от нравственности того, кто не согласен с таким исходом жизни. Поэтому в первую очередь очень важно сделать религиозный выбор. Не случайно наши народы после десятилетий атеизма выбрали путь веры, строятся

православные храмы, мечети, у людей есть потребность опираться на духовную составляющую. Нужно дорожить религиозным чувством, если оно человека посетило, нужно сделать все, чтобы его сохранить. Если человек не чувствует божьего присутствия, я бы посоветовал таким людям больше размышлять. И по-настоящему серьезные размышления приводят человека к правильным выводам и заключениям.

А вот теперь в отношении **борьбы с искушениями**. У человека два пути: либо оставаться человеком, либо становиться животным. Испытания происходят от наших инстинктов. Но инстинкт – это та сила, которую Бог вложил в человека так же, как он вложил и нравственное чувство. Потому что без инстинкта не было бы и чувства самосохранения человеческого рода, не было бы продолжения человеческого рода. Мы бы не чувствовали потребности в еде, питье, просто люди исчезли бы с лица земли. Инстинкт важен, но если человек живет только по голосу инстинкта, а все искушения от этого происходят, тогда чем он отличается от животного? Поэтому борьба с искушениями – это не какая-то скучная штука, как молодежь говорит. Борьба с самим собой – это и есть жизнь. Это и есть драма человеческой жизни. Личность растет через преодоление как внешних трудностей, так и трудностей, таящихся в собственной природе. И не надо бояться этой борьбы, надо ее мужественно встречать и в результате этой борьбы становиться человеком с большой буквы, возрастать как личность во имя своего собственного благополучия, благополучия семьи и, конечно, тех, кто вокруг нас.

Следующий вопрос, заданный Его Святейшеству, касался просьбы верующих прихожан содействовать **канонизации митрополита Иосифа Чернова**, служившего в Алматинской епархии в 60-х годах и почитаемого в народе за святителя, заступника, исповедника.

– Я лично очень хорошо знал владыку Иосифа, он был дружен с моим духовным отцом митрополитом Ленинградским и Новгородским Никодимом. Я хорошо помню его, он был замечательный человек. Но существуют совершенно конкретные критерии, которые необходимо накладывать на человеческую личность с тем, чтобы сказать, святой человек или нет. Сам факт исповедничества не означает святости. Вот мой дед провел в тюрьмах и лагерях почти 25 лет за веру Христову. У него было семь человек детей, он оставил семью и пошел на эти страдания за Христа, а потом, освободившись в 1951 году, стал священником и служил в Башкирии до 91 года. Почему он не святой? Я хорошо знал деда, он действительно был великим человеком, многое у меня от него и по его молитве, но просто уважение и любовь к этому человеку не означает, что он достоин канонизации. Когда вам ответили отказом, это не потому, что в комиссии сидят бесчувственные люди, а потому, что, рассматривая жизнь владыки Иосифа, не все в ней членам комиссии кажется, что совпадает с критериями, которые существуют в церкви. Одним из критериев является молитвенное почитание человека, зафиксированные чудеса. Если мы будем просто уважаемых людей канонизировать, то размоем само понятие святости. Если человек не запечатлел свою жизнь мученической смертью, то чаще для канонизации нужно, чтобы прошло какое-то время. Совсем немного времени прошло с момента кончины владыки Иосифа, и требуется время для размышления, молитвы, чтобы Господь открыл нам, может ли осуществиться этот акт или нет. А пока накапливаются и собираются материалы, которые помогут в решении этого вопроса.

Самым непростым оказался **вопрос о женском счастье**, на который Его Святейшество ответил:

– Счастье – это не погоны, не счет в банке, это даже не большая семья.

Это внутреннее состояние человеческого сердца. Счастливым можно быть, живя очень скромно. Когда человек стремится к карьере, это не плохое чувство, но будет глубочайшим заблуждением считать, что, став на ступеньку выше, ты будешь счастливее. Другая проблема заключается в том, что человек считает: вот я побольше заработаю, куплю то-то и то-то и стану счастливее. Я уже однажды говорил, и даже публично, что мне пришлось быть лично знакомым с самым богатым человеком на земном шаре. Этот человек мог позволить себе все. У него был единственный сын – наследник огромной империи, красивый, молодой, который в 28 лет, будучи в здравом уме, бросился с моста в реку. Отчего это произошло? Оттого, что в сердце был ад, и его не могла снять никакая человеческая радость, которую можно купить.

Тема счастья – это очень таинственная тема, это Божий дар. Нет рецепта счастья, служебного положения, должности или института, которые могут предоставить счастье. Нет конкретного мужчины, выйдя замуж за которого, непременно окажешься счастливой. Вот почему мы говорим, что все исходит от человеческого сердца. Можно быть скромным во всем человеком, ограничиваться невысоким уровнем потребления, но невероятно счастливым. Я вспоминаю свое детство, и могу сказать, что мне удивительно повезло, я рос в прекрасной семье. Мы жили в коммунальной квартире, скромно питались, донашивали друг за другом одежду, но это была такая жизнь в любви, такая прививка человеческого счастья, что с этими чувствами я живу до сих пор.

Вечер в театре оперы и балета закончился, а в фойе долгое время люди оживленно обсуждали выступление Патриарха, делились впечатлениями.

– Для нас, православных прихожан Богоявленского храма города, это знаменательный день. Мы очень долго ждали приезда Патриарха Московского и всея Руси и пришли, чтобы получить Его благословение.

– Я думаю, что те вещи, о которых он говорил сегодня, своевременны и нужны для каждого из нас (прихожане Иссика).

– Он человек глубокой веры, уважает всех людей и убежден, что религия помогает найти человеку счастье.

– В 80-х годах я встретился с ним в Смоленске, когда был с капеллой на гастролях. Он провел литургию и читал проповедь. Я подошел к нему и сказал, что он необыкновенная личность, имеющая колоссальный ум, величайший дипломат, сказал: у вас большое будущее. Так и получилось. Вы обратили внимание, как он говорил сегодня? Без бумажки, эмоционально. А как потрясающе на вопросы отвечал. Вот вам и понятие счастья: для меня это – счастье (народный артист СССР, профессор Алматинской консерватории Анатолий Молодов).

– Выступление Патриарха – значимое событие для всех православных казахстанцев. Речь его потрясает, каждое слово аргументировано и понятно всем, независимо от образования и социального положения. Это и есть человек, который может вести свою паству за собой (советник, член Ассамблеи народа Казахстана Георгий Иорданиди).

* * *

Вечером 17 января Святейший Патриарх Кирилл посетил Никольский собор Алматы, где в 1995 году совершил свой молебен Алексей П. Храм выстоял во время разрушительного землетрясения 1911 года и пережил годы гонений на религию, так же как и Вознесенский кафедральный собор. К слову, за эти годы в Казахстане были построены и реконструированы две трети всех действующих в стране православных храмов и соборов, которых сегодня насчитывается около 300, открыты шесть монастырей.

Свято-Никольский собор Алматы

Создан по проекту архитектора Тропаревского и освящен 14 декабря 1908 года.

Первым настоятелем храма был назначен протоиерей Александр Скальский. В декабре 1932 года отец Александр был арестован и скончался в заключении. Прославлен Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2000 года.

С 1936 по 1945 гг., как и все другие храмы города, Свято-Никольский собор был закрыт.

5 июля 1945 года постановлением Священного Синода была образована упраздненная в 1936 году Алма-Атинская и Казахстанская епархия, ее управляющим назначен освободившийся из ссылки архиепископ Николай (Могилевский).

В 1946 году храм был передан общине верующих. Вскоре в цокольном этаже церкви под приделом святой великомученицы Варвары был устроен небольшой храм в честь Успения Богой Матери.

Весной 1995 года при активном содействии группы «Милосердие» на территории собора завершено сооружение поклонного креста в память о жертвах послереволюционных репрессий духовенства и мирян. Настоятель прихода – протоиерей Валерий Захаров.

Несмотря на ветер и дождь со снегом, сотни православных жителей Алматы, которым не хватило места в здании храма, ожидали прибытия Святейшего Патриарха на площади перед Никольским собором. В ночи он был озарен незабываемым волшебным светом. В заснеженных шапках, платках, люди горели радостным нетерпением, а зажженные свечи, оберегаемые зонтиками, не задул бы и самый сильный ветер. У врат собора Его Святейшество встречали настоятель протоиерей Валерий Захаров, клирики собора и духовенство Алматы. Святейший Патриарх Кирилл поклонился честным мощам священноисповедника Николая (Могилевского), митрополита Алма-Атинского и Казахстанского, покоящимся в соборе.

После краткой молитвы Предстоятеля Русской Церкви приветствовал митрополит Мефодий, который отметил, что в годы гонений Никольский собор был кафедральным собором города. Владыка Мефодий и клирики Никольского собора преподнесли Его Святейшеству образ священноисповедника Николая с частицей мощей святого.

Святейший Патриарх Кирилл обратился с **Первосвятительским словом** к иерархам, священнослужителям и многочисленным верующим, собравшимся в храме.

«Я с особым душевным трепетом вошел под своды этого храма, – сказал, в частности, Святейший Владыка. – В то весьма непростое время, когда Церковь наша жила в условиях государственного атеизма, храм был центром епархиальной жизни на территории огромного Казахстана. Здесь служили замечательные иерархи – владыка Николай (Могилевский), причисленный к лику святых; владыка Иосиф (Чернов), которого я лично хорошо знал и очень почитал и любил. Именно этот храм был местом общей молитвы тех, кто собирался вокруг своего архипастыря, чтобы прославить Господа. Именно под сводами этого храма я хотел бы возблагодарить Бога за подвиги тех, кто хранил веру православную на казахстанской земле: тех, кто положил свою жизнь за веру Христову, тех, кто нес на своих плечах тяжелейшие бремена гонений, тех матерей и бабушек, которые крестили детей, часто скрывая это от отцов и дедов. Вечная память всем труженикам Православия на Казахстанской земле и слава тем, кто причислен к лику святых. Верим, что

они предстоят сегодня Господу и молятся о Церкви нашей, о Казахской земле, о народе православном, который пребывает в этой стране».

«Сегодня утром я имел возможность освятить величественный кафедральный собор в Астане, – рассказал Предстоятель. – Когда я освящал собор, который являет славу Православной Церкви на этой земле, перед моим мысленным взором представляли те убогие лачуги, кельи, комнатки, бараки и сараи, где молились и совершали свое служение подвижники духа, великие угодники Божии, мученики и исповедники. Несомненно, по их молитвам и создаются сегодня храмы в Казахстане».

«Я хотел бы пожелать всем вам хранить веру православную в ваших сердцах, воспитывать в этой вере своих детей и внуков, – обратился Предстоятель к собравшимся под сводами собора. – И если в самое трудное время наши отцы и деды, наши матери и бабушки сохранили это сокровище, то тем паче мы – люди, живущие в совсем других условиях. Если мы сохраним православную веру, то мы сохраним нравственную силу, сохраним способность любить и ближних, и дальних, а значит, изменять жизнь и самих себя, и тех, кто вокруг нас».

«Я призываю вас, дорогие отцы, помнить, что мы живем в то время, когда священник должен не только совершать богослужения, но и реально помогать людям словом и делом, – сказал Святейший Патриарх, обращаясь к духовенству. – Мы живем в то время, когда православный храм должен становиться центром и духовной, и молитвенной, и общественной жизни. Мы живем в то время, когда православный храм должен быть общим пространством для единомышленников в вере, которые, собираясь перед лицом Божиим, молитвой укрепляют сами себя и друг друга».

В дар собору Предстоятель передал икону святой Матроны Московской с частицей мощей блаженной старицы. Все, кто пришел в этот день в Никольский собор, получили на молитвенную память образки праздника Крещения Господня с Патриаршим благословением.

* * *

18 января, в навечерие Богоявления (Крещенский сочельник), Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил Божественную литургию святителя Василия Великого и великое освящение воды в Вознесенском кафедральном соборе Алматы.

Вознесенский кафедральный собор

Находится на территории парка имени 28 гвардейцев-панфиловцев. Парк, расположенный в Медеуском районе города, был заложен в годы строительства – Верного (первое название Алма-Аты) на месте станичного кладбища в 1870-х гг. Старокладбищенский парк позже был соединен с Соборным и получил название Городской сад (современное название – с 1942 г.).

26 сентября 1903 г. епископ Туркестанский и Ташкентский Паисий (Виноградов) совершил чин закладки храма. Туркестанский Софийский кафедральный собор (впоследствии переименованный в Вознесенский) возведен в 1904-1907 гг. инженером Андреем Зенковым. Оригинальные конструкции высотного здания (до 54 метров) обеспечили надежность сооружения во время землетрясения 1910 г. Внутреннее убранство изготовлялось в художественных мастерских Москвы и Киева. Роспись иконостаса выполнил художник Хлудов.

Закрыт в 1927 г. С 1929 г. в здании размещался Центральный государственный музей Казахстана и другие учреждения. Колокольня собора использовалась для организации первых радиопередач в Алма-Ате. В 1976 г. собор был реставрирован.

Храм возвращен Русской Православной Церкви в мае 1995 г. Богослужebная жизнь возродилась в 1997 г.

Вознесенский кафедральный собор Алма-Аты является памятником деревян-

ного зодчества, образцом сейсмостойкого сооружения. Настоятель – протоиерей Александр Милованов.

От лица священнослужителей и паствы Алматы митрополит Мефодий сердечно поздравил Святейшего Патриарха Кирилла с праздником Крещения Господня. Владыка Мефодий преподнес Его Святейшеству две старинные иконы с изображениями Спасителя и Божией Матери с предстоящими Соловецкими святыми. Иконы были сохранены и возвращены Церкви одним из жителей Алма-Аты. Затем Святейший Патриарх Кирилл обратился к участникам богослужения с **Первосвятительским словом, посвященным духовному значению воспоминаемого в эти дни события – Крещения Господня.**

– Праздник именуется «Богоявлением» не только потому, что на реке Иордан явился Господь Иисус Христос, и был слышен глас Бога Отца, и Дух сходил как голубь (см. Мк. 1:9-11). Праздник Богоявления называется так еще и потому, что явление Божией благодати в мир, изливание в мир Божественной энергии и силы произошло через рождение Спасителя. Вот почему в глубокой древности эти два праздника – Крещение Господне и Рождество – праздновались в один день. Потому что благодать, явленная миру, – это благодать, пришедшая к нам через Господа Иисуса Христа.

Он родился, прожил короткую, тяжелую человеческую жизнь и отождествил себя со страданием человеческим. Не с властью человеческой, не с силой, не с богатством – Господь отождествил Себя с немощью человеческой, с безвластием, с уничижением, и явил всем, что даже безвластный и уничиженный имеет возможность говорить правду всему миру.

Эта правда Божия настолько режет глаз, настолько неприятна людям, живущим во грехе, что они не хотят ее слушать. И мы знаем, что Господь именно за эту Божию правду и пострадал...

...В день, когда мы вспоминаем Крещение Господа в реке Иордан, мы освящаем воду в знак присутствия этой благодати в Церкви. Иногда люди усиленно требуют чуда, словно фокуса, чтобы это чудо убедило их в том, что Бог существует; однако Церковь никогда не воздействует на сознание людей подобным образом. Но в сегодняшний день, освящая воду, Церковь свидетельствует о великом Божием чуде – о явлении благодати через страдания, смерть и Воскресение Господа нашего Иисуса Христа.

Мы освящаем воду, низводя на нее эту благодать. Мы знаем, что вода остается водой, не меняя свой физический и химический состав; но вода становится иной, она наполняется Божественной энергией. Эта вода никогда не портится, от прикосновения к ней исцеляются больные, изгоняются бесы, дается сила людям.

Явление благодати Божией над водой дается каждому из нас, чтобы мы могли уразуметь всемогущую Божию силу. Ибо благодать нисходит не только на воду – благодать пребывает на каждом из нас, кто крещен, кто вошел в ограду Церкви, кто причащается Святых Христовых Таин. Бог нам сообщает Свою энергию; но не в громе и молнии, не в чудесах, поражающих человеческое воображение, а как бы в тихом дуновении ветра касается нас эта благодать (см. 3 Цар. 19:11-12). Мы остаемся такими же, как были – из плоти и крови, костей и нервов, словно в нас ничего не меняется. Но если мы открываем сердца навстречу благодати, то, как вода преобразуется и становится святыней, так и человек под действием благодати Божией способен преобразоваться и стать святыней. Недаром апостол Павел называет человеческие тела храмами живущего в них Святого Духа (см. 1 Кор. 6:19).

Наша вера помогает нам не только понять величайшие Божественные истины, столь необходимые для полноты человеческой жизни; наша вера не только вразумляет нас. Церковь является не только общиной учения и назидаания, но в Церкви мы обретаем дар Божественной благодати. Именно эта

благодать, эта сила нас и спасает. А наши человеческие силы? Иногда нам кажется, что мы сильные, крепкие, что мы все можем. На самом же деле человек – очень хрупкий сосуд. Каждый из нас знает: еще вчера был исполнен сил, а наутро голова заболела – и где же сила наша? А если болезнь пострашнее? Мы под Богом ходим. В этом смысле наша человеческая сила, пусть даже обрамленная властью и деньгами, есть ничто. Человеческая сила не способна спасти наши души, но человека спасает сила Божия, Божия благодать, которая ныне таинственно, но реально снизошла на святую воду.

В ограде Церкви, в общине верующих, через общую молитву, через Таинства Церкви мы приобретаем этой благодати, обретая великую силу, способную из грешника соделать праведника, из падшего – восставшего, из отчаявшегося – уверенного, из потерявшего надежду – обретшего ее. Церковь несет великой силы духовный заряд современному человечеству, которое тщетно уповает на человеческую силу, не видя дальше очень короткой временной перспективы, все то, что может с ним произойти. А Церковь видит и знает. На протяжении двухтысячелетнего опыта своего бытия она утверждает великую истину, что человек спасается благодатью Божией.

Сегодня вы все можете почерпнуть святую воду и принести ее в свои дома. Берегите ее как святыню, с благоговением окропляйте ею свои жилища, самих себя, особенно тогда, когда нас посещают тяжелые жизненные обстоятельства, когда приходят болезни и скорби. Тогда нам особенно нужна благодать, в том числе и почерпаемая от святой воды.

Величайшее свидетельство Церкви, запечатленное опытом святых, опытом мучеников, заключается в том, что только Бог спасает человека. А спасение – это начало вечной жизни уже здесь, на земле, когда мы обретаем полноту человеческого бытия и затем эту Богом дарованную полноту переносим в жизнь вечную.

* * *

18 января, в резиденции Президента Казахстана в Алматы состоялась встреча Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с Президентом Республики Казахстан Нурсултаном Назарбаевым.

Святейший Патриарх Кирилл сообщил о решении наградить Президента Казахстана орденом Русской Православной Церкви «Слава и честь». Нурсултан Назарбаев преподнес Его Святейшеству миниатюрную копию Дворца мира и согласия в Астане. Уникальное здание, спроектированное британским архитектором сэром Норманом Фостером, было возведено в столице Казахстана специально для проведения Съездов лидеров мировых и традиционных религий.

Как подчеркнул Нурсултан Назарбаев, уважительное и бережное отношение к религии, интересам верующих является принципиальной политикой Казахстана.

После встречи с Нурсултаном Назарбаевым Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл возложил венок к Мемориалу Славы казахстанцев, погибших в годы Великой Отечественной войны.

Мемориал в парке 28 гвардейцев-панфиловцев сооружен в 1975 году к 30-летию Победы. Центральная часть комплекса – «Подвиг» – запечатлела образы героев-панфиловцев, защищавших Москву. Дивизия генерала Панфилова, остановившая наступление вермахта на Москву на Волоколамском направлении, была сформирована в 1941 году в Алма-Ате в основном из местных жителей и сразу же отправилась на передовую. В памяти народа остались двадцать восемь человек во главе с политруком Василием Клочковым, принявшие бой с немецким танковым батальоном у развязда Дубосеково. По обнаруженным ныне архивным данным, на самом деле там было около сотни бойцов, а всего в дивизии – около десяти тысяч солдат.

«Завершая пребывание на гостеприимной казахстанской земле, мы пришли к этому месту скорби и памяти о тех, кто положил за наше общее Отечество самое дорогое для человека – жизнь, – сказал Предстоятель Русской Православной Церкви в Первосвятительском слове. – Когда люди отдают свою жизнь, движимые долгом, такая жертва принимается Богом. Недаром в слове Божиим сказано: *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя* (Ин 15:13). Я рад, что именно у этого места завершается мой первый официальный визит в Казахстан. Я имел возможность ознакомиться с жизнью нашего православного народа в этой стране, с жизнью Казахстана, увидеть как религиозное измерение этой жизни, так и многие достижения в области экономики, в сфере общественной и социальной жизни. Только что у меня состоялась встреча с Президентом Казахстана Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым. Я благодарю Президента за то многое, что он сделал и для своего народа, и для межрелигиозного мира в Казахстане, а также для стран, входящих в Содружество независимых государств. Пусть благословение Божие пребывает над Казахстаном, над его трудолюбивым и мирным народом, над Президентом, над всеми, кто несет высокую политическую ответственность за будущее страны. Пусть благословение Божие пребывает с вами, мои дорогие владыки, отцы и братья, православная наша паства, близкая моему сердцу вне зависимости от расстояний, потому что для любви и для молитвы расстояний не существует. Пусть Господь хранит вас. Пусть в своей вере вы обретаете силу, в том числе и для того, чтобы преодолевать трудности в нашей земной жизни. Пусть благословение Божие пребывает со всеми нами. Храни вас Господь».

Святейший Патриарх Кирилл поблагодарил руководство страны за оказанный теплый прием, а также выразил особую благодарность митрополиту Мефодию и казахстанским архиереям за организацию первого Патриаршего визита в Казахстан. Программа зарубежных поездок Главы русской православной церкви в этом году более чем обширна. Весной он планирует побывать в Армении, Азербайджане, других странах СНГ.

Послесловие

Почти при всех храмах Астанайской и Алма-Атинской епархии действуют группы милосердия, в обязанности которых входит оказание духовной и посильной материальной помощи прихожанам храмов, инвалидам, престарелым и бедным – не только христианам, но и мусульманам. Кроме того, епархией и приходами оказывается регулярная помощь детским приютам, работают миссии при онкологических центрах, при всех городских приходах организованы благотворительные столовые. Фонд «Радонеж» строит дом престарелых и богадельню.

Выпускники Алма-Атинского епархиального духовного училища преподают в воскресных школах и на богословских курсах. При некоторых благочиниях и храмах действуют православные молодежные клубы и молодежные отделы (издательский, миссионерский, паломнический, социального служения). В собственность епархии приобретена база отдыха «Алматы Демалыс» на Капчагайском водохранилище, на основе которой организован епархиальный детский оздоровительный лагерь на 100 мест.

Редакция журнала благодарит пресс-службу Астанайской и Алматинской епархии за помощь в подготовке материала.

Подготовила Наталья ВАЛУЙСКАЯ

Халил Садыков

В КОНТЕКСТЕ СОДРУЖЕСТВА ЛИТЕРАТУР

1

Впервые о «мировой литературе» заговорил Гете. А потом эту здравую мысль подхватили другие его последователи – ученые-филологи, писатели, публицисты. Позднее сформировалась даже целая наука, получившая название «компаративистика», или, по-другому, сравнительное литературоведение.

Безусловно, прав словацкий ученый-компаративист Диониз Дюришин, говоря о том, что «без сравнения трудно понять – даже в пределах одной национальной литературы – динамику процесса, проникнуть в механизм наследования и смены традиций, накопления художественной ценности» (1).

Все движется и меняется, как говорят философы. В том числе и такая наука, как литературоведение. В нем сильнее проявляется тенденция изучения, узнавания типологических и контактно-генетических связей между разными национальными литературами и отдельными разноязычными писателями. И это, по-моему, замечательно, это продуктивно, ибо сравнительное литературоведение приводит подчас к таким неожиданным открытиям и «сюрпризам», о которых раньше мы и не помышляли, хотя и догадывались.

А сегодня я читаю сборник статей под названием «Литературно-художественный диалог», выпущенный Институтом литературы и искусства им. М.О.Ауэзова МОН РК в содружестве с Институтом мировой литературы им. А.М.Горького (Москва) (2), в котором компаративистика стала основным методом изучения мирового литературного процесса. Должен признаться, что прочел я эту книгу, как говорится, залпом, на одном дыхании, хотя она и далека от беллетристики.

Сборник открывается вступительной статьей директора института, академика С.А.Каскабасова, давшего обстоятельный историко-литературоведческий обзор по рассматриваемой проблеме. «Казахстан издревле был вовлечен в мировой культурный процесс» – вот та исходная позиция ученого, которая определила методологические принципы, цели и задачи академического труда в целом.

Не будем забывать, что и в советский период говорили и писали о классиках отечественной литературы, неизменно подчеркивали мировое значение их наследия. Десятки монографий и сборники статей, не говоря уже об отдельных статьях, были посвящены жизни и творчеству Абая, Сейфуллина, Ауэзова и других корифеев казахской литературы. Были попытки и сравнительного анализа, преимущественно в области русско-казахских литературных отношений и отчасти классической литературы Востока. Но, как правило, работы такого рода носили общий и декларативный характер, отражались на них и идеологические шаблоны и запреты. И мы как очевидный факт воспринимали утверждение, что все казахские писатели были старательными учениками М.Горького и В.Маяковского.

Действительно, время меняется. И то, что и как писали о литературе, о художниках слова вчера, сегодня, по-моему, писать невозможно. Это выглядело бы полнейшим анахронизмом. И я должен с удовлетворением отметить, что рецензируемый мною сборник и по идейно-тематическим параметрам, и по стилю, и по самому пониманию природы литературы и искусства убедительно демонстрирует эти перемены.

Ну, кто бы раньше традиционную тему «Абай – переводчик Пушкина («Евгений Оне-

гин»)» развернул в целую научную концепцию, в которой казахский классик предстал не только и даже не столько переводчиком пушкинского романа в стихах, сколько равноценной творческой личностью, создавшей под влиянием русского поэта произведение особого поэтического жанра в казахской литературе – «эпистолярный роман». Автор этой статьи профессор Ш.Елеукунов ссылается на авторитет «главного абаеоведа» Ауэзова и дальше развивает, конкретизирует идеи писателя по поводу «Евгения Онегина» (отрывков) на казахском языке. Для самого исследователя вопрос о том, что Абай создал на основе пушкинского романа собственный эпистолярный жанр кажется, остается неоспоримым фактом. Читаю: «Абаем написан эпистолярный роман. Вывод неоспоримый. Этого, однако, оказалось недостаточно для пересмотра устарелого мнения по поводу жанровых особенностей казахской версии «Евгения Онегина». Ее по-прежнему считают переводным произведением и только. В литературоведческих исследованиях по истории казахского романа об эпистолярном произведении Абая предпочитают не упоминать. На наш взгляд, в формировании и становлении казахского романа в лирике Абая его эпистолярному роману принадлежала роль, которую невозможно оспаривать».

Можно соглашаться или не соглашаться с подобной трактовкой «Евгения Онегина» на казахском языке. Но, думаю, нельзя отказать автору в раскованности и смелости в выражении собственного, может быть, в чем-то субъективного и спорного мнения. Это именно то, чего, увы, всегда не хватало в нашей отечественной науке.

Перейду к другому примеру, взятому из этой же книги. Должен признаться, что впервые я увидел Мухтара Ауэзова рядом с Уильямом Фолкнером и узнал, какое глубокое типологическое родство связывает этих крупнейших мастеров слова XX века. И не только в плане эпического жанра, но главным образом в плане присутствия в фолкнерском «Медведе» и «Сером Лютюм» Ауэзова мифологических парабол и художественной гиперболизации. Воспользуюсь цитатой, которую приводит автор статьи «У.Фолкнер и М.Ауэзов» Алма Тусупова: «Объясняя, как создавался «Медведь», Фолкнер рассказывает: «Это тот случай, когда привычный жалкий мир не удовлетворяет художника и он создает свой собственный, в котором собака Лев отважнее, а медведь громаднее, чем они были на самом деле». Мы видим, что и в рассказе Ауэзова мифологизм диктует свои «правила игры»: Серый Лютый больше и отважнее, чем обычный волк; он умен, ловок и неуловим, как свои мифологические собратья.

Возможно, мы имеем дело в данном случае не с контактной связью двух литератур, двух писателей, а скорее с родством, сближением типологического порядка. Один писатель живет в Америке, другой – в Казахстане. Читал ли Ауэзов в 20-е годы прошлого века Фолкнера, мы не знаем. Так что творческое родство двух художников слова могло произойти по законам типологических схождений. Этот факт весьма и весьма примечателен, ибо мы не можем похвастаться активностью и результативностью подобного рода связей.

Хочу возвратиться к теме Абая. Она проходит сквозной нитью через всю рецензируемую книгу, создавая особую атмосферу творческого содружества.

О трех источниках, питавших творчество Абая, сказал в свое время Ауэзов. Но, к сожалению, он не дал развернутую характеристику этим источникам. И вообще о международных связях Абая до сих пор говорилось скоро и невнятно, опять же декларативно. Приятным исключением является, пожалуй, монография Ш.Сатпаевой «Казахская литература и Восток», вышедшая в свет в 1982 году. В ней мы находим главу «Поэмы Абая Кунанбаева» в свете их связей с классической поэзией Востока (Руми, Саади, Джамии и др.).

Но понятно, что дальше Востока эта тема в тот период не распространилась. Читатели, естественно, не знали, было ли известно имя Абая в Европе, в Китае, Японии, в Америке и т.д.

В рецензируемом сборнике в этом плане привлекают внимание две статьи, тематически близкие друг к другу (хотя речь в них идет о разных именах). Первая принадлежит Маргарите Мадановой и называется «Европейские источники по литературному творчеству М.Ауэзова»; автором второй статьи – «Восприятие художественного наследия Абая Кунанбаева за рубежом» – является Айнур Машакова.

Абай и Ауэзов – две могучие фигуры в казахской литературе, – можно сказать,

впервые так уверенно и осозанно, во всей своей конкретике и масштабности вышли на международную арену, заговорили на равных с мировой классикой. Автору первой статьи, на мой взгляд, было и легко и трудно одновременно. Поясню, почему. Имя Ауэзова давно уже перешагнуло границы Казахстана, его книги переведены на языки всех континентов планеты. Да и высказываний и размышлений, заметок и обширных статей о казахском писателе, написанных зарубежными деятелями литературы, более чем достаточно. Одним словом, в разыскании материала, думаю, особых проблем не было. И Маданова обильно использует эти материалы, цитируя высказывания самых авторитетных зарубежных писателей, критиков и переводчиков (Луи Арагон, Альфред Курелла, Анна Зегерс и др.). Однако не могу не отметить один, на мой взгляд, досадный пробел в этой же статье. Все цитируемые тексты по своей природе относятся к тем образцам, в которых пока отсутствует глубокий, системный анализ произведений Ауэзова. Мы видим в них следы непосредственных эмоций и впечатлений, хвалебно-декларативной интонации, что в общем-то было естественным на первой стадии знакомства с творчеством нашего классика. А что потом? Неужели за Ауэзова не взялись серьезно и основательно зарубежные литературоведы, филологи-компаративисты, чтобы представить своим читателям Ауэзова-художника и мыслителя, слившего воедино национальное и общечеловеческое начало? Я думаю, что цитировать бесконечно Луи Арагона и Анну Зегерс сегодня – занятие малопродуктивное.

Автор второй статьи, Айнур Машакова, со знанием дела и на большом фактическом материале пишет о том немалом культурно-духовном пространстве, где свое место завоевал казахский поэт Абай. Вот некоторые конкретные точки этого пространства: Пакистан, Индия, Иран, Турция, Монголия, Франция, Германия, Англия, Венгрия... Наконец-то мы услышали конкретные места соприкосновения поэта с разноязычной культурой мира – с именами, датами, названиями книг и статей зарубежных авторов, перечислениями научно-практических конференций и встреч на международном уровне. Автор статьи, не пускаясь в велеречивые и парадные интонации, просто и бесстрастно констатирует реальные факты, связанные с вхождением Абая в мировое пространство. Для наглядности процитирую одно место из статьи, которое демонстрирует, что автор свободно владеет казахским и французским языками, что и позволяет ей уверенно говорить о их стилистических и ритмико-интонационных тонкостях, в частности, в области стиха: «Рассматривая музыкальность казахского и французского языков, Альбер Фишлер приводит в пример известную песню Абая «Козімнін карасы». На французском языке песня называется «La grunelle de mes yeux». Альбер Фишлер отмечает правильность мыслей и красоту звуков этой песни. При этом он находит, что созвучия в языке Абая и французском языке одинаково легки и задушевные».

Конечно, и в этой статье встречаются общие места и эмоциональные высказывания зарубежных друзей. Но их появление можно понять. Ведь имя Абая было и остается пока не столь популярным, как имя Ауэзова. Его только-только открывают, его переводят и издают на разных языках энтузиасты своего дела. Так что серьезные научные работы по Абаю, возможно, еще впереди.

Большую и содержательную статью представил в сборник Бейбут Мамраев. Она называется «Символизм в казахской литературе». Предметом своего исследования автор избрал отечественную литературу начала XX века, когда блистали имена А.Байтурсунова, С.Торайгырова, М.Жумабаева, М.Ауэзова и других мастеров слова. Как я понял, понятие «символизм» Б.Мамраев берет в расширительном смысле, по существу, приравнивая его к понятию «романтизм». На мой взгляд, это спорный подход. Романтизм как художественный метод шире, объемнее и исторически богаче, чем символизм. И не случайно автор на протяжении всей статьи вынужден говорить именно о романтизме как о целом направлении в казахской литературе, в то время как о символизме говорится вскользь (на примере некоторых стихов Магжана Жумабаева). Что касается собственно романтизма в этой литературе, то он рассматривается Мамраевым убедительно и основательно, с привлечением большого фактического материала, со ссылками на научные авторитеты (К.Жумалиев, З.Ахметов, М.Базарбаев и др.). Нельзя не согласиться с мнением автора, что «задача системного изучения

казахского романтизма продолжает оставаться актуальной» и что «романтические тенденции в казахской литературе обусловлены прежде всего национальной фольклорной и литературной традицией и отражают одну из важнейших сторон народного мировосприятия». Статья ученого, несомненно, обогащает и изменяет некоторые прежние координаты в понимании такого сложного явления, как романтизм.

2

Рецензируемый сборник составлен в основном из статей известных и часто публикующихся людей. Одним из них является Герольд Бельгер, представлять которого думаю, не стоит. Скажу только, что в моем понимании это уникальный человек в том смысле, что, в совершенстве владея тремя языками – казахским, русским и немецким, он пишет свои книги и статьи с такой поражающей точностью и убедительностью, с такой дотошной скрупулезностью и хозяйской степенностью, что не узнать Бельгера-литературоведа и публициста просто невозможно.

В рассматриваемом сборнике Бельгер выступает с давней и излюбленной для него темой – Абай-переводчик. Но поэт у него не одинок; рядом с ним всегда еще какие-то лица по цеху. Все мы хорошо знаем, например, такое творческое «трио»: Гете – Лермонтов – Абай. И вот новое содружество, составленное опять-таки из трех имен: Шиллер – Лермонтов – Абай. История взаимоотношения этих мастеров слова, история взаимных переводов и вошла в статью Бельгера «Отзвуки». А поводом для разговора послужило известное двустилишие Шиллера, которое в подстрочном переводе автора статьи звучит так:

*Счастливый ребенок! Тебе бесконечное пространство – еще колыбель.
Стань мужчиной, и тебе станет тесным бесконечный мир.*

Литература

1. Диониз Дюришин. Теория сравнительного изучения литературы. Пер. со словацкого. М., Прогресс, 1979.
2. Литературно-художественный диалог. Алматы, 2008-11-09.
3. Веселовский А.Н. Этюды и характеристики. М., 1903.

Валерий Джанаев

МЫСЛИ И ОТКРОВЕНИЯ

Афоризмы – это способ познания жизни через осмысление ее скрытых пружин.

расивая женщина – та, которая остается красивой и на вторую минуту общения. Прекрасная – которая остается красивой всегда.

ольшое сердце вмещает в себя многое и многих, маленькое – лишь его обладателя, ради которого способно пойти на любые жертвы... со стороны окружающих.

ри разрыве отношений с близким человеком следует помнить, что рано или поздно кому-то из вас придется покинуть из-за этого дружеский или родственник круг, и этим кем-то можете оказаться именно вы. А это иногда тяжелее эмиграции...

сли опьянение – измененное состояние ума, то любовь – измененное состояние души.

ечтая ускорить ход времени в ожидании какого-нибудь события, мы торопим часы, дни, а иногда и годы. Акцентируя внимание на этих микрофиналах, заполняем пустотой, обесцениваем гораздо большую часть своей жизни.

есчастливыми нас может сделать любой, счастливыми – единственный.

вечном конфликте поколений юное, в отличие от старшего, занимает позицию бескомпромиссную и непримиримую. Ведь если старшие уже имели свой опыт молодости, то юным сама мысль о стариковском будущем кажется смешной.

е сказанное слово – камень, сказанное – бумеранг.

любое меньшинство по какому-либо – религиозному, культурному, социальному, сексуальному и т.д. – признаку громко призывает к полному

равноправию, в принципе отрицая объективность причин меньшего числа своих сторонников. Однако в случаях, и история знает тому примеры, когда меньшинству удавалось навязать свою волю остальным, рождались худшие образцы деспотии и неравенства. В борьбе за свои правила игры меньшинство, как правило, не дремлет. Не стоит крепко спать и большинству...

укашка, если она перед глазами, и слона затмит.

се люди в основном хотят одного и того же, только в разных мерах и количествах.

изнь наша подобна роялю, в котором звучат попеременно, а то и вместе, черные и белые клавиши, и порой не знаешь, чего в аккордах событий больше – темного или светлого. Все мы – исполнители этой великой симфонии, хотя наверняка не знаем: музыка нашей судьбы – это экспромт или она написана кем-то заранее. И кто тогда автор партитуры?

от, кто в сложном затяжном конфликте занимает безоговорочно позицию одной из сторон, – ангажирован.

стинное лицо свое люди открывают не тогда, когда встречаются, а когда расстаются навсегда.

от, чье время ушло, хвастается прошлым. Сильные мира сего делят между собой настоящее. Таланты ревнуют друг друга к будущему. И лишь подлинные гении далеки от этих мелочей: их назначение – быть вехами вечности.

мерть наша, при всей ее общей логической закономерности, в каждом конкретном случае – результат стечения случайностей, а потому всегда неожиданна.

сли бы задать мудрецу вопрос, в какую сторону изменилось человечество за тысячи лет – в худшую или лучшую, он, подумав, наверное, ответил бы: “Людей стало больше...”

азета по своему характеру – явно женского рода: эмоционально-импульсивная и отзывчивая, она всегда непрочь посудачить о том о сем. Темпераментная и даже слегка ветренная, с удовольствием отдается читателю при каждой встрече, а при явном успехе вообще может пойти по рукам. И, как всякая женщина, предпочитает, чтобы ее использовали по назначению.

то в голос смеется, к земле не согнется.

ешив сменить обстановку и отдохнуть от привычной рутины, может быть, стоит иной раз хотя бы переставить мебель и в своей душе – чтобы вернуться потом не к прежней, а в чем-то другой жизни.

звестно романтическое тяготение мужчин зрелого возраста к юным познавательницам жизни и наоборот. При этом оба подсознательно ищут опору: она – сейчас, в своей юности, он – потом, в своей старости. Юность, как правило, не прогадывает.

усть уж люди, глядя на тебя, говорят “бедняк”, чем “бедняга”.

итрость часто выигрывает в тактике, но проигрывает в стратегии, в чем и уступает мудрости.

овороты нашей судьбы редко результат продуманных решений, гораздо чаще – плод роковых поступков, порождаемых нашими страстями. Ошибка этих можно было бы избежать, повремени мы хоть мгновенье. Однако тщетно: страсть не теряет мгновений.

астоящая музыка не та, которая замещает мысли и чувства яркими ощущениями, а та, что окрашивает яркими ощущениями новые мысли и чувства, которые порождает.

амые бескорыстные люди – алкоголики: они – единственные, кто согласен получать зарплату не в твердой, а в жидкой валюте.

остоинство как самоосознание своей личности есть главное в человеке. Оно всегда индивидуально и неповторимо, неизменно же одно: достоинство можно потерять добровольно, но его нельзя отобрать. Насильник, унижающий физически более слабого, не в силах уничтожить его духовную сущность, зато сам теряет человеческое достоинство.

емля – символ терпения. Кого только она, многострадальная, ни носила, и тебя, безответная, вынесет, да и в себя примет...

ыиграть любой ценой стремится тот, для кого честь и достоинство – не высшая цель, а разменная монета.

Мурам Увализев

ТАЙСКИЙ ВОЯЖ КАЗАХСТАНЦА

«Отечества и дым нам сладок и приятен»

Г. Державин

Барабанит по пальмам тропический ливень.
Зеленеет нефритом вода в океане.
Я мочу свои ноги в Сиамском заливе,
Ароматы вдыхаю – не как в Казахстане.

Все не так, как у нас, в Королевстве Сиам.
Пьют не чай и кумыс, а кокосовый сок,
Поклоняются Будде и белым слонам,
Правда, пахнет родным дуриана кусок.

Здесь природа щедрее на яркие краски,
И небес синева – как в кино или снах.
Обезьяньи стада – как у Киплинга в сказке...
Я катаюсь по джунглям верхом на слонах.

Я «лежу на пляжу» между двух океанов,
И ласкает мне пятки песок по утрам.
На обед – ананасы и суп из бананов –
Вот такой рацион в Королевстве Сиам.

Я в буддийские храмы в ожидании чуда
Захожу босиком и глазею бездарно.
И глядит так в ответ укоризненно Будда,
Что краснеет моя мусульманская карма.

А для тайцев буддизм понятен и прост,
И готовы они, веря в доллара силу,
Ядовитую кобру подергать за хвост,
Сунуть голову в хищную пасть крокодилу.

Но кончается день над Сиамским заливом.
Упадет в океан утомленное солнце.
Убегая от пляжа бесшумным отливом,
Обнажает залив свое темное донце.

Обнажают бульвары вечерние тайны.
Всюду запахи рыбы и секса разлиты...
Мне, призывно глядя, улыбаются тайки.
До чего хороши! Только жаль – трансвеститы.

Заманили меня, затуманили взор,
 Соблазнив в темноте оголенным бедром...
 Что увидел я там – маскара и позор.
 Ни жене рассказать, ни поведать пером.

Словом, жизнь здесь экзотики разной полна.
 Все не так, все иначе и ночью и днем.
 Даже солнце желтей и порочней луна,
 И гордятся все тайцы своим королем.

Аул – Бангкок – Патайя

Светлана Назарова

ЭПИГРАММЫ

Молодящейся подруге

Ты спрашиваешь, так ли всё пригожа?
 (Морщинки вызывают твой испуг.)
 «Конечно, да», – отвечу. Ты ж мне друг!
 Это Сократу истина дороже...

Кстати, о птичках...

Вот о чём куплеты:
 Кенар жил да был.
 Петь свои сонеты
 День-деньской любил.

Возбуждал он чувства
 Васьки-шельмеца:
 Кот любил искусство
 И сожрал певца.

Сюрприз

В день рожденья – со смехом, с задором –
 Ей коробочку в лентах вручили.
 О подарке сказать позабыли,
 Что коробочка – ящик Пандоры.

* * *

Нас вечно заедает быт, подлец.
 Когда же он наестся, наконец?!

